В. Д. НОВИЦКИЙ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ЖАНДАРМА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Автор мемуаров — генерал В. Д. Новицкий, известный деятель политического сыска в России второй половины XIX века. С позиций профессионала-охранителя, посвященного во многие скрытые и малоизвестные обстоятельства, он описывает ключевые моменты в противостоянии жандармских органов и революционного движения — от эпохи «хождения в народ» до эсеровского террора и развертывания социал-демократической пропаганды. В нетрадиционном ракурсе представлены многие деятели подполья и их противники; отражена эволюция методов политического сыска, вплоть до складывания системы перманентной провокации — основного оружия охранки в начале XX века. Для широкого круга читателей. © Предисловие А. А. Левандовского, 1991 г.

- Генерал В. Д. Новицкий
  - ПОЛИТИЧЕСКИЙ СЫСК В РОССИИ: СИСТЕМА И ЛЮДИ
  - В. В. Водовозов
  - ГЕНЕРАЛ НОВИЦКИЙ О САМОМ СЕБЕ
  - В. Д. НОВИЦКИЙ
    -
    - I
    - II
    - III
    - IV
    - V
    - VI
    - VII
    - VIII
    - IX
    - X
    - XI
    - XII
    - XIII
    - XIV
    - XV
    - XVI
    - XVII
    - XVIII
- notes
  - 1

- ○ 2
- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45

- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89

- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133

- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177

- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221

- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265

- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309

- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348

Генерал В. Д. Новицкий
Б. начальник Киевского губернского жандармского управления
Из воспоминаний жандарма

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СЫСК В РОССИИ: СИСТЕМА И ЛЮДИ

Книгой воспоминаний генерала В. Д. Новицкого издательство МГУ начинает публикацию серии, название которой — «Записки жандармов» — говорит само за себя. Читатель сможет познакомиться с произведениями, вышедшими из-под пера этих своеобразных представителей российской бюрократии, чье постоянное пребывание на «передовых рубежах обороны» самодержавного строя предусматривало не только самую разностороннюю осведомленность, но и незаурядные личные качества.

В публикациях данной серии прошлое предстанет перед современным читателем в новом и, наверное, во многом неожиданном ракурсе. За последние десятилетия у нас в стране был издан значительный комплекс материалов личного характера (дневников, мемуаров, писем и т. п.), связанных с революционным и радикальным движением; куда меньше «повезло» в этом отношении либералам; что же касается «защитников устоев», здесь счет публикациям идет буквально на единицы. Между тем, очевидно: для того, чтобы разобраться в трагически сложных событиях нашей недавней истории, необходимо выслушать все заинтересованные стороны.

Каждая книга серии представляет самостоятельный интерес, поэтому издательство позволяет себе отступать от строго хронологической последовательности при их выпуске. В конечном результате серия должна дать достаточно цельное и всестороннее представление о тех органах, которые на протяжении всего XIX и начала XX века противостояли революционному движению в России. Вслед за воспоминаниями В. Д. Новицкого, чья деятельность по «сыскной части» протекала в основном во второй половине XIX столетия, в ближайшее время выйдут в свет записки как его предшественников, стоявших у самых истоков политического сыска в России, — знаменитого Л. В. Дубельта, на протяжении почти трех десятилетий управлявшего делами III отделения, жандармского штаб-офицера Э. И. Стогова, — так и тех, кто «завершал» отчаянную и безнадежную борьбу с революцией в начале XX века: одного из самых известных деятелей охранки А. И. Спиридовича, директора Департамента полиции столыпинских времен П. Г. Курлова. Кроме того, предполагается опубликовать и некоторые архивные материалы.

Следует отметить, что все вышеназванные произведения

жандармского творчества не только содержат множество ценнейшей, хотя далеко не всегда бесспорной информации, но нередко и захватывающе увлекательны. В целом они могут многое дать читателю — при одном условии: необходимо предварительно разобраться в личностях этих необычных авторов и, особенно, в общем характере той грандиозной системы политического сыска, которой определялась вся их деятельность.

***

В свое время известный публицист и историк М. П. Драгоманов, желая подчеркнуть, сколь неотъемлемой частью самодержавно-бюрократического аппарата являются органы государственной безопасности, писал, что Благовещением их была обязательность доносов при Иване III, а Рождеством — опричнина Ивана Грозного. Ему вторил и Л. П. Меньщиков, сам поседевший на охранной службе, который в знаменитом Малюте Скуратове видел достойного предшественника своих коллег-охранников начала XX века…

Рациональное зерно в подобных рассуждениях, несомненно, есть: основная цель, которую преследовала опричнина — «изничтожение крамолы», т. е. сопротивления существующей власти, в какой бы форме оно ни проявлялось — была близка и всем ее преемникам, многочисленным «спец» — приказам, канцеляриям и экспедициям последующих веков. Однако вплоть до того момента, когда перед властью возник новый, неукротимый и страшный противник — революционное движение, угрожавшее уже всему самодержавному строю в целом, задачи этих органов формулировались весьма общо, а функции были широки и неопределенны: контроль над деятельностью других государственных органов и борьба с хищениями и казнокрадством, искоренение государственной измены и подавление бунтов и т. п. При этом действовали они, как правило, весьма примитивно и прямолинейно: в основе большинства розыскных дел лежал письменный или устный донос, «извет»; затем следовали обыск, допрос, пытка…

К началу XIX века вся эта система, от которой так и веяло средневековьем, ни по форме своей, ни по существу уже не соответствовала духу времени. Недаром Александр I, взойдя на престол, уничтожил последний из этих «опричных» органов — Тайную экспедицию Сената, уничтожил демонстративно, «навсегда» — с тем, чтобы через несколько лет, в 1807 году,

предпринять первую в России попытку создания «европеизированного» органа политического сыска, каковым стал Комитет по охране общественной безопасности.

Новое, как известно, рождается в муках… Александру, взявшему за образец систему политического сыска наполеоновской Франции, так и не удалось создать ничего путного в этом роде. У Наполеона несколько параллельных структур, поставляя разнородную информацию, в то же время контролировали друг друга, позволяя главе государства сохранять известную самостоятельность в своих суждениях и решениях по полицейской части. В России же стремление «разделять и властвовать» привело лишь к своего рода сыскной вакханалии: наряду и одновременно с Комитетом 1807 года здесь были созданы секретные полиции при петербургском и московском генерал-губернаторах; в 1810 году к ним прибавилось специальное Министерство полиции; особые органы сыска существовали при штабе гвардейского корпуса и при начальнике южных военных поселений. Взаимоотношения всех этих ведомств, занятых, по сути, одним и тем же делом, так и не были четко определены, что неизбежно вело к взаимным склокам и всеобщей неразберихе. К тому же профессиональный уровень подавляющего большинства сотрудников этих «секретных полиций», не говоря уже об их человеческих качествах, был ниже низкого. Полуголодные и невежественные агенты, набранные среди отбросов общества, думали только о своем прокорме; нередко они стряпали самые нелепые «политические» дела, шантажируя «мирных обывателей» — вечную дойную корову всех российских полиций…

Органы политического сыска александровских времен по всем статьям отставали от своего противника — декабристского движения, которое росло и крепло не по дням, а по часам. Единственная их удача — «плодотворная» деятельность в Южном обществе агента-провокатора Шервуда, который по своим приемам и ухваткам намного опережал время, — была тем самым исключением, которое лишь подтверждает правило: не случайно весьма содержательные доносы Шервуда не помогли ни пресечь деятельность южан, ни предотвратить первое в русской истории революционное восстание… Новый царь, Николай I, которому пришлось пробиваться к престолу картечью, как нельзя глубже прочувствовал всю степень опасности, угрожавшей самодержавию, и принял соответствующие меры.

Создание новой системы государственной безопасности — системы грандиозной по своему размаху, разветвленной, всеохватывающей и в то же время, в отличие от предшествующего

периода, строго централизованной — разворачивалось в двух направлениях. Прежде всего в 1826–1827 годах был сформирован корпус жандармов (с 1836 года — Отдельный корпус жандармов), составивший костяк системы. У этого не совсем обычного военно-полицейского формирования имелись предшественники, которые и послужили для него исходным строительным материалом: к середине 1820-х годов в России было ни много ни мало — 59 различных жандармских частей. Одни из них действовали в войсках, обеспечивая порядок или собирая сведения о настроениях солдат и офицеров; другие несли полицейскую службу в столицах и губернских городах — ловили преступников, выбивали недоимки, подавляли народные волнения и пр.

Во главе корпуса стоял шеф жандармов, опиравшийся в своей руководящей деятельности на специальное Управление (впоследствии — Штаб). Ему непосредственно подчинялись генералы корпуса, стоявшие во главе округов, на которые была разделена вся Россия (сначала их было 5, к 1836 году — 7). В каждый губернский город назначался жандармский штаб-офицер (от майора до полковника), под началом которого находились специальные команды из обер-офицеров и рядовых чинов.

Одновременно с этой «явной» политической полицией создавалась и иная ипостась новой системы — тайная. 27 июля 1826 года начало свою деятельность III отделение Собственной его императорского величества канцелярии. Создавая этот орган, Николай лишний раз продемонстрировал, как серьезно он относится к вопросу государственной безопасности: в ведение собственной канцелярии передавались лишь те категории дел, которые, по мнению царя, требовали его личного, постоянного и чрезвычайного контроля. III отделение, функционировавшее «негласно», составило единое — точнее, двуединое — целое с жандармскими органами в центре и на местах; эта двуединая сущность новой системы подчеркивалась и тем, что начиная с 1826 года и вплоть до ликвидации III отделения в 1880 году шеф жандармов был в то же время и его начальником.

III отделение быстро превратилось в настоящий мозговой центр новой системы государственной безопасности: сюда стекалась вся информация с мест, здесь разрабатывались операции по борьбе с «инакомыслием» и составлялись инструкции, координирующие деятельность жандармов в округах и губерниях. Именно III отделение придавало этой системе тот жутковатый колорит таинственности и вездесущности, который заставил А. И. Герцена характеризовать ее как «вооруженную инквизицию, полицейское масонство, имевшее во всех уголках Империи, от Риги до Нерчинска, своих братьев слушающих и

подслушивающих…»

Функции новых органов, если судить по соответствующим «нормативным документам», поражают своей почти бескрайней широтой: жандармы должны были «наблюдать за общим мнением и народным духом»; следить за «подозрительными лицами»; обнаруживать тайные общества; разыскивать фальшивомонетчиков; контролировать деятельность государственного аппарата, выявляя злоупотребления и неблагонадежность чиновников всех рангов; надзирать за «направлением, духом и действиями» различных религиозных сект, а также за деятельностью культурных и научных обществ; вести наблюдение за иностранцами, пребывающими в России, и ведать, в случае необходимости, их высылкой; разбирать жалобы, просьбы и прошения «по тяжебным и семейным делам», поступавшие как на высочайшее имя, так и в само отделение; сверх того, «заниматься всеми вообще происшествиями в государстве» — пожарами, убийствами, народными волнениями и пр. — собирая о них информацию и составляя соответствующие «ведомости».

Таким образом, предполагалось, что новая политическая полиция будет осуществлять поистине всеобъемлющий надзор за народом и обществом. Подобный «тотальный» характер деятельности органов государственной безопасности, созданных при Николае I, определялся господствовавшей в его царствование идеологией — так называемой теорией «официальной народности». Она претендовала на то, чтобы утвердить самодержавие и православие в качестве неотъемлемых основ духовного и материального бытия русского народа: он существует лишь потому, что сохраняет верность самодержавному строю и подчиняется отеческому попечению православной церкви. Падут эти устои — не будет России… Поэтому делом первостепенной важности объявлялось всемерное укрепление самодержавного государства и православной церкви, с одной стороны, и беспощадная борьба с любыми попытками подорвать «основы основ» русской жизни — с другой. При этом «подрывная деятельность» понималась чрезвычайно широко: ее видели не только в идейной борьбе, в либеральных и атеистических «умствованиях», но и в служебных проступках, пренебрежении церковными обрядами, безнравственном поведении — в любых отступлениях от раз и навсегда определенных норм частной и общественной жизни. Жандармам приходилось принимать на себя массу обязанностей, как правило, политической полиции не свойственных: они должны были не только бороться с противниками существующего строя, но и брать под свою сурово-

благожелательную опеку всех благонамеренных россиян, зорко следя за тем, чтобы эта благонамеренность нигде и ни в чем не давала сбою: чтобы чиновники не воровали, обыватели не спивались, мужья не изменяли женам, богатые не притесняли бедных, бедные не держали зла на богатых и т. д., и т. п. В результате система безопасности, имевшая в своей организации целый ряд новых, весьма многообещающих черт, все же явно несла отпечаток родства с предшествующими ей учреждениями былых времен: она стремилась держать под своим контролем чуть ли не все бытие России, во всех его проявлениях.

Подобная «сверхзадача», конечно же, донельзя затрудняла профессиональную специализацию этих органов в отношении политического сыска как такового. Основные «опоры» его оставались прежними, характерными еще для XVIII века: перлюстрация (здесь III отделение весьма плодотворно сотрудничало с Главным управлением почт); наблюдение за печатью (непосредственное и через цензоров, которые обязаны были сообщать в политическую полицию обо всех отклонениях от самодержавно-православных постулатов, обнаруженных ими в рукописях российских авторов); и самое главное — доносы, устные и письменные, добровольные и вынужденные. Предпринимались определенные попытки и к созданию тайной агентурной сети во всех слоях общества, но ничего сколько-нибудь цельного и стабильного в результате так и не получилось.

Следует отметить, что при всем том новые органы действовали несравненно более успешно, нежели анекдотические «секретные полиции» начала века — прежде всего за счет хорошей штатной организации, разветвленной и в то же время строго централизованной; не последнюю роль играла и дисциплина, поставленная здесь на военную ногу. Они неплохо справлялись с противником, пытавшимся действовать революционными средствами, — с подпольными студенческими кружками, возникавшими в начале николаевского царствования.

Но, конечно же, та главная цель, которую преследовал Николай I, создавая свою политическую полицию, — остановить с ее помощью всякое движение мысли, превратить теорию «официальной народности» в вечную, непоколебимую догму — эта цель оказалась совершенно недостижимой. В 1840–1850-е годы публицисты, литераторы и ученые различных оппозиционных направлений — славянофильского, западнического, революционно-демократического — не взирая на постоянный бдительный надзор, установленный за ними жандармами, сумели как нельзя лучше подготовить «внутреннее освобождение» русского общества, привить ему жажду

решительных перемен.

И перемены эти Россия увидела в эпоху великих реформ… Все в стране пришло в движение, былая стабильность развеялась в дым. Те сословия, которые на протяжении веков служили опорой самодержавной власти, — поместное дворянство и патриархальное общинное крестьянство — медленно, но верно разлагались под губительным для них воздействием новых буржуазных отношений, питая своими соками преемников, куда более неспокойных, политически активных — буржуазию и пролетариат. Но если эти новые классы превратились в серьезных противников самодержавного строя лишь в конце XIX — начале XX века, то с еще одним, как выяснилось, опаснейшим противником — разночинной интеллигенцией — правительству нового царя Александра II пришлось столкнуться лицом к лицу уже в 1860-х годах.

«Люди разных чинов», которые, как правило, прорывались к образованию, к интеллигентным профессиям с боем, преодолевая на своем пути многочисленные препятствия, вплоть до голода и неприкрытой нищеты, были куда более радикально настроены и лучше подготовлены к жизненной борьбе, чем их относительно благополучные предшественники — дворяне. Не удовлетворившись великими реформами, разночинная интеллигенция все решительней переходила от жарких теоретических споров в печати и дружеских кружках к практической деятельности. Поначалу эта деятельность носила вполне мирный характер: создание швейных, переплетных и прочих мастерских, где труд и распределение организовывались на социалистических принципах; образование коммун, члены которых пытались на тех же принципах обустроить свою личную жизнь и быт, и т. п. Однако по мере того, как все эти опыты не приводили ни к каким серьезным результатам, а власть преследовала «потрясателей основ» все решительней и безжалостней, радикально настроенные члены общества уходили в подполье, принципиально меняя характер своей деятельности. При этом уже в 1860-х годах революционеры-разночинцы не стеснялись в борьбе с властью и самыми крайними средствами: в апреле 1866 г. Д. В. Каракозовым было совершено покушение на самого царя… К тому же разночинное подполье было «глубже» того, в котором пытались в свое время укрыться декабристы, вопросы конспирации изначально разрабатывались здесь профессиональней и основательней.

Выстрел Каракозова, лишний раз показавший, как сильно изменилась обстановка в России, прозвучал сигналом тревоги для власти в целом и особенно — для руководителей политической

полиции, которая явно не была готова к подобному повороту событий. Поэтому вновь назначенный начальник III отделения и шеф жандармов П. А. Шувалов начал с того, что попытался усовершенствовать свое ведомство. В сентябре 1867 года Александр утвердил новое «Положение о корпусе жандармов», подготовленное Шуваловым и его сотрудниками. Структура жандармских органов была серьезно преобразована. Громоздкие округа были упразднены, зато на местах жандармерия значительно усилилась: создавались губернские управления с четким и единообразным штатным расписанием. К тому же структура жандармерии разворачивалась еще на один уровень: при губернских управлениях, в уездах создавались наблюдательные пункты — паутина надзора, таким образом, становилась куда более частой, чем раньше. Особое внимание Шувалов обратил также на обработку принципов отбора кадров в корпус жандармов — как офицеров, так и унтеров с рядовыми.

Что же касалось полиции тайной — III отделения, то здесь первостепенное значение приобретал вопрос о совершенствовании методов политического сыска, поскольку старые, традиционные в новую эпоху уже не срабатывали. Именно в это время, в конце 1860-х — 1870-е годы, очевидно, начинают закладываться основы профессиональной агентуры, как «наружной», осуществлявшей филерскую слежку за революционерами, так и «внутренней», «секретной», внедрявшейся в подпольные кружки и организации и принимавшие в их деятельности иной раз самое активное участие. Тем самым прорабатывались азы той «науки провокации», которую позже преемница III отделения — охранка — подняла на такую недосягаемую, поистине академическую высоту.

И все же политическая полиция не поспевала за стремительным разворотом событий; так же, как и в начале века, она проигрывала в схватке с революционным движением. Если у власти и были какие-то иллюзии в этом отношении, то они окончательно рассеялись в конце бурных 1870-х годов: системе безопасности еще удавалось кое-как, с грехом пополам, нейтрализовывать сначала хождение революционной интеллигенции в народ, а затем — деятельность аморфной, раздираемой внутренними противоречиями «Земли и Воли», но перед лицом новой организации — «Народной Воли» — III отделение и жандармерия оказались банкротами.

Эта организация объединила в своих рядах немало ярких личностей — красноречивых идеологов, талантливых организаторов, бесстрашных исполнителей террористических

акций: А. И. Желябова, А. Д. Михайлова, В. Н. Фигнер, С. Л. Перовскую и многих прочих. Не менее важным было то, что «Народной Воле» удалось достичь небывалого в российском подполье уровня дисциплины и конспирации. Серьезную роль в том успехе, с каким она противостояла политическому сыску, сыграл и Н. В. Клеточников — агент ее Исполнительного комитета, которому удалось устроиться в III отделение письмоводителем; через него в «Народную Волю» шла важнейшая информация, позволявшая сводить на нет все сыскные усилия жандармов. Само же III отделение похвалиться подобными агентами в те времена никак не могло…

После того как «Народная воля» в 1879 году открыла террористическую кампанию против правительства, начав с шефа жандармов Н. В. Мезенцева, руководством политической полиции овладело ощущение своей полной беспомощности. О противнике, выступившем против них с оружием в руках, они ничего толком не знали и узнать почти не надеялись — просто не от кого было. Все, что мог предложить для борьбы с террором преемник убитого Мезенцева Н. Д. Селиверстов — это тотальная слежка за всеми приезжающими в Петербург и выезжающими из оного, опросы всех столичных дворников и извозчиков по поводу подозрительных лиц, повальные обыски и аресты среди этих подозрительных. Это лишний раз свидетельствовало о том, насколько устарела система государственной безопасности, введенная Николаем I.

Когда в следующем, 1880 году, народовольцы начали настоящую травлю самого царя, то защитники престола и политическая полиция, как «явная», так и тайная, оказались совершенно не в силах ей противостоять. Террор «Народной воли» привел к серьезнейшему политическому кризису. В России был создан чрезвычайный орган — «Верховная распорядительная комиссия по охранению государственного порядка и общественной безопасности», глава которой М. Т. Лорис-Меликов наделялся диктаторскими полномочиями. И одною из первых мер, предпринятых им во имя «охранения государственного порядка», была реформа обветшавшей системы безопасности, причем на этот раз речь шла не об отдельных усовершенствованиях, а коренном ее преобразовании.

Оценив ситуацию, сложившуюся в России, диктатор ясно понял: необходимо избавить органы безопасности от всякой лишней, нецелесообразной в новых условиях работы; нацелить их на борьбу с теми, кто непосредственно угрожал существующему строю, — с идейно сплоченным, отлично организованным и законспирированным подпольем.

Лорис-Меликов начал с того, что лишил политическую полицию того чрезвычайного, так сказать, внеправительственного характера, который она имела при Николае I, введя ее в состав традиционной бюрократической системы. III отделение с. е. и. в. канцелярии — святая святых старой организации — вообще было ликвидировано; что же касалось всей разветвленной структуры жандармских органов, то она целиком и полностью переходила в ведение Министерства внутренних дел, подчиняясь непосредственно министру.

Все эти сугубо организационные перемены, конечно же, должны были послужить лишь необходимым фундаментом для создания профессионального политического сыска, которого в России практически еще не существовало. В условиях постоянно усиливающего напора со стороны революционного движения самодержавная власть насущнейшим образом нуждалась в системе безопасности, способной к активной и действенной борьбе с этим страшным противником, борьбе, требовавшей разработки и постоянного совершенствования особых приемов и методов.

Но для этого необходимо было время. Начавшиеся преобразования Лорис-Меликова по полицейской части не уберегли Александра II от бомбы. Но зерно было посеяно и дало пышные всходы: через несколько лет «Народная воля» была разгромлена и затем, вплоть до начала XX века, все попытки революционеров различных направлений создать организацию такой же силы оказывались обреченными на провал. Конечно, немалую роль в этом сыграла реакция, которая воцарилась в России в это время, идейный кризис революционного народничества и пр., и все же — никогда еще система государственной безопасности не действовала столь эффективно.

Основная заслуга в этом была за прямыми и непосредственными наследниками III отделения. Дело в том, что, ликвидировав этот орган, и сам Лорис, и его преемники никоим образом не собирались отказываться от секретной полиции как таковой — напротив, они всеми силами стремились максимально укрепить и усовершенствовать ее. Все наследство III отделения по сыскной части было передано в специальное делопроизводство Департамента полиции МВД; позже, в 1898 году, на его базе был создан Особый отдел — центральный орган политического сыска в России. Но все же определяющую роль в тех успехах, которые были достигнуты реорганизованной политической полицией в борьбе с революционным движением, сыграли органы местные — «Отделения по охране общественного порядка и безопасности» или, попросту, охранка.

Эти органы были созданы в 1880 году в Москве и в Варшаве[1] в качестве своеобразного эксперимента. В то время, как жандармы губернских управлений и соответствующие полицейские чины должны были по всей России вести ежедневную будничную борьбу с «потрясателями основ», на охранку возлагалась роль своего рода лаборатории политического сыска. Охранным отделениям выделялись довольно значительные средства, на службу в них отбирались наиболее перспективные жандармы и «штатские специалисты» и — качество редкое в бюрократическом аппарате Российской империи — здесь всячески поощрялись инициатива и предприимчивость. Были бы результаты…

А они не замедлили прийти. Особенно «заблистала» в 1880-х — 1890-х годах московская охранка. Возглавлявшие ее полковник Бердяев и вслед за ним знаменитый Зубатов подняли на небывалую высоту сыск во всех его проявлениях. Здесь под началом Евстратия Медникова была создана знаменитая «школа филеров», воспитывавшая приметливых, смышленых шпиков, с хорошо отработанными приемами «наружного наблюдения» — от примитивной слежки до целых сыскных феерий с погонями, переодеваниями, переменой внешности, засидками на чердаках, в погребах и т. п. Здесь основательно взялись за данные, поставляемые перлюстрацией, ведя постоянную, кропотливую, целенаправленную их разработку («на письмах» сидел уже упоминавшийся нами Меньщиков, тоже в своем роде охранная знаменитость). Наконец, именно здесь впервые была сплетена и накинута на подполье плотная сеть «секретной агентуры»: к началу XX века в Москве не было, пожалуй, ни одной нелегальной организации, чья деятельность не освещалась бы подробнейшим образом одним или, чаще, несколькими провокаторами.

На высочайшем канцелярском уровне в московской охранке находились и все дела бумажные. Учет информации, получаемой из разных источников, поставлен был образцово. «Регистрация, — писал В. В. Жилинский, один из исследователей деятельности московской охранки, — была идеальной. Всякий, кто хотя бы только подозревался в чем-либо, попадал на особую регистрационную карточку, на которой проставлялся № дела, и всякую справку на любое лицо можно было получить в несколько минут. Таких регистрационных карточек имеется до миллиона. На этих карточках можно найти имена всех общественных деятелей, высокопоставленных особ, карточку почти всякого интеллигентного человека, который хоть раз в жизни задумывался над политикой». С начала XX века особые «разноцветные» досье составлялись на различные революционные и оппозиционные направления: на красных карточках

группировались данные на эсеров, на синих — на эсдеков, на зеленых — на анархистов и т. д. Целые шкафы заполнялись фотокарточками арестованных, подозреваемых, эмигрантов; целые тома — тематическими подборками газетного и журнального материала. Конечным же результатом всей этой работы, венцом обобщения информации, являлись схемы различных нелегальных организаций, подробные, как топографические карты-двухверстки — на них были нанесены центральные органы и вспомогательные, указаны все их члены, прослежены всевозможные связи. Неудивительно, что, по признанию многих деятелей подполья, «делать революцию» в Москве в конце XIX — начале XX веков стало чрезвычайно трудно, почти невозможно.

Работа московской охранки была замечена и отмечена высоким начальством. С конца XIX века «москвичей» начинают использовать чуть ли не в масштабах всей России — европейской, по крайней мере. Из «евстраткиных филеров» формируется особый «летучий отряд», которому поручаются наиболее важные дела по части выслеживания, высматривания и вынюхивания. Да и начальник охранки Зубатов с ближайшими сотрудниками постоянно находится в движении от одной «горячей точки» к другой: то в Поволжье «разбирается» с социалистами-революционерами, то в Минске борется с Бундом…

В 1902 году министр внутренних дел В. К. Плеве, сам большой «спец» по сыскной части, еще при Лорис-Меликове возглавлявший Департамент полиции, по рекомендации Зубатова провел последнее серьезное преобразование системы государственной безопасности. Охранные отделения по образцу и подобию московского были созданы во всех губернских городах. Им поручалась вся работа по организации и ведению политического сыска; на долю же «явных» жандармов в губернских управлениях теперь оставались лишь такие дела, как формальное ведение дознаний по политическим преступлениям (материал по которым готовила все та же охранка), аресты, содержание под стражей, конвой и т. п. Новые органы в своей деятельности подчинялись начальнику Особого отдела Департамента полиции, которым был назначен сам Зубатов; вместе с ним на повышение пошел и Медников; зубатовские же «птенцы» из московской охранки — жандармские офицеры Спиридович, Сазонов, Петерсен и др. — разлетелись по всей стране, возглавив охранные отделения в губерниях; так же, вразъезд, на руководящие должности по «наружному наблюдению» отправились и столичные филера. Охранная сеть, сплетенная в Москве, опутала теперь всю Россию.

Сыск, реформированный Плеве и Зубатовым, представлял собою серьезнейшего противника для революционного движения. «Столичные» охранные методы вполне оправдали себя и в масштабах всей страны. Всероссийская охранка имела подробнейшую, если не исчерпывающую, информацию о всех революционных партиях и организациях, недаром среди их членов трудно отыскать такого, кто хоть раз не побывал бы под арестом, в тюрьме, в ссылке.

Но сбором информации и арестами дело отнюдь не ограничивалось. Ведь охранка оказалась в значительно более сложном положении, чем все ее многочисленные предшественники. В конце XIX века Российская империя вступила в полосу затяжного общеполитического кризиса. Реформы 1860–1870-х годов не только не получили должного развития и завершения — напротив, при новом самодержце, Александре III, они рассматривались как ошибка, которую необходимо исправлять. Повернуть историю вспять конечно же не удалось, и в начале XX века словно плотину прорвало. Крестьянский, рабочий, национальный вопросы — все они встали с небывалой прежде остротой, а власть с каждым годом все более наглядно демонстрировала не только неумение, но и нежелание решать их; тем самым все более остро вставал вопрос и о самой власти. В стране были миллионы недовольных ею, более того, доведенных до отчаяния, до остервенения людей. Революционное движение, которое при Николае I захватывало десятки людей, при Александре II — сотни, теперь приобретало массовый характер.

Охранка не могла да и не должна была решать те проблемы, которые порождали это недовольство; ей приходилось пожинать плоды — сражаться с недовольными. Ощущение того, что это дело совершенно безнадежное, что искоренить революционное движение своими силами она ни в коем случае не может, становилось в охранной среде все более сильным; и постепенно, исподволь приходило решение — попытаться взять это движение под контроль, овладеть им, разложить его изнутри. Недаром с конца XIX века главным орудием борьбы охранки с революционерами становится провокация, которая быстро приобретает совершенно поразительный размах.

Провокация целиком и полностью основывалась на деятельности «секретной агентуры», т. е. внештатных сотрудников охранки, поставлявших разнообразные сведения по интересующим ее вопросам. Официальные инструкции в довольно категоричной форме запрещали секретным сотрудникам принимать сколько-нибудь активное участие в революционной деятельности; имелось в виду, что они должны

избегать нарушения законов, исполняя роль пассивных «наблюдателей». Но что мог знать о деятельности той или иной подпольной организации человек, оказывающий ей лишь какое-то косвенное, малосущественное содействие? Напротив, чем теснее агент охранки был связан с подпольем, чем значительнее было его место в революционном движении, тем большую ценность представлял он для жандармов-охранников. Приходилось выбирать: или «сочувствие» революционерам — и жалкие крохи информации, или участие в их деятельности — и реальная возможность проникнуть в самые сокровенные тайны подполья. Нет необходимости говорить о том, какой выбор сделала охранка.

Иногда — и не так уж редко — охранка шла на прямое участие в провокациях: через своих сотрудников целенаправленно устраивала подпольные типографии, которые затем сама же и «разыскивала»; переправляла оружие из-за границы для боевых групп, пребывавших у нее под колпаком, и т. п. Но обычно этого и не требовалось: достаточно было лишь закрыть глаза на деятельность агента, который уже сам, вместе со своими сотоварищами-подпольщиками, организовывал революционную работу, в то же время подробно информируя своих работодателей-жандармов обо всех своих действиях. И охранка обычно отнюдь не торопилась эти действия пресекать; свои карательные функции она осуществляла в высшей степени осмотрительно. Полученная информация почти никогда не использовалась в полном объеме: подпольные организации не уничтожались целиком — свеча оставалась стоять на окошке, и новые мотыльки, взамен сгоревших, летели на нее со всех сторон. А самое главное, аресты производились с таким расчетом, чтобы не скомпрометировать того, кто поставил информацию; курочку, несшую золотые яйца, оберегали всеми возможными средствами.

В начале XX века охранка знала о подполье если не все, то очень многое; она держала под надзором большинство революционных организаций, имея ясное представление об их планах и о конкретных действиях; более того, охранка нередко с успехом влияла и на то, и на другое. Но за этот грандиозный сыскной успех приходилось платить страшной ценой: агент охранки эсер Азеф организовывал убийства царских министров и подготовил, не по его вине сорвавшееся, покушение на самого царя, Николая II; агент охранки эсер Малиновский, по сути, возглавлял думскую фракцию большевиков в IV думе и с незаурядным красноречием пропагандировал с думской трибуны соответствующие идеи. И то была лишь верхушка айсберга: когда после революции на основе архивов охранки газеты начали публиковать списки провокаторов, они заняли целые полосы —

сотни, сотни имен… И все эти люди предавали не только своих товарищей по подполью — они, по сути, предавали в то же время и тот строй, которому их наняли служить. Провокационная деятельность неразрывно сплеталась с революционной; развращая революционное движение, охранка с железной неизбежностью развращалась сама. Чем изощреннее становились ее провокационные приемы, тем страшнее была та сила, с которой запущенный жандармами бумеранг бил по охраняемым ею устоям. И хотя, конечно же, отнюдь не деятельность охранки породила кризис самодержавия, она усугубила его донельзя. Система государственной безопасности сработала в конце концов как разрушительная сила.

***

К общей характеристике охранной системы необходимо прибавить несколько слов и о ее служителях. Отбор в жандармский корпус долгое время носил довольно формальный характер: брали большинство желающих, при условии достаточного стажа военной службы и благосклонных отзывов со стороны начальства. Но конечно же, сам характер будущей деятельности предполагал у тех, кто собирался избрать ее, вполне определенные черты ума и характера…

Подавляющее большинство жандармов, ясно осознавая главную цель своей деятельности — охранение устоев, не испытывало ни малейших сомнений в том, что для достижения этой цели хороши все средства. Подобный подход к делу оправдывался и тем исключительным положением, в которое изначально власть поставила жандармов: вне системы управления, вне обычного порядка дел. Им было подконтрольно все, они — только государю императору.

В царствование Николая I каждый жандарм чувствовал себя если не богом, то уж по крайней мере архангелом. Поразительная самоуверенность, непоколебимая вера в свое право диктовать определенные нормы поведения всем россиянам, без различия чинов и званий — вот, может быть, характернейшая черта как в облике бессменного управляющего III отделением Л. В. Дубельта, так и штаб-офицера Э. И. Стогова, «заправляющего» целой губернией (во всяком случае, именно такое впечатление складывается при чтении их записок).

Самоуверенность эта в значительной степени подогревалась еще и тем, что во время о́но превосходство сил охранительной

системы над революционным движением по вполне объективным обстоятельствам было огромным. В подобных условиях сами охранители, при всей их неразборчивости в средствах, могли позволить некоторый своеобразный «изыск» в своей деятельности. Так, многие из них не скрывали презрения к тем «мерзавцам», от которых получали сведения. Например, вышеупомянутый Дубельт, как правило, платил осведомителям сумму кратную 30: в память числа серебренников, полученных Иудою Искариотом; он же ставил в угол самого, пожалуй, достославного из этих осведомителей — Фаддея Венедиктовича Булгарина, когда тому случалось провраться в своих «докладных» (что случалось, увы, нередко). Характерно, что и знаменитый Шервуд, попытавшийся водить за нос руководство, изобретая небывалые революционные организации, вылетел из III отделения невзирая на все свои заслуги перед престолом. А ведь годов эдак через 60–70 человек с его способностями вполне смог бы составить конкуренцию и самому Азефу…

После реформ 1860-х годов положение заметно изменилось, и жандармы ощутили это, может быть, раньше, чем кто-либо иной. Так, по запискам генерала В. Д. Новицкого, можно проследить, как этот ярчайший представитель жандармского сыска второй половины XIX века по мере прохождения службы все больше терял уверенность в своих силах. Преданность устоям у него оставалась прежней, ничуть не меньшей, чем у его предшественников, да сами-то устои уже затрещали. Работать приходилось не покладая рук, рискуя и жизнью своих подчиненных, и своею собственною, а положение лишь усугублялось с каждым годом. Новицкий был совершенно не в состоянии понять причины происходящих перемен и объяснения им он, как увидит читатель, давал совершенно фантастические; но развал Империи этот тугодум генерал ощущал явственно, и ощущение это он, может быть, не желая того, передал в своих записках чрезвычайно рельефно.

При всем том Новицкий оставался жандармом «старого закала», воспитанным в традициях николаевского времени. Революционеры представляли для него некое подобие нечистой силы, любые «неформальные» сношения с которыми казались и греховными, и опасными; были, однако, моральные нормы, которые генерал в своей борьбе с подпольем старался не нарушать: он, в частности, избегал обращаться к услугам провокаторов. А между тем, в условиях кризиса самодержавного строя подросло новое поколение охранников, не признающих в этой борьбе никаких условностей и не стесняющих себя никакими границами. Для представителей этого поколения (таких как

А. И. Спиридович, П. Г. Курлов) Новицкий — живой обломок старины, фигура комическая.

Спиридович, один из учеников Зубатова, как нельзя лучше усвоивший уроки этого «гения провокации», откровенно издевался над генералом, с которым ему пришлось в начале XX века служить в Киеве. Спиридович отчетливо видел неспособность Новицкого взять на вооружение новые методы сыска, и, как результат, — почти полную бесплодность всех его усилий; естественно, что «виртуоз» зубатовской школы относился к старику с нескрываемым пренебрежением. А Новицкий, в свою очередь, буквально вопиял о «сыскном разврате», которым эта, пустившаяся во все тяжкие, жандармская молодежь разваливает Империю. Его потрясение от их «новаций»-провокаций было настолько сильным, что он даже провидел в Зубатове со товарищи жидомасонских агентов, в конце концов сбиваясь в своих обвинениях на полный бред… Это не мешало им быть совершенно справедливыми в главном: та изощренная борьба, которую во имя сохранения существующего строя вела против подполья охранка, приводила к диаметрально противоположным результатам. Но ведь столь же справедливо и мнение Спиридовича, что деятельность Новицкого не давала вообще никаких результатов. Трудно найти более убедительное доказательство тому, что политический сыск в последние годы Империи зашел в глухой тупик, чем эта обоюдная неопровержимая правота двух не пощадивших друг друга оппонентов.

***

Первую книгу новой серии издательство выпускает по публикации 1929 года, подготовленной А. Е. Щеголевым. Нам представляется, что к комментариям, выполненным Л. М. Добровольским, и сейчас трудно предъявлять какие-либо серьезные претензии. Заслуживает внимания современного читателя и статья известного общественного деятеля В. В. Водовозова, позволяющая взглянуть на Новицкого с точки зрения его непосредственных противников.

А. Л. Левандовский

Текст воспоминаний ген. Новицкого [в издании 1929 г.] состоит из нескольких фрагментов различного характера и происхождения. Мемуарами в точном смысле слова является та

их часть, которая дана в главах I-XVII. Глава XIII (С. В. Зубатов) — первая часть докладной записки Новицкого, поданной им Святополк-Мирскому в начале 1905 г. (первоначально эта записка была опубликована в сб. «Социалист-революционер» за 1910 г., № 2). Первые восемь глав были напечатаны вместе со статьей В. Водовозова в № 5–6 «Былого» за 1917 г. Остальной текст был воспроизведен впервые по рукописи ген. Новицкого, хранившейся в ленинградском музее революции. Основному тексту воспоминаний предпослана автохарактеристика Новицкого — докладная записка, поданная им с целью получения усиленной пенсии и пособия. (Первоначально напечатана в сб. «На чужой стороне», Прага, 1924, кн. VIII).

В. В. Водовозов
В. Д. Новицкий

(Из личных воспоминаний)

Жандармский генерал В. Д. Новицкий был яркою фигурой в Киеве, где он подвизался в течение более четверти века, — с конца семидесятых годов прошлого века до начала нового века, почти все это время в качестве начальника жандармского управления.

В самом начале 1896 г. я выбрал местом своего жительства город Киев как один из наиболее крупных умственных центров, доступных мне (въезд в Петербург и Москву был мне запрещен). Покойный В. Л. Бернштам[2] очень отсоветовал мне делать это, так как Новицкий, по его словам, неизбежно должен был отравить мне жизнь в Киеве. Я не послушал доброго совета и, действительно, очень скоро должен был завязать с Новицким подневольное и весьма неприятное знакомство, притом в первый раз будучи совершенно ни в чем неповинным с жандармской точки зрения (конечно, если не считать прошлых, имевших уже десятилетнюю давность, грехов, за которые я уже сполна расплатился тюрьмою и ссылкой).

Это случилось в 1898 г., помнится, 12 марта.

Я жил тогда с женой в нижнем этаже небольшого деревянного дома-особняка, стоявшего совсем отдельно в глубине большого сада. В верхнем этаже того же домика жил некто Эвенсон, с женой и бесчисленным множеством маленьких детей, до грудных включительно. Мы с женой сдавали комнату молодому человеку Вержбицкому[3]. И я, и моя жена стояли тогда совершенно в стороне от какой бы то ни было политической деятельности, Эвенсоны — тем более, и «преступником» из нас был разве только Вержбицкий. К нему хаживал член местного с.-д. комитета. Его выследили, определили, в какой дом он ходит, но не могли выяснить, к кому именно. Кого же арестовать? Новицкий решил дело очень просто: он приказал арестовать все взрослое население дома. Был арестован Вержбицкий, были арестованы мы с женой, были арестованы и Эвенсоны; и дети их, из которых старшему было 10 лет, были брошены на произвол судьбы.

Когда жандарм, в четвертом часу ночи, подвозил меня на извозчике к тюрьме, я убедился, что не один я и не один наш дом подвергся ночному набегу. По пустынной даже днем — а тем

более ночью — улице, ведущей к тюрьме, возвращались один за другим свободные извозчики, у ворот тюрьмы стояло их несколько, а в конторе тюрьмы я встретил нескольких арестованных молодых людей, мне совершенно незнакомых.

За недостатком одиночных камер большинство арестованных, и я в том числе, были рассажены по общим камерам, человек по 30–40 в каждой. В первый же день удалось выяснить, что арестовано в одну ночь было до 150 человек, что обысков было еще больше и что арестованные, в громадном большинстве, были вовсе незнакомы друг с другом (само собою разумеется, в тюрьме они перезнакомились, и было завязано не мало прочных дружеских связей). Подбор арестованных был совершенно случайный; Новицкий просто запустил невод в мало знакомые ему воды: авось кроме мелкоты, которую можно будет выпустить, попадется и крупная рыба.

В первый же день было выпущено несколько человек, в том числе жена Эвенсона, а затем, дней через шесть, понемногу Новицкий начал выпускать всю мелкую рыбешку, неинтересную с жандармской точки зрения, и мы с женой, а также Эвенсон, имели счастье попасть в это число. За нами последовали многие другие.

Мы были выпущены без единого допроса, без предъявления нам какого бы то ни было обвинения, просто — за ненадобностью, и, очевидно, Новицкому не приходило даже в голову, что он совершал какое-то насилие над людьми и что это насилие, конечно, не может служить на пользу тому режиму, которому он служит. Это насилие усугублялось (по крайней мере для меня) тем, что мои бумаги, в том числе несколько начатых литературных работ, имевших срочный характер, были возвращены мне только через полгода, когда они уже потеряли всякий смысл для меня. Была отобрана у меня и пишущая машина, совершенно законно мною купленная и ни в какой противоправительственной деятельности не замеченная. Я жаловался генерал-губернатору Драгомирову[4]. Ответ на жалобу получил от Новицкого: он меня призвал и с чрезвычайным чувством собственного достоинства заявил мне, что никаких жалоб он не боится, что он имеет связи в высших сферах, и что машину и бумаги он мне не отдаст или отдаст тогда, когда сам захочет, а что если я буду и дальше жаловаться, так мне же достанется. Машинку он отдал через полгода после этого.

Лов, учиненный Новицким, не был, во всяком случае, вполне безрезультатным: на сотню людей, которых пришлось выпустить, нашлось дюжины две людей, прикосновенных к революционной деятельности, и они пригодились Новицкому. Среди них был, между прочим, студент Киевского университета Н. А. Бердяев[5],

ныне небезызвестный публицист, тогда отправленный в Вологду за участие в работе социал-демократической партии. Повод для массовых арестов 12 марта дал, как я узнал позднее, социал-демократический съезд (кажется, в Минске), на котором была основана социал-демократическая партия, и в числе арестованных были и киевские делегаты, вернувшиеся с этого съезда. Но, ища членов партии, Новицкий счел возможным произвести полтораста арестов людей, из которых громадное большинство никакого отношения к социал-демократической партии не имели, а многие относились к ней даже отрицательно[6].

Так, вместе со мною сидел один рабочий, совершенно не затронутый до тех пор социал-демократической пропагандой. Все время плакался он на свою участь и на Новицкого и говорил, что царь-батюшка, наверное, не знает о том, что его именем делают разные негодяи, и что было бы очень хорошо, если бы кто-нибудь довел об этом до его сведения.

Человек крайне жалкого образования, грубый, жестокий и неумный, сыщик по страсти, но без всякого сыщицкого таланта, Новицкий современного революционного движения, разумеется, совершенно не понимал. Настолько не понимал, что очень часто и очень многим выражал глубокое и, очевидно, совершенно искреннее удивление по тому поводу, что евреи могут принимать участие в революционной деятельности.

— Ну, русские, это я понимаю; отчего же им не позабавиться? Но евреи! Ведь действительно же их положение тяжело, и наказываем мы их куда построже, чем русских; чего же они еще лезут? Неужели им этого мало?!

Для него революционное движение вызывалось, очевидно, не тяжелыми условиями жизни, не социальным неравенством и не политическим гнетом, а наоборот, тем, что люди с жиру бесятся; если же на его пути встречались люди, революционность которых слишком явно противоречила его теории, то он недоумевал, искренно негодовал на них и столь же искренно мстил им, как за личную ему обиду.

Совершенно естественно, что разобраться в психологии революционеров он был совершенно не в состоянии, отличить различные течения в их среде — тоже, почему он и мог предъявлять одному и тому же человеку обвинение в одновременной принадлежности к социалистско-революционной и социал-демократической партии.

Я сказал, что он был сыщиком по страсти, но без сыщицкого таланта. Может быть еще более он был палачом по страсти. Сыск тонкий, построенный на психологии, его тяжеловесному уму был

недоступен. Он понимал физическую силу, угрозу; он рычал, топал ногами на арестованных, особенно на рабочих, угрожал им всяческими карами и иногда у слабых людей вынуждал предательство, но редко. Для большинства его приемы были слишком грубы, слишком примитивны. В этом, и почти только в этом, состояла его система сыска. Опутать арестованного сетью лжи, затронуть его самолюбие, сыграть на его благородстве и этим путем довести до сознания или даже до предательства, как это умел делать Зубатов[7], Новицкий не мог. Нужно отдать ему справедливость, что и провокации он не признавал, потому ли, что она требовала большей изворотливости, чем отпущенная ему природой, а может быть и потому, что она возмущала даже и его покладистую жандармскую совесть.

Совершенно естественно, что, как жандарм, Новицкий стоял совершенно не на высоте своей задачи. Он был страшен отдельным людям, попавшим в его руки, он был страшен для мирных обывателей Киева, пожалуй, для умеренного либерализма, но революционное движение шло мимо него, страдая от него гораздо меньше, чем от более тонких героев сыска, как Зубатов, а может быть и выигрывая от него: слишком многим он преподал прекрасный урок русского государственного права и слишком многих он заставил серьезно задуматься над достоинством русского государственного строя. К сожалению, я не знаю судьбы того благонамеренного рабочего, о котором я уже говорил, но не было бы ничего удивительного, если бы, пройдя школу Новицкого, он оказался вполне готовым революционером. А таких за четверть века были тысячи.

Промахов Новицкий делал массу. Я расскажу об «ибсеновском деле», близко мне знакомом.

В 1899–1900 гг. жажда знания в киевской молодежи, при почти полной невозможности устраивать публичные лекции, вызвала устройство ряда научных рефератов в частных квартирах, на которые собиралось 30–80 человек. Читали: Н. А. Бердяев А. В. Луначарский[8], покойный М. Б. Ратнер[9], Е. В. Тарле[10] и я. На один из таких рефератов, в апреле 1900 г., посвященный Ибсену, который читал Луначарский, явилась полиция — и арестовала всех. В числе присутствовавших был и Тарле, были и мы с женой. Потом были произведены обыски на квартирах лиц, присутствовавших на реферате, и забраны многие лица, находившиеся на этих квартирах. Всего арестовано было 60 человек. Обыски в квартирах были произведены в отсутствие хозяев, хотя местопребывание хозяев было известно: они были в руках Новицкого[11]. Новицкий не хотел верить, что это был реферат об Ибсене, несмотря на доказательства (конспект

реферата), и вопреки всякой очевидности воображал, что это была революционная сходка. Нас продержали по 1½ месяца в тюрьме, затем начали выпускать, а через два года мы получили приговор: освободить от наказания за отсутствием улик. Иначе и быть не могло, но 1½ месяца мы провели в тюрьме, два года мы находились под следствием; молодой тогда приват-доцент Тарле потерял место в средних учебных заведениях, где он преподавал, и кроме того полученную уже им заграничную командировку; студенты были исключены из университета и многие из них не смогли кончить. Зато некоторые юнцы и юницы получили не бесполезный для них урок из области государственного права.

Через несколько дней после моего освобождения в Киеве был проездом П. Н. Милюков[12]. Он посетил меня, и я, весь еще под впечатлением ибсеновского дела, рассказывал ему о нем, выражая надежду, что мы выскочим из дела вполне благополучно.

— Да ведь на собрании, конечно, производились сборы на какую-нибудь революционную цель, — сразу сказал Милюков, — и вас накажут за это, если даже убедятся в невинности содержания беседы.

— Да это осталось совершенно неизвестным! — воскликнул я. Я не упомянул о сборах, и тем не менее Милюков сразу уразумел суть дела, а ведший дело целые месяцы Новицкий с целым штатом жандармов и прокуроров даже не догадался кому-нибудь из арестованных задать вопрос: был ли вход на реферат платный или нет? Ведя следствие по ложному следу, Новицкий так и упустил из виду это обстоятельство, которое все же могло бы послужить к нашему обвинению, хотя и не очень тяжелому: вход был платный, и плата взималась с какою-то революционною целью, помнится, в пользу забастовщиков (тогда в Киеве шла забастовка пекарей, если не ошибаюсь).

Подобными промахами полна жандармская карьера Новицкого. Наконец, наверху поняли полное его несоответствие требованиям времени, и Новицкий, кажется, в 1904 или 1905 г. должен был уступить место людям более тонким и ловким, и систему повальных арестов и грозных запугиваний заменила другая, более совершенная.

Но прошло еще несколько лет, и Новицкий вновь всплыл на поверхность жизни. Летом 1907 г. он был назначен одесским градоначальником. Перед отправлением на место нового назначения Новицкий был в Петербурге, и здесь с ним имел беседу сотрудник «Руси»[13] С. А-ч.

Новицкий сказал А-чу, что он никого не боится, что все его действия будут вытекать из долга службы перед государем и родиной, что он жалоб не боится, так как всегда найдет

поддержку в высших центральных властях, что он лично известен государю, что он не допустит уличных избиений, что он враг избиений мирных жителей, что в его глазах каждый мирный житель имеет право мирно заниматься своим делом. «Во всей своей деятельности я всегда поступал исключительно по закону», говорил генерал А-чу. «Только этим я объясняю добрые ко мне отношения осужденных главарей и работников революционных организаций. Я избегал беззаконного и ненужного их раздражения».

Характер речи Новицкого схвачен А-чем совершенно верно; странно только, что А-ч вполне поверил ему и вынес впечатление, что генерал Василий Дементьевич одушевлен лучшими и благими намерениями[14].

Новицкий вообще был очень словоохотлив и любил пускаться со всеми, в том числе и с подневольными его слушателями и, в особенности, с их родными, в беседы более или менее интимного характера. В этих беседах он всегда и очень охотно, вопреки общественным его действиям, говорил о своей любви к законности, как о ней же он говорил и А-чу; всегда придавал себе вид человека глубоко сердечного, тяжело страдающего, когда он принужден причинять другим зло, вместе с тем человека сурового долга, который своему долгу перед царем и отечеством жертвует своими гуманными чувствами.

И, кажется, он действительно верил этому, и бывали такие арестованные, еще чаще их родители, которые льстили Новицкому, играя на этой струнке и, говоря ему об его сердечной доброте, добивались кое-каких льгот.

Слова Новицкого о добрых отношениях осужденных благодаря ему революционеров, конечно, грубая, наглая ложь. Человек, побывавший у него в руках, не мог не чувствовать к нему глубочайшей ненависти. Но некоторая своеобразная доля правды в этих словах — все же есть. Осужденные революционеры его ненавидели, но революционеры, не попавшиеся в его лапы, — а таких, благодаря его сыщицкой бездарности, всегда было очень много, — относились к нему благодушно, только высмеивая его и твердя, что «за таким жандармом жить еще можно».

В конце 1902 г. Новицкий праздновал свой 25-летний юбилей. По этому поводу киевский социал-демократический комитет счел нужным и с своей стороны послать ему свое поздравление. Поздравление было напечатано со всею доступной для нелегальной типографии тщательностью и распространено по городу в большом числе экземпляров.

Вот это поздравление.

«Киевский комитет Российской социал-демократической

рабочей партии генералу Новицкому, по поводу его двадцатипятилетней жандармской деятельности и предполагаемого оставления им поста начальника киевского губернского жандармского управления.

„Ваше Превосходительство, Высокопочитаемый Василий Дементьевич.

До нас дошли вести, что Вы, Ваше Превосходительство, собираетесь покинуть тот пост, на котором Вы со славой подвизаетесь уже четверть века. Она повергла нас в глубочайшую скорбь. Не думайте, Ваше Превосходительство, что это — шаблонная фраза, столь обычная при проводах высокопоставленных лиц. Нет, не имея высокой, хотя, может быть, несколько опасной чести быть лично известными Вашему Превосходительству, мы не видим нужды заискивать перед Вами и говорим от полноты сердца.

Четверть века стояли Вы на своем посту. Многие тысячи лиц подвергнуты Вами за это время аресту, еще большее число — обыскам, несколько сотен людей отправили Вы на более или менее отдаленные места Европейской и Азиатской России. При этом у Вас была своя система. Лишь в редких случаях Вы искали себе жертв в рядах той или другой революционной фракции, и систематически избегали трогать нас — членов комитета социал-демократической партии, уже по многу лет принадлежащих к его составу. Наша новая типография существует в Киеве уже почти четыре года; за эти годы беспрерывной работы шрифт успел стереться, и хотя за это время Вы обшарили не менее тысячи квартир, но при этом Вы всегда выбирали именно те, где типографии нет и быть не может. Зато Вы охотно направляли Ваши удары на умеренно-либеральных представителей интеллигентного и буржуазного общества, когда те каким-либо образом, основательно или неосновательно, приобретали себе репутацию людей неблагонамеренных; Ваши удары падали на студентов, недовольных университетскими порядками; всего же чаще — на рабочих, причем Вы никогда не считали нужным разбирать: кто из них принадлежит к социал-демократической партии, кто ей только сочувствует, а кто даже и вовсе не сочувствует.

Нам не дано проникнуть в глубокий, но сокровенный смысл Ваших целей, но мы знаем, что сотни людей из интеллигентного общества, ранее бывших либералами, колеблющимися, иногда даже консерваторами, и тысячи рабочих, никогда ранее не задумывавшихся о своем положении, на которых не действовали самые наши убеждения, — приходили к нам после того, как они оканчивали курс в школе Вашего Превосходительства. Вас

упрекают за жестокость, многие говорят о бездушии Вашем и свирепости, некоторые, по поводу Вашей деятельности, вспоминали того Щедринского генерала Топтыгина, которого послали „учинять кровопролития“ и который вместо того, „чижика съел“; но мы считаем такое сравнение неправильным, так как, во-первых, вы не раз учиняли действительные „кровопролития“, а во-вторых, и съеденный Вами „чижик“, своим предсмертным писком, не мало содействовал пробуждению киевских обывателей от их вековечного сна.

Либеральные и просто мирные обыватели Киева говорят о Вас с ужасом и ненавистью, чуть ли не пугая Вами маленьких детей; с ненавистью и злорадством они повторяют слухи о Вашем покровительстве притонам тайного разврата. Но мы не имеем основания ни ненавидеть Вас, ни бояться. Напротив, именно Вы, благодаря всем только что отмеченным чертам Вашей деятельности, помогли нам стать на ноги, окрепнуть и развернуть нашу деятельность, во всей ее нынешней широте.

Глубоко благодарные Вам за все Ваши услуги, мы не без зависти смотрим на наших московских товарищей, которые отныне, судя по газетным слухам, будут осчастливлены Вашей помощью, и шлем Вам пожелание еще многие годы продолжать Вашу столь же целесообразную деятельность, хотя и вдали от нас. Мы уверены, что высшее начальство и впредь будет оказывать Вам свое благоволение, как оно его оказало в текущем году, вверив Вам ведение всероссийского дела о революционной организации „Искры“. Вы любезно предоставили возможность десяти обвиняемым по этому делу уйти из киевской тюрьмы и затем благоразумно направили следствие по ложному следу. Если слух о переводе Вашем в Москву не окажется газетной уткой, и Вы действительно покинете нас, смеем надеяться, что Ваш заместитель окажется достойным Вас.

Преданный Вам Киевский комитет российской социал-демократической рабочей партии“»[15].

Поздравление было доставлено Новицкому в самый день его юбилея и, как тогда говорили в Киеве, отравило ему его праздник.

Это поздравление было написано мною. После своего первого киевского ареста я был в близких отношениях с обеими революционными партиями и довольно часто писал листки для социал-демократов; поздравление Новицкому было одним из них. Считаю нужным покаяться в некоторой неискренности. «Мы не имеем основания ни ненавидеть Вас, ни бояться», говорил я. Что касается меня, то я не стоял выше этих чувств: я и ненавидел Новицкого, и боялся его. Но я говорил от имени социал-

демократического комитета, к составу которого я не принадлежал, равно как не принадлежал и к партии.

ГЕНЕРАЛ НОВИЦКИЙ О САМОМ СЕБЕ

(Из докладной записки директору департамента полиции)

Из 40-летнего периода офицерской службы моей 30 лет выпадает на службу в корпусе жандармов, причем 5 лет я был в должности начальника Тамбовского губернского жандармского управления, а затем, в течение 25 лет сряду состою в занимаемой мною и ныне должности начальника Киевского губернского жандармского управления, исполнение коей совпадало с тяжелым, смутным временем в Киеве.

В период моей службы, независимо от прямых обязанностей по должности, разновременно на меня возлагались многие поручения по весьма сложным, большим и важным политическим делам, а также выпадали на мою служебную долю нелегкие дела и в самом городе Киеве.

До перехода моего на службу в корпус жандармов я находился в должности старшего штаб-офицера особых поручений при бывшем войсковом наказном атамане войска Донского генерал-адъютанте М. И. Черткове[16], ныне варшавском генерал-губернаторе, которым возлагались на меня самые тяжелые дела и следственные производства по области войска Донского, и, при оставлении службы на Дону генерал-адъютантом Чертковым, я был лично особо рекомендован его высокопревосходительством за мою службу бывшему шефу жандармов генерал-адъютанту графу П. А. Шувалову[17], которым и был принят и переведен на службу в корпус жандармов с назначением прямо на должность начальника жандармского управления в 1874 году.

В 1874 году я был, по распоряжению шефа жандармов, командирован в города Москву и С.-Петербург с помощью производившему по высочайшему повелению дознания о государственных преступлениях; на меня было возложено дополнение петербургских дознаний, заключавшихся в 31 томе, и установление связи этих дел с дознаниями, возникшими в то время в 26 губерниях России. Понесенный мною труд по этим делам был поистине непомерно тяжел, но я стойко вынес таковой, благодаря возрасту и здоровью; тогда как находившийся в таком же служебном положении корпуса жандармов подполковник Чуйков от чрезмерной работы и утомления впал в чахотку и умер.

По приказанию шефа жандармов я ежедневно должен был к 10-ти часам утра являться к его высокопревосходительству с

личными докладами по этим делам и докладными записками, по принятию каковых от меня его высокопревосходительство изволил прямо следовать с докладом к государю императору Александру II.

Эти дела были мною закончены и сданы министру юстиции в 31 томе, в 48 тысяч листов, мною скрепленных, с вещественными доказательствами, в двух вагонах, привезенными из Москвы и других губерний.

В 1878 году, вслед за убийством адъютанта Киевского губернского жандармского управления барона Гейкинга[18] и покушением на убийство товарища прокурора Котляревского[19], совершенными с политическими целями, я был назначен на должность начальника Киевского жандармского управления 24 июня 1878 года (юбилей праздновал в ноябре 1902 г.) и принял управление в таком виде: адъютант управления — убит, помощник — один, проживавший в г. Бердичеве, и 6 жандармов в г. Киеве. По ходатайству моему было добавлено к штату 2 помощника и 18 жандармов в Киеве. С этою горстью людей мне пришлось бороться из года в год с развивавшеюся преступною политическою организациею в г. Киеве, каковая была признана самою сильною в России и окрепшей в Киеве даже со стороны известной государственной преступницы Веры Фигнер[20], давшей по ее арестовании показания в таком смысле. Почти при каждом обыске и аресте было оказываемо вооруженное сопротивление преступниками с револьверами и кинжалами, в большинстве отравленными ядом кураре.

11-го февраля 1879 года удалось повалить в Киеве первую организацию, по заарестовании членов которой преступная организация значительно была ослаблена. При взятии впервые части этой организации в двух местах, было оказано жестокое вооруженное сопротивление, сопровождавшееся 60 выстрелами, смертью одного жандарма, контузиею офицера в грудь и ранением 3-х жандармов. Из 18 злоумышленников 4 человека получили тяжелые раны, причем двое умерли через несколько дней. В числе злоумышленников, проживавших с подложными документами, были арестованы: Ивичевич[21] — убийца Никонова в Ростове на Дону, Иванченко[22] — убийца Тавлеева в Одессе[23] и другие, принадлежавшие к террористической партии. На всеподданейше доложенной шефом жандармов телеграмме моей о вооруженном сопротивлении, оказанном при двух обысках в Киеве, государь император Александр II, как о том сообщили мне, собственноручно изволил начертать: «Жаль погибшего жандарма, но они все исполнили долг свой молодцами».

По этому делу [а также и по другим преступлениям]

киевской революционной организации даны были сильные репрессии, впервые в г. Киеве выразившиеся в смертных приговорах военного суда о шестнадцати человеках, из коих в г. Киеве были казнены через повешение восемь человек, а восьми дарована жизнь по ходатайству моему перед генерал-губернатором, конфирмовавшим в то время приговоры суда, вследствие выраженного преступниками полного раскаяния. Восьми человекам, над которыми совершены были приговоры в Киеве, были закрыты глаза на вечность мною, так как, хотя приводили смертную казнь в исполнение воинские начальники, но г. генерал-губернатором генерал-адъютантом Чертковым все было возложено на меня по наблюдению за соблюдением всех обрядов смертной казни — даже палач Фролов был отдан в мое распоряжение. Все тяжелые поручения были мною выполнены с твердым сознанием долга и непоколебимою стойкостью, благодаря которым я избег в то время, быть может, мести.

Известное всей России «Чигиринское дело» Киевской губернии, 1878–1879 гг., возникшее при моем предместнике, закончено мною. По этому делу привлечено было обвиняемых полторы тысячи крестьян Чигиринского уезда, которые, под руководством известных революционных деятелей Стефановича, Дейча, Бохановского, Дебагория-Мокриевича[24] и других, вошли в тайное сообщество, настолько сильно сплоченное, что при поступлении в него являлись в Киев для принятия присяги, целуя крест и Евангелие, на верность сообществу и были вооружены пиками для оказания вооруженного сопротивления власти.

В 1879 году я получил от шефа жандармов в предписании управляющего III отделением собственной его императорского величества канцелярии, 6-го февраля за № 693 «выражение полного довольства по принимаемым мною мерам в видах пресечения революционной пропаганды, каковые признавались вполне целесообразными».

В 1879 году арестованное в г. Елисаветграде неизвестное лицо с разрывными снарядами было установлено мною, и задержанный оказался известным революционным деятелем, евреем Григорием Гольденбергом[25], принимавшим на себя убийство императора Александра II вместо Соловьева[26], убившим Харьковского губернатора князя Кропоткина и работавшим совместно с Гартманом[27] в подкопе, который был устроен около полотна Московско-Курской железной дороги. Гольденберг, не обнаруживая своей личности, отказался от всяких показаний и был отправлен из Елисаветграда в г. Одессу. Бывший начальник Одесского жандармского управления полковник Першин обратился ко мне с письмом дать товарищеский совет и

указания, каким путем расположить Гольденберга к даче показаний. Обдумав, я отправил из Киева в Одессу отца и мать Гольденберга, и, сообщив полковнику Першину, что я родителей Гольденберга убедил воздействовать на сына, который до беспредельности любит мать, предложил полковнику Першину не только допустить Гольденберга к свиданию с родителями, но разрешить жить с сыном и иметь ночлег у сына в камере.

Полковник Першин принял мой совет, и Гольденберг поддался убеждениям матери и дал обширное показание, осветившее вполне действия всех революционных партий и организаций в России с указаниями действующих лиц.

Полковник Першин, в письме ко мне 21 марта 1880 года, хранящемся у меня поныне в подлиннике, выражая мне признательность за оказанное содействие, препроводил мне первому копию показания Гольденберга, добавив, что после двухнедельной беседы с Гольденбергом, последний окончательно решился давать показания только после свидания с отцом и матерью, «за которое он обязан исключительно и только мне».

В 1880 году, в письме на мое имя, 30-го октября за № 8167, начальник верховной распорядительной комиссии генерал-адъютант граф Лорис-Меликов[28] изволил выразить «за личную мою распорядительность и энергию» свое удовольствие в таких выражениях: «Вменяю себе в приятный долг выразить вам особую мою благодарность за вашу полезную деятельность».

В 1881 году бывший директор департамента полиции, барон Велио, в письме 27 января за № 613, выразил мне, что «полезная моя служба имеет достаточную известность и ценится вполне».

После обнаружения в г. Петербурге подкопа в 1881 году по Мало-Садовой улице в доме Менгдена, некоторые участники производимого подкопа в сырной лавке «Кобозева» бежали из С.-Петербурга, а именно Ланганс[29], Морейнис[30] и другие, и они были распоряжением моим заарестованы в г. Киеве, все с подложными видами, и в числе их была задержана также и Кобозева, жившая в Киеве под подложным паспортом на имя Емельяновой, известная в преступном сообществе под именем Баски, а настоящая ее фамилия по установлении личности оказалась Анна Якимова[31].

С 1881 года и в последующие годы служба моя известна его высокопревосходительству г-ну министру внутренних дел, шефу жандармов В. К. фон-Плеве[32], а потому я не даю себе права о ней сказать что-либо.

В приказе по корпусу 28 марта 1884 года за № 34 выражена мне командиром корпуса «особая благодарность за отличную распорядительность, настойчивость в служебных действиях и

энергию», да за то, что «в течение марта месяца того года путем наблюдения и розысков, предпринятых чинами Киевского губернского жандармского управления, в г. Киеве было дознано существование преступного тайного сообщества, открытие которого повлекло к обнаружению массы вещественных доказательств преступной деятельности этого сообщества и к целому ряду арестов важных злоумышленников, из коих двое, при задержании их, оказали вооруженное сопротивление».

В 1883 году, по распоряжению моему, был задержан в г. Киеве разыскиваемый по С.-Петербургскому дознанию житель г. Вормса Александр Никвист[33], проживавший в Киеве по подложному документу на имя Нейпах. Корреспонденция, адресованная на имя Нейпаха (Никвиста), была мною лично задержана на почте. В корреспонденции этой оказалось письмо крайне подозрительного содержания из Варшавы, в котором неизвестный автор просил адресовать письма в Варшаву на имя Леонии Каминской. В виду этого я телеграфировал начальнику Варшавского губернского управления наблюсти и задержать личность, которая будет получать письма на имя Леонии Каминской. Явившаяся за получением этой корреспонденции женщина была задержана, причем у нее при личном обыске найдена была в кармане важная переписка, касающаяся образовавшегося в Варшаве особого сообщества польской рабочей партии «Пролетариат». Задержанная личность долго своего звания и фамилии не открывала, но впоследствии была установлена и оказалась классной дамой Варшавского Александро-Мариинского института Ентыс[34]; последовавший затем обыск помещения ее в Институте дал результаты, повлекшие открытие всего общества «Пролетариат» в Варшаве и известных, впоследствии казненных в г. Варшаве, Бардовского[35], Осовского[36] и Петрусинского[37]. Бывший начальник Варшавского жандармского округа, ныне Иркутский генерал-губернатор, сенатор генерал-лейтенант граф Кутайсов неоднократно докладывал высшему моему начальнику, что все дело обнаружения в г. Варшаве рабочей партии и сообщества «Пролетариат» обязано всецело телеграмме моей о задержании Леонии Каминской (Ентыс), ибо в Варшаве никаких сведений до задержания Ентыс о важных членах сообщества «Пролетариат» не было.

3 января 1887 года г. директор департамента полиции, ныне товарищ министра внутренних дел, сенатор тайный советник Дурново[38], в письме за № 15, по делу обнаружения мною тайных преступных кружков террористического направления в некоторых полках гвардии и армии, а также в военно-учебных заведениях г.

С.-Петербурга, изволили выразить, что он «поставляет себе приятным долгом выразить мне, что обнаружение преступной деятельности офицерских чинов и успешный ход произведенного о них расследования он относит всецело к моим целесообразным, вполне правильным и умелым действиям».

7 апреля 1887 года я получил от бывшего командира корпуса, генерал-лейтенанта Оржевского[39] телеграмму такого содержания: «Сердечно поздравляю ваше превосходительство и очень рад, что на мою долю выпала честь свидетельствовать о ваших чрезвычайных и продолжительных, из ряда вон выходящих заслугах».

В приказе по корпусу 11-го февраля 1893 года за № 10 выражена мне «особая благодарность за отличную распорядительность и энергию» и за труды, которыми достигнуты были успешные результаты по делу об организованном австрийским правительством по всей западной полосе и югу России военном шпионстве из лиц преимущественно польского происхождения, целой сети военных разведчиков, раскинутой на случай объявления войны России Австрией и Германиею, с учреждением в городах Варшаве, Брест-Литовске, Радоме, Одессе и Киеве разведческих групп, каковые разведчики, принимая особую присягу на верность службе «австрийскому императору — королю всех славян», с целованием креста и Евангелия, в то же время получали каждый военно-разведческий номер. Подобных разведчиков в Привислянском крае и на юге России было обнаружено поименно пять тысяч человек, из которых 39 были преданы военному суду в г. Киеве, а против остальных были приняты административные взыскания и меры. Начальники военно-разведческих групп в Варшаве, Брест-Литовске, Одессе и Киеве были заарестованы по моим распоряжениям и сознались в своих преступлениях при производстве обширного дознания при Киевском жандармском управлении, коим фактически было установлено, что сведения по секретным мобилизациям артиллерии Одесского военного округа и в городе Брест-Литовске были выданы военными писарями этих управлений австрийскому правительству, которое заплатило большие деньги офицеру Квятковскому[40], получившему из штабов от военных писарей все секретные распоряжения по мобилизации наших войск, в чем он, Квятковский, и сознался. Обнаруженный дознанием начальник Варшавской группы разведчиков, присяжный поверенный Доморацкий[41], получил, как это установлено было фактически дознанием и сознанием обвиняемого, от австрийского правительства девятнадцать тысяч рублей, из каковых денег уплачивал жалование разведчикам, раскинутым в западных

губерниях и на юге России, снятым последовательными моими арестами со своих пунктов Юго-Западной железной дороги, где они проживали и были предназначены для порчи мостов, дороги, поджогов продовольственных запасов и фуража и опрокидывания воинских поездов, причем некоторые из разведчиков получали жалованье от австрийского правительства уже в продолжение двух лет. По тому же дознанию был обнаружен и заарестован в г. Киеве мещанин Бык[42], который принял на себя взрыв Киевского железнодорожного моста на р. Днепре, за что ему, Быку, было обещано австрийским правительством 25 тысяч рублей единовременно, что фактически и показаниями было установлено.

Раскрытие и обнаружение этого военно-разведческого дела признавалось настолько важным в государственном значении, что бывший военный министр, генерал-адъютант Ванновский[43] во время ведения производства дознания входил со мною в сношение телеграммами и через главный штаб, испрашивая по некоторым предметам личного моего заключения.

В 1898 году г. директор департамента полиции, письмом 18-го марта за № 2526, сообщил мне, что г. министр внутренних дел по докладу ему об усиленной деятельности и особых трудах при осуществлении наблюдения по делу о тайных рабочих организациях на юге России, увенчавшегося выдающимися результатами, изволил поручить ему выразить его высокопревосходительства благодарность мне и другим офицерам управления.

В 1899 году г. Киевский губернатор в письме на мое имя за № 3992 сообщил мне, что г. директор департамента полиции, письмом 13 мая за № 4690, уведомил его, что по докладе г. министра внутренних дел о «трудах, понесенных мною по предупреждению возникновения беспорядков в Киеве, в особенности среди рабочих, его высокопревосходительство, ценя высокую деятельность мою, но не имея возможности в данное время испросить для меня почетную награду, выразил, что будет иметь в виду этот вопрос в ближайшем будущем».

В 1894 году, в виду сложных предприятий террористического характера, задуманных заграничными революционерами, постановившими проникнуть в Россию через западную границу с целью цареубийства, убийства некоторых из членов императорской фамилии и некоторых высших должностных лиц, как выражено было в сообщенных сведениях, департаментом полиции на меня был возложен розыск эмигрантов и их пособников, предупреждение возможности проникновения в Россию через западную границу с севера до г. Измаила на юге,

обнаружение тайных пунктов перехода на западной границе, а также образование пограничных пунктов. Таким образом, на меня лег тяжелый, ответственный розыск по всей западной границе и всех пограничных пунктах на западной полосе России. Один обширный, вверенный мне этот район розыска свидетельствует, насколько была тяжка работа моя. Г. директор департамента полиции, возлагая на меня это поручение, в письме 5 мая 1894 года за № 2926, выразил, что «не признавая по сложным обстоятельствам удобным отвлекать внимание и силы петербургского жандармского управления и доверяя вполне испытанной служебной моей опытности и энергии, решился сосредоточить как розыск эмигрантов и их пособников, так и имеющие возникнуть по сему поводу дознания при киевском жандармском управлении, под непосредственным моим руководством».

В 1901 году г. министром-шефом был возложен на меня розыск в десяти южных губерниях, и в данном мне по этому предмету ордере, за № 4328, в конце было выражено, что «во всем остальном он полагается на мою многолетнюю опытность».

Сверх того, в разное время на меня возлагались производства, выходившие из ряда обыкновенных по своему содержанию, из других жандармских управлений, где они возникли.

Во время пребывания в 1885 и 1896 годах их императорских величеств в г. Киеве, руководительства в области внутреннего наблюдения и розыска, входивших в необходимость для обеспечения надлежащего надзора и порядка в дни пребывания высочайших особ в г. Киеве, всецело возлагались непосредственно на меня, как то и было выражено в распоряжениях министра-шефа, переданных мне в письмах г. директора департамента полиции.

Не позволяю себе более утруждать внимание вашего превосходительства изложением всех понесенных мною трудов и занятий по должности начальника управления за 30-тилетний период времени, но считаю долгом доложить, что отчасти масса упавшей на меня работы может быть определена и громадным количеством хранящихся в архиве управления собственноручно написанных мною бумаг.

В общем, служба моя по корпусу жандармов отмечена в особых на мое имя предписаниях, письмах, телеграммах и приказах по корпусу, каковые я имел честь представить вашему превосходительству для прочтения.

Не считая себя в праве лично судить о моей деятельности и результатах таковой, могу одно, со спокойной совестью за правоту и точность своих слов, доложить, что все обязанности,

лежавшие на мне, я, по глубокому убеждению моему, всегда нес с беззаветною преданностью государю императору и отечеству, не щадя своей жизни и здоровья. Высокое же внимание высшего моего начальства в лице министров-шефов, и, благодаря тому, благоволения и награды, коими я всемилостивейше был удостоен, были для меня великим стимулом при тяжких трудах и опасностях, среди которых шла служба моя, а особенно в г. Киеве, к несчастью, издавна сделавшемся центром всяческих революционных кружков и преступных сообществ и замыслов. С таким стимулом, конечно, я почел бы себя в высшей мере счастливым не только по-прежнему трудиться, но и погибнуть на своем скромном посту. Но к глубокому прискорбью моему, под бременем постоянных буквально непрерывных и днем и ночью трудов, мое здоровье, а особенно нервная система, пошатнулись и пришли в расстройство, в такое состояние, при котором я уже не чувствую для себя возможным исполнять лежащие на мне обязанности с теми энергией, настойчивостью и упорством, кои безусловно необходимы в нашей исключительной службе, которой я отдал лучшие годы моей жизни, сослужив службу беззаветно-преданно.

Ни наследственного, ни благоприобретенного недвижимого или движимого состояния ни я ни жена моя не имеем вовсе, так что получаемое содержание за службу составляет единственный источник средств нашего существования от 20-го до 20-го числа каждого месяца — получения жалованья. Рассчитывать, при выходе в отставку, на приискание материальных средств трудами частной службы я не могу уже как по годам, так еще более потому, что, находясь на должности преследования лиц за государственные преступления и известного неблагожелательного направления, которых прошло через мои руки, полагаю, несколько тысяч человек, из коих восемь понесли наказание через смертную казнь в г. Киеве, — я не в состоянии надеяться на то, чтобы мне где-либо предоставили частную службу и занятия и, наконец, по состоянию здоровья жены, впавшей под влиянием впечатлений окружавшей меня служебной обстановки в столь физически-нервное состояние, что она лишена даже возможности свободного перемещения, в особенности после прискорбного случая со мною, бывшего 27 числа мая месяца текущего года, выразившегося в покушении на мою жизнь[44], после чего жена моя, впав в нервный припадок на пять дней после происшествия, не владела в течение двух суток языком.

25-летняя служба в Киеве, день в день, вся была в нервах и безусловно подорвала всю нервную систему.

По всем таким обстоятельствам, приняв решение об

увольнении от службы, я беру на себя смелость обратиться к вашему превосходительству, как к моему непосредственному начальнику, с настоящею докладною запискою и покорнейшею просьбою — испросить ходатайство его высокопревосходительства господина министра-шефа о всемилостивейшем даровании мне — буде его высокопревосходительство изволит признать продолжительность моей службы заслуживающей внимания, а самую службу полезной, — соответственного денежного пособия единовременно и пенсии в усиленном размере, во внимание к обстоятельству, что я в последнем чине генерал-майора состою уже более шестнадцати лет.

Дарование и размер единовременного денежного мне пособия в безусловной зависимости от усмотрения его высокопревосходительства г-на министра-шефа. О назначении пенсии же в усиленном размере, состоящей также в зависимости и усмотрении его высокопревосходительства и ходатайства вашего, я принимаю на себя смелость доложить вашему превосходительству следующее: не изволите ли признать справедливым ходатайствовать о назначении мне пенсии в том размере, который получает ныне начальник С.-Петербургского губернского жандармского управления генерал Оноприенко[45], на том основании и в том внимании, что я всегда стоял по спискам корпуса жандармов по старшинству службы и в чине несравненно выше генерала Оноприенко; когда генерал Оноприенко, быв еще в штаб-офицерском чине, находился еще в распоряжении начальника С.-Петербургского губернского жандармского управления для производства дознаний, я уже состоял в должности начальника управления 5–6 лет и переслужил генерала Оноприенко многим числом лет в корпусе, после выхода его в отставку. Этим я отнюдь не имею малейшего поползновения умалить службу генерала Оноприенко, но, состоя в должности начальника управления 30 лет сряду, из коих 25 лет выпадает на город Киев, я нес особо ответственные и самостоятельные обязанности, так как при отдаленности высших властей не представлялось никакой возможности получать непосредственные указания и советы, и приходилось в виду экстренности дел безусловно брать все на свою личную служебную ответственность и действовать на свой риск и страх; эти обстоятельства вызывали большие нервные потрясения, отразившиеся безусловно на общем состоянии здоровья, и теперь мне необходимо лечение, соединенное с неизбежными большими расходами. Без здоровья деваться мне с женой некуда, искать же частной службы после такой продолжительной исключительной

службы моей в корпусе жандармов — не легко.

Генералы войск за продолжительную полезную службу, не только бывшие в военных действиях и сражениях с внешним врагом и неприятелем, но и не бывшие в последних, пользуются милостью оставления им по выходе в отставку всего получаемого по службе содержания, в виде пенсии. Чины корпуса жандармов борются с более опасным и тяжелым внутренним врагом, невидимым для глаза, как внешний враг и неприятель видимы, и могут только тогда действовать оружием и отражением, когда производятся на них нападения и покушения, каковые во всех случаях следуют неожиданно или из-за угла, или с употреблением таких мер и приемов, которые сопровождаются особыми махинациями и злодейскими действиями, заранее обдуманными. За военными чинами войск стоит в защиту могучая физическая сила, за чинами же корпуса жандармов в защиту идет один немой закон.

Чины корпуса жандармов, находясь таким образом не месяцы и годы, а всю жизнь, так сказать, на военном положении, на поле битвы тратя все свои силы, здоровье и способность на службу царю и отечеству и перенося с семействами постоянное нравственное беспокойство, а нередко непредвиденные, незаслуженные и притом безнаказанные оскорбления, казалось бы, могут быть в отношении вознаграждения за прежнюю службу по выходе в отставку приравнены к боевым офицерам и генералам.

Прося позволения говорить с вашим превосходительством искренно и с откровенностью о том положении, в котором я нахожусь в настоящее время, я долгом считаю сказать, что [мое] поведение на должности и в жизни всегда было достойно честного человека и офицера и с этой же честью мне желательно и оставить службу; но неимение мною никаких сбережений при оставлении мною службы ставит меня в невыразимо тяжелое и безвыходное положенье с семьею; я имею долги, но не частным лицам, а родным в банке по учтенным мною векселям с женою, — эти долги мне необходимо погасить для дальнейшего сравнительно спокойного существования в отставке. Долги временем образовались от чрезмерно дорогой жизни в городе Киеве и недостатке получаемого мною содержания на службе, представительность которой мне приходилось поддерживать в таком бойком административном пункте, каковым представляется Киев.

Аренда за мою службу была мне обещана несколько раз несколько лет тому назад, но таковую я не получал.

Не сохранив себе положительно никаких сбережений от

службы, я в то же время сделал немалые сбережения казне, а именно: когда с 1884 г. дела во вверенном мне управлении производством настолько усилились, что не было никакой физической возможности управлению помещаться в ограниченном помещении, занимаемом в частном доме канцеляриею, на наем какового денежный отпуск от казны столь ограниченный по городу Киеву, включенному во 2-й разряд по квартирному довольствию, — то я прибег к содействию городского управления, а не казны, и благодаря сложившимся добрым личным отношениям к бывшим городским головам г. Киева, получил для помещения жандармского управления в городском доме бесплатно помещение, с арестантскими камерами и с отоплением от города в 1884 году, и в продолжение 18½ лет сряду пользовался этим помещением бесплатно, и только с 1-го июня 1902 года городское управление потребовало плату 1200 рублей в год, и только благодаря тому, что состав Киевской городской полиции был усилен. Таким образом, в казне за 18½ лет сохранилось сбережения 22 200 рублей. Наконец, и по политическим делам, возникавшим в г. Киеве, немало поступало денег в казну; отлично помню, что обыском в г. Киеве, по моему распоряжению произведенным у чиновника Киевской контрольной палаты Веледницкого[46], отобрано было 4 тысячи рублей денег, принадлежащих социально-революционному сообществу (по делу Лизогуба)[47], которые целиком поступили в доход казны.

Прослужа и проживая в городе Киеве 25 лет, я в Юго-Западном крае никогда не приобретал и не приобрел никаких земельных собственностей, считая неудобным по должности, мною занимаемой, входить в какие-нибудь денежные сделки и купли, каковые безусловно все обставляются участием евреев.

В. Д. НОВИЦКИЙ
ВОСПОМИНАНИЯ ТЯЖЕЛЫХ ДНЕЙ МОЕЙ СЛУЖБЫ В КОРПУСЕ ЖАНДАРМОВ

Настоящие мои записки, на 65-м году моей жизни написанные, а также и приложение к ним, могут составить, быть может, некоторый материал для будущей истории России и освещения деятельности введенных в записку лиц, занимавших в России высшие министерские и административные должности, с которыми мне неоднократно приходилось по службе иметь деловые политического характера сношения и личные объяснения.

В эти записки я вношу возможно последовательный ход социально-революционного движения в России и выдававшиеся факты и события, известные мне с полной достоверностью. Полного, всестороннего обзора революционного движения я вносить в эту записку не предполагаю, так как отдельные вышедшие из-под пера многих авторов обзоры этого движения известны; они напечатаны в особых изданиях и составляют материал полный, находящийся в архивах бывшего III отделения собственной е. и. в. канцелярии и департамента полиции. А материал настоящих записок взят мною из архива моей памяти, составляющей дорогой дар природы, одарившей меня широкою воспоминательностью всех протекших событий тяжелого и смутного времени на Руси, и в особенности событий, соприкасающихся с моею службою в корпусе жандармов.

Быв убежденным монархистом, воспитанным в духе полнейшего единодержавия, я представляю из себя человека, всецело преданного русской национальной идее, с которой шло мое служение родине и жизнь: и эта жизнь и служение сливались в одно громадное целое, беззаветно преданное монархам и отечеству.

Такие незыблемые начала, вошедшие в мою кровь и плоть, дают мне право рассчитывать на то, что читатель сих записок отнесется с полным доверием ко всему в сих записках изложенному. Насколько дорога мне Россия, настолько дороги мне и правда и истина, с каковыми я и приступаю к изложению и неотступно буду держаться их.

Последовательным изложением хода событий и фактов, я, быть может, буду грешить, и изложение будет прерываться иногда

за пропуском, сделанным невольно, на чем я и останавливаю внимание читателя.

Как ни велика у меня память, но прошлое тяжелое, сопровождающее мою жизнь и службу, которой я посвятил лучшие годы моей жизни, и освещающее события, — невольно от массы воспоминаний может быть упущено, но не из нежелания скрыть и не поделиться с читателем.

I
Образование корпуса жандармов

Коснусь вкратце исторического образования того учреждения, в коем я служил почти тридцать лет сряду, а именно корпуса жандармов.

Впервые в русской истории и в полном собрании законов встречаемся мы с учреждением жандармов, и в русский язык вводится новое, совершенно неизвестное до того, слово «жандарм» в 1815 году, когда именным высочайшим указом императора Александра I, от 27 августа того же года, данным генерал-фельдмаршалу графу Барклаю-де-Толли[48], повелено было Борисоглебскому драгунскому полку именоваться жандармским полком и нести военно-полицейские обязанности. Жандармы, подобно нынешним полевым жандармам, были распределены по полкам армии и поставлены были в непосредственное подчинение генерал-гевальдигеру, как военному полицмейстеру, в лагере армии, в главной квартире и в Валенбурге. 27-го декабря того же 1815 года был сформирован, на тех же основаниях, жандармский гвардейский полуэскадрон.

Затем, высочайшим указом 1-го февраля 1817 года учреждены были конные «жандармы внутренней стражи» ввиду необходимости и пользы конных отрядов в составе внутренней стражи. Эти команды жандармов находились в столицах, губернских городах, а также в портовых городах, — Одессе, Таганроге и Феодосии, — в непосредственном подчинении и ведении губернских начальников отдельного корпуса внутренней стражи, причем во главе команд в губернских и портовых городах стояли начальники жандармов на правах ротных командиров, в столицах — дивизионные командиры, начальствующие над двумя эскадронами и подчиненные обер-полицмейстеру. Обязанности конных жандармов внутренней стражи были почти те же, что и современных жандармских дивизионов и городской жандармской команды.

С образованием по высочайшему повелению 3 июля 1826 года III отделения собственной е. и. в. канцелярии, в ведение которого перешли из упраздненной особой канцелярии министерства внутренних дел все распоряжения по делам высшей государственной полиции, как то: высылка и размещение людей подозрительных и вредных, заведование поднадзорными и местами заключения государственных преступников, дела о раскольниках, иностранцах, подделке документов и фальшивых

денег и т. п., — явилась необходимость в создании особого органа для непосредственного собрания сведений и выполнения на месте распоряжений этого учреждения, и для означенных целей, по высочайшему повелению 28 апреля 1827 года, учрежден был корпус жандармов, шефом которого был назначен командующий императорскою главною квартирой и главный начальник III отделения генерал-адъютант Бенкендорф[49], впоследствии граф.

По высочайшему повелению 1 июля 1836 г., жандармские конные команды были выделены из состава отдельного корпуса внутренней стражи и переданы в ведомство корпуса жандармов.

Положение 1836 г., почти без всяких изменений, вошло в свод военных постановлений 1859 г., причем за это время состав корпуса жандармов увеличился учреждением 8-го сибирского округа, включением в состав корпуса жандармских дивизионов, подчинением шефу жандармов состоящих при войсках жандармских частей, а затем учреждением полицейских управлений железных дорог и образованием уездных жандармских управлений шести губерний северозападного края. Таким образом, все без исключения жандармские части к 1867 году были объединены в лице шефа жандармов. В 1867 г. высочайше было утверждено положение о корпусе жандармов и главное управление корпусом сосредоточено в лице шефа жандармов, которому все управления и части корпуса, его составляющие, непосредственно подчинены и находятся в исключительном его ведении, по строевой части — чрез штаб корпуса жандармов, а по наблюдательной — через III отд. собственной е. и. в. канцелярии, а впоследствии, по упразднении сего отделения, — чрез департамент полиции. Этим положением все части корпуса, как то: губернские жандармские управления, наблюдательный состав корпуса, а равно уездные жандармские управления, несут обязанности только наблюдательные, содействуя, впрочем, к восстановлению нарушенного порядка только в том случае, когда будут приглашены к тому местными властями; по собственному же побуждению они принимают непосредственное участие в охранении общественного спокойствия только при неопытности на месте чинов исполнительной полиции; в наблюдательном же отношении, составляющем служебное назначение жандармов, обязанности их определяются особыми инструкциями.

Вышедший закон 19 мая 1871 года, по инициативе шефа жандармов генерал-адъютанта графа Петра Андреевича Шувалова, установив, с одной стороны, правила о порядке действий чинов корпуса жандармов по исследованию общих преступлений, установил, с другой — порядок действий сих

чинов по производству дознаний о преступлениях государственных, на основании точных, согласованных с судебными уставами 20 ноября 1864 г. узаконений, и связав с 1871 года действия чинов корпуса жандармов с деятельностью органов обвинительной и судебной власти, вместе с тем ясно определил как порядок действий их чинов, так и степень их ответственности.

Так что действия и производства чинов корпуса жандармов по исследованию преступлений, как уголовных, так и государственных, главным образом, вошли в область открытую из замкнутой, так как все действия обставлялись не секретными инструкциями производившим их, а присутствием, при каждом из действий, лиц прокурорского надзора, наблюдавших за производствами дел о государственных преступлениях; причем по этому закону чины жандармского корпуса, при производствах, пользовались правами действия на основании устава уголовного судопроизводства, предоставленными судебным следователям по уголовным делам.

Первоначально закон 1871 г. на практике шел туго, причиною чему было непонимание его, с практической стороны, как жандармскими чинами, так и прокурорским надзором и судебными вообще властями, но затем время изгладило все шероховатости, и выработались приемы, усвоившие, без всяких пререканий, их применение на практике.

II
Происхождение автора. — Прохождение службы. — В штабе Харьковского военного округа. — Военно-судные дела того времени

Коснусь вкратце моего происхождения, получения образования и прохождения службы.

Я происхожу из потомственных дворян псковской губернии, в которой жили мои родители и где отец занимался хозяйством, был помещиком; мать моя — рожденная Бухвостова; по матери мы представляем потомков «первого русского солдата Бухвостова». В Императорское общество любителей древней письменности[50] поступил портрет первого русского солдата Бухвостова, оригинал коего находится в екатерингофском дворце; внизу этого портрета помещена следующая интересная надпись: «первый русский солдат Сергей Леонтьевич сын Бухвостов из придворных служителей при начале военной потешной службы первейшим в оную самоохотно предстал, потому государь Петр Великий тогда же сим первенством почтить его соизволил, служа потом в л. — гв. Преображенском полку бомбандиром до обер-офицера; был в разных баталиях и многократно ранен. Покойный служил артиллерии майором. Хотя его величество во многих случаях изволил оказывать и дальнему его повышению свое монаршее благоволение, но он по своей набожности и кротости всячески избегал излишнего словолюбия; род. 1642, ум. 1728». В императорской С.-Петербургской публичной библиотеке находится бюст Бухвостова.

Образование я получил в Новгородском графа Аракчеева кадетском корпусе, а окончил образование в Константиновском кадетском корпусе, из которого произведен в офицеры в 1859 году, со старшинством 1858 г., в Астраханский драгунский полк, от коего был командирован в Елисаветградское кавалерийское училище, где также кончил курс по кавалерийской собственно-специальной службе; год я находился и в Образцовом кавалерийском полку, где было положено первоначальное обучение кавалерийской езде и службе.

С 1867 г. по 1871 год я находился на службе в должностях старшего адъютанта штабов местных войск харьковского военного округа. Эта служба научила меня многому и приурочила к письменной части самого разнообразного свойства и характера,

и вместе с тем она внесла в мои познания ознакомление со следственною частью и производствами, чему я, главным образом, был всецело обязан опытнейшему в делах, с громадными познаниями, начальнику местных войск харьковского военного округа генерал-лейтенанту Павлу Евгеньевичу Неелову, честнейшему во всех отношениях человеку, службисту и дисциплинару, который имел ко мне громадное личное доверие по службе.

В штабе местных войск находилась масса следственных дел, включавших в себе громадные производства отдаленных, старых времен, за десятки лет назад; дела эти не двигались вперед, покоились непробудным сном и выжидали своей очереди поступить на рассмотрение бывших аудиторов, кои составляли по ним заключения и представляли на резолюции начальника местных войск, штаб которого получил эти дела незаконченными от управлений упраздненного корпуса внутренней стражи после войны 1853–1856 годов. Какая масса лиц по этим делам находились под следствием на половинном содержании и выжидали десятки лет окончания и разрешения сих дел, имевших десятки томов на каждое дело! Генерал Неелов заметил, что главный аудитор штаба Червинский стал увешиваться дорогими брелоками на часовых цепочках и не менее дорогими кольцами и перстнями с бриллиантами на почти всех пальцах своих рук, и поручил мне, как старшему адъютанту, взять от г-на Червинского к рассмотрению и заключению следственные дела, особо залежавшиеся без движения.

Из этих дел назову три, дабы охарактеризовать бывшую в то время аудиторскую деятельность.

Дело начальника кременчугской местной команды майора Забелло, в бесчисленных томах, по злоупотреблениям по службе; вся вина Забелло установилась в том, что Забелло не выполнил закона о закрытии на замок дверей, ведущих на чердак казармы, через что нижние чины команды краденые казенные вещи и имущество носили на чердак, где образовался склад краденых вещей казенных и частных, и, сверх того, те же нижние чины выпилили брусья из балок и, отвинтив металлические гайки, скреплявшие потолочные брусья и стропила, пораспродавали их. Между тем, за это дело майор Забелло находится под следствием несколько лет, и дело, при моем рассмотрении, закончилось наложением на него дисциплинарного взыскания, без всякого ограничения по службе; большая же часть нижних чинов, привлеченных обвиняемыми, оказались умершими и в безвестной отлучке.

Дело командира резервного запасного батальона полковника

Курнатовского, находившегося более десяти лет под следствием, заключалось в обвинении его в безвластии, за то, что он допустил, хотя и неумышленно, продажу казенного пороха из полкового погреба и буйство почти всех офицеров батальона на улицах гор. Белгорода в пьяном виде, каковые буйства сопровождались разбитием трактиров, ресторанов и кабаков, в самом городе находившихся. Для читателя покажется странным, какими офицерами был снабжен этот батальон, и вот, я объясню, почему весь состав батальона был таков: во время войны, за недостатком офицеров, в войска принимались все без различия, офицеры из отставных, большинство которых были — поголовные пьяницы, пропойцы, алкоголики; когда война была закончена, то всех этих офицеров из полков попереводили в резервные запасные батальоны, которые предназначались к расформированию и упразднению, а офицеры — к увольнению в отставку. Но до упразднения и расформирования этих запасных батальонов и увольнения офицеров в отставку, эти батальоны и офицеры представляли из себя что-то поистине ужасное по составу, и командир батальона был поставлен в безвыходное, невозможное служебное положение, ибо не представлялось возможности найти среди этих офицеров хоть одного, сколько-нибудь подходящего по нравственным качествам для занятия должности адъютанта батальона и заведующего хозяйством, через что казенное имущество, и в том числе и казенный порох из погреба, расхищалось и нагло и открыто на глазах продавалось. Между тем полковник Курнатовский был гвардейский офицер, честнейший и отличный начальник и человек и представлял лучшего командира кадетской роты Аракчеевского кадетского корпуса, в котором я воспитывался и знал его с такой стороны. Дело Курнатовского было закончено, и было лишь вменено ему в наказание продолжительное нахождение под следствием, что физически его сильно потрясло, настолько, что он, после окончания над ним дела, вскоре умер.

Третье дело — самое замечательное по своему производству, содержанию, числу обвиняемых и по злоупотреблениям и неправильному вытребованию от казны сотни тысяч рублей командиром курского гарнизонного батальона полковником Лаппою. Это дело иначе нельзя назвать, как грандиозным, по доходившим злоупотреблениям, касающимся неправильных требований от казны денег приварочных на продовольствие на небывших низших чинов налицо в батальоне, умерших, на которых требовалось от казны все довольствие как денежное, так и имущественное, в продолжение нескольких лет сряду; злоупотреблениям по части рекрутского набора, обмундированию

и снаряжению солдат и рекрут и снабжению, как последних, так и арестантов теплою одеждою и полушубками. Это дело, по ознакомлении с ним, ввело меня в область таких познаний, по части злоупотреблений того времени, каковые не могли даже запасть в голову моих соображений и мечтаний. Из этого дела я только понял и узнал, что в себя включала должность командира «гарнизонного» батальона каждого губернского города того времени и лиц, ведавших казенными деньгами и громадным имуществом этих батальонов, — лиц, которые, вместе с командиром батальона и батальонными писарями, наживали себе громадные, целые состояния и капиталы, от упомянутых злоупотреблений и ремонтов громадных казарм этих батальонов и от роспуска от службы, по домам, в продолжительные отпуска рекрутов, с коих брались за это громадные деньги. Это дело поставило меня в курс дела, почему командир губернского гарнизонного батальона считался первым лицом по богатству в губернском городе, по роскошным приемам в частной жизни и быту. Дом командира гарнизонного батальона был первый в губернском городе. Командиры гарнизонных батальонов — все были из гвардии, где они проживались и наживали большие долги и откуда затем всеми силами стремились не к получению армейских полков, а губернских батальонов, во время командования которыми уплачивали все гвардейские долги и становились затем поистине богатейшими людьми из беднейших. Это фактически верно и достоверно. К числу таких командиров гарнизонных батальонов принадлежал полковник Лаппа, составивший себе громадное состояние чрез злоупотребления по службе, успевший скрыть таковое, до суда умерший, но втянувший в дела злоупотреблений своих не мало совершенно молодых, неопытных офицеров, попавших к нему на службу в батальон из кадетских корпусов и подписывавших и скреплявших требование от казны денег и материалов по ведомостям, составляемым особыми приближенными к Лаппе старыми и опытными писарями, плутовскими и мошенническими приемами которых втягивались неопытные юнцы-офицеры. Проделки этих писарей, с рядом подлогов в неправильных требованиях от казны денег, положительно представляются сказочными, а не действительными, тогда как в действительности таковые были изо дня в день, из года в год и были только обнаружены чрез несколько лет их существования. Следствие многого интересного в этом деле не обнаружило и не установило, потому что масса документов исчезла из дел посредством прямого их выкрадения из дел. До чего доходили в этом деле махинации Лаппы, писарей и обвиняемых, не поддается описанию. Полковник Лаппа в этом

деле представлял из себя действительно лапу, но только железную, которою награбливались деньги и русское золото из государственного казначейства и из рук рекрут и их родственников, за один отпуск рекрут в домашние отпуска за деньги.

Прохождение мною службы, нелегкой в штабе местных войск харьковского округа, в должности старшего адъютанта штаба, под руководством опытного, дельного генерала труженика П. Е. Неелова, ознакомило меня в полноте с хозяйством войск, вообще с законами и следственными производствами; а затем служба в должности же адъютанта, в штабе харьковского округа, еще более усвоила мне познаний по различным областям знаний, к которым я сам стремился вследствие любознательности моего характера, сопровождавшегося молодым возрастом и цветущим состоянием здоровья, коими я свободно покорял труд письменных занятий по службе, к каковым относился с особою любознательностью и вниманием, что и послужило основанием рекомендации меня на должность старшего чиновника особых поручений 5 класса при войсковом наказном атамане войска Донского, генерал-адъютанте М. И. Черткове, бывшем впоследствии киевским, а затем варшавским генерал-губернатором.

III
Служба на Дону при М. И. Черткове. — Казачьи привилегии. — Казачий Чичиков. — Грабежи и хищения

Служба на Дону была нелегкою; нелегкость ее усугублялась еще тем, что я по происхождению не был казаком, хотя и был, с назначением на вышесказанную должность, переведен в л.-гв. казачий его величества полк. Казаки-донцы неохотно принимали в свою среду лиц, по происхождению не из казаков, относились к ним враждебно, называли их «иногородними» и в лице их видели своих недоброжелателей, попиравших права казачества и казакоманства, так как то время совпадало с упразднением многих обособленностей Донского края, а именно, главным образом, с упразднением закона о наделении казачьих офицеров по чинам земельными наделами и с отменой закона по предмету недоступности права приобретения «иногородними» казачьих земель и городских угодий, домов и прочих городских имуществ. Словом, Донской край делался общедоступным во всем и, главным образом, по приобретению земель и городских домов, угодий и имуществ для всех русских и иностранных граждан, что казакам было, естественно, и не по характеру и по внедрившемуся в казачью плоть и кровь убеждению, что все войсковое имущество и земли составляют достояние одних казаков[51]. К войсковой собственности казаки относились так, что они все считали своим достоянием, даже войсковую казну, на которую простирали свое право самым незатейливым образом и приемами. Но всему этому был положен конец во время управления военным министерством генерал-адъютантом графом Милютиным[52]. Громадные рыбные ловли, нескончаемые задонские степи и кочевья были приведены в известность, и право владения этими землями не на глаз, как это было, определялось с точностью и законностью; станичные юрты стали тоже в определенные границы, и право пользования казака 35 дес. земли строго определялось, хотя и отдаленным законом 1865 года, но все-таки законом, а не произволом. Хотя казаки и мирились с этими законодательными нововведениями, но туго, тяжело; на войсковую казну и собственность смотрели легко, и зачастую приобретали право на эту собственность всевозможными незаконными путями и способами, в подтверждение чего приведу выдающееся следственное дело на Дону, которое пришлось мне

производить, как «иногороднему», но не казаку, ибо на следственное производство этого дела из казаков никто не шел, и атаман поневоле возложил такое на меня.

Дело состояло вот в чем: существовал закон, конечно, всецело разделяемый казачьим населением, но не всем знакомый и известный до возникновения по сему дела, потому что многие и очень многие его совершенно не знали; закон этот давал право тем казакам-дворянам, за которыми числились по окладным книгам казенной донской экспедиции (палаты) крестьянские души по 10 ревизии, — пользоваться правом получения на каждую числящуюся душу по 5 десятин земли; это вызвало страшное злоупотребление через неправильно-выдаваемые справки из казенной экспедиции о душах, кои числились за помещиками-казаками-дворянами; явился из донских казаков хорунжий Когальников, который начал скупать эти души и получать землю на них, при посредстве, главным образом, названной экспедиции и пособничестве служащих в гражданской донской палате; в экспедиции был главным пособником заведовавший окладными книгами казак Лобов, а в палате дьяк Попов, и сверх того, масса пособников было в комиссии по размежеванию войсковых земель, снабжавшей землею на купленные души. Когальников совершил массу подложных купчих крепостей от таких лиц, которые десятки лет назад поумирали; другие, находившиеся в живых, совершенно даже не знали о числящихся за ними по окладным книгам крестьянских душах; причем для запутания дела и скрытия всяких следов, души перепродавались из одних рук в другие, на имя лиц, в действительности не существовавших или же давно умерших, и полученные в надел на эти души земли тотчас же распродавались такими же путями и способами, и таким образом дела запутывались всевозможными махинациями, к числу которых, между прочим, должна быть отнесена и выдача подложных паспортов и видов из атаманской канцелярии, о чем также было следственное производство. Хорунжий Когальников был на Дону в 60-х годах тот же Чичиков. По этому следственному делу возвращены были десятки тысяч десятин земли в войсковую собственность из частных рук, завладевших неправильно и незаконно казенными войсковыми землями. Производить следствие по этому делу было не только не легко, но даже опасно; при поездках по области приходилось оберегать себя не только ночными, но даже и денными караулами.

Вот, в общем, как казаки смотрели на войсковую казенную собственность: в г. Новочеркасске десятки лет строился в центре города собор, стоивший войсковой казне миллионы и

неоднократно обрушивавшийся от дурной постройки, а, может быть, и от умышленных ошибок инженеров, архитекторов, строителей; от обрушивавшегося собора была масса миллионов кирпича, который свободно разбирался, расхищался, на глазах властей и комиссии, и свозился прямо в иные усадьбы для постройки домов; конечно, смотритель собора существовал, место обвалившегося собора было ограждено забором, но это отнюдь не отстраняло расхищение кирпича, каковой увозили, говоря, что это — войсковое имущество, принадлежащее каждому казаку. Были назначаемы атаманом следствия по хищению кирпича, но таковые делу не помогали, и кирпич продолжали раскрадывать и расхищать самым бесцеремонным образом.

Сильные хищения войскового имущества были во времена почти всех правящих Донскою областью наказных атаманов, но они были особо велики во время атаманства Граббе[53] — слабостью и добротою характера которого казаки пользовались во вред. Во время атаманства Потапова и Черткова войсковая казна оберегалась, но все-таки с недостаточною настойчивостью.

Войсковой наказный атаман войска Донского генерал-адъютант М. И. Чертков, при котором я состоял на службе, был честным человеком во всех отношениях, желал войску добра и поднятия его в экономическом отношении, но все начинания его ни к чему, в действительности, не сводились и имели недостаточный и нежелательный результат чрез непопулярность его в Донской области: он был нелюбим, по недоступности своего характера, врожденной гордости, а женитьба его на женщине, по происхождению — еврейке, которая была ненавистна всему Дону по непопулярному, по отзыву казачества, до крайности своему направлению и характеру и по вмешательству в служебные дела мужа; казаки одолевали семейство Чертковых безымянными ругательными письмами, что страшно восстановляло все семейство против казаков. Эти обстоятельства и заставили Черткова оставить службу на Дону, несмотря на все личное расположение и доверие к нему государя императора Александра II-го, у которого он был сильно поддерживаем и родственником своим, женатым на его родной сестре Елене Ивановне, по первому мужу графини Орловой-Денисовой-Никитиной, вышедшей замуж после смерти мужа за бывшего шефа жандармов графа Петра Андреевича Шувалова, пользовавшегося также особым расположением и доверием государя императора Александра II.

При атамане Черткове на Дону проведены в жизнь казаков существенные законы и положения, которые все-таки не установили за ним популярности и любви среди казаков. Таковые

законы и положения касались: освобождения казачьих офицеров и чиновников от обязательной службы, о дозволении лицам казачьего сословия исключаться из оного, перечисляться в другие войска, служить вне своих войск, о зачислении в казачьи войска лиц не войскового сословия. Сверх того, состоялось положение об обеспечении генералов, штаб и обер-офицеров и классных чиновников Донского войска и их семейств, радевших или имевших право на владение срочными земельными участками с предоставлением таковых в потомственную собственность. Этим положением состоялось прекращение надела земельными участками всех казачьих офицеров, но предоставлено им право, во время нахождения при войске на льготе, пользования денежным содержанием от войска в половинном размере, против следуемого им жалованья по чину, а при выходе в отставку — пенсиями. Этот закон сохранил массу войсковых земель в собственности войска, так как наделение срочными земельными участками влекло массу злоупотреблений и хищений общественных войсковых земель.

Сверх того при атамане Черткове был положен конец назначению командирами казачьих полков с Дону на внешнюю службу полковников, по старшинству и по очереди, по общему кандидатскому списку, в который вносились все без исключения полковники, какие бы они должности, как гражданские, так и военные, ни занимали. Таким образом, лица, состоявшие в чинах полковников и достигнувшие сих чинов при бытности их исключительно и только на гражданской службе, никогда на конях не сидевшие, и пик в руках не державшие, по дошедшей до них очереди по кандидатскому списку получали полки, вели их для отправления службы за пределами войска и не были совершенно ознакомлены со строевою военною службою. Получения полков выжидали все полковники с целью, конечно, обогащения от командования полками, нажития состояний, несомненно, на счет своих же донских казаков-урядников и простых казаков. В результате получалась на Дону, по возвращении полков с внешней службы на Дон, такая картина: полк входил в пределы войска без командира полка, который, укрываясь, из боязни, от казаков полка, исчезал в неизвестное пространство, а на границе области полк встречался командированными атаманом генералами и штаб-офицерами для опроса претензий казаков, и претензии были таковы, по громадности злоупотреблений, что приходилось почти всех командиров полков предавать суду. Только по одному отпуску от казны оставались деньги полностью у казаков, а именно — «ремонтные», так называемые «стремянные», которые, по

установившемуся обычаю, казак должен был, по возвращении с внешней службы, полностью вручить своей жене. Об этом, как говорил мне М. И. Чертков, было доложено им лично государю императору Александру II-му, с ходатайством об упразднении существовавшего общего кандидатского списка на получение казачьих полков полковниками, с тем, чтобы командирами полков назначались полковники по личному избранию и аттестации наказного атамана. Император Александр II, горячо любивший донских казаков и казаков вообще, встретил это ходатайство немилостиво, и изволил отозваться в таком смысле: «Что же, ты хочешь, чтобы я поверил, что казаки неверны мне?» Но когда Чертков доложил, что вовсе не о неверности службы его величеству казаков включает его доклад, то государь успокоившись, прочтя с большим вниманием доклад, изволил согласиться с ним. И таким образом, очередной кандидатский список по войску донскому на получение полков в очередном порядке был упразднен.

Насколько командиры донских полков того времени предавались хищению частного имущества за пределами войска донского, приведу интересно-правдивый факт.

На Дону, в г. Новочеркасске проживали, в мое время, отставные донские генералы Мажаров и Сычев, которых даже сами казаки презирали за сделанные ими грабежи, в имениях богатых польских помещиков, во время восстания в Польше в 1863–1864 г., всевозможного движимого имущества, перевезенного ими на Дон, а именно: у генерала Мажарова была обставлена вся квартира редкою, изящной работы, мебелью и громадными, в бронзовой отделке, зеркалами с польскими титулованными вензелями и инициалами, и сверх того он располагал столовыми золотыми и серебряными сервизами величайшей редкости по изяществу работы. Генерал Сычев завладел редкими старинными бриллиантами, о которых говорил весь Дон, и которые красовались у его наследников при ношении, что мы сами видели. Казаки, не стесняясь, открыто высказывали, что упомянутые имущества Мажаровым и Сычевым были награблены в пределах Царства Польского и привезены на Дон.

Сколько на Дону сохранялось старых порядков, к которым казаки были привычны, конечно в большинстве не без расчета, тому служит такой интересный факт.

По Донской области шли ссыльные; для пересыльных уголовных арестантов (были) тракты, которые, распоряжением главного штаба войска Донского, должны были бы постепенно закрываться с проведением железных дорог по Донской области и в местностях, лежащих вблизи этой области; но этого

своевременно не делалось, через что масса казаков внутреннюю службу отправляющих, в ожидании прибытия арестантских партий в этапные дни требовалась из станиц и хуторов на этапы, для конвоирования последних; но казаки, в особенности в рабочее время, откупались деньгами, чрез станичных атаманов, ведавших этапами и этапными путями, и эта повинность в натуре стоила больших денег для казаков, чем злоупотребляли, повторяю, станичные атаманы, не доносившие войсковому штабу о закрытии этапов и этапных путей. Эта натуральная повинность, стоившая больших, громадных денег, по всей Донской области, простиравшейся в поперечнике до 500 верст, была отменена чрез учреждение местных войсковых небольших команд из казаков же, что стоило войску всего 25 тыс. рублей, и чрез закрытие ненужных трактов и этапов.

Коснусь интересной бывшей стороны сего дела, а именно конвоирования по Донской области как больших, так и малых арестантских партий, из каторжников состоявших, что мне приходилось видеть воочию. Эти партии обыкновенно конвоировались не казаками, а двумя казачками, ехавшими верхом на конях, одна — впереди, другая — позади партии, с ружьями старой крымской системы, перевешенными чрез плечо, и сумками, в коих находились статейные списки и другие документы на арестантов. И партии, таким порядком, шли и следовали по всем пределам Донской области совершенно благополучно и без всяких побегов арестантов. Весь секрет дела заключался в том, что станичным атаманом объявлялось арестантам, что в случае побега или поползновения на побег, конвойные женщины-казачки должны были скакать в ближайшие казачьи селения, станицы и хутора и извещать о побеге арестанта казаков, которые должны были неотлагательно садиться на коней, с пиками и оружием, и скакать в степь для розысков бежавших арестантов, которые должны были быть все изловлены и наказаны в присутствии партии. Этот способ и объявление станичных атаманов настолько влияли на арестантов, что не только побегов, но даже поползновения на них со стороны арестантов каторжного разряда вовсе не было, как это было удостоверено официальною справкою от войскового штаба за десять лет сряду.

Казаки безусловно верно выделялись особою беспредельною преданностью и любовью к государю, августейшему их атаману наследнику цесаревичу и вообще членам императорской фамилии, но русских, вообще не казаков — иногородних — не любили, и жизнь их в казачьей среде была невыразимо тяжела.

Прием на Дону казаками, в 1872 году, государя императора

Александра II и наследника цесаревича Александра Александровича с другими членами императорской фамилии был обставлен большою торжественностью, с гостеприимством в продолжение почти трех дней в г. Новочеркасске, где государь был встречен в соборе патриотическою речью с крестом донским архиепископом Платоном[54], впоследствии ставшим киевским митрополитом. Архиепископу Платону в подарок была послана, чрез шефа жандармов графа П. А. Шувалова, особо дорогая по ценности и по времени панагия, которая 32 года возилась в походной канцелярии его величества.

Политических дел в то время на Дону никаких не было и не возникало: в этом отношении Донской край был совершенно спокоен и надежен для правительства.

Не представляйте себе, читатель, того, чтобы донские казаки того времени, в 70-х годах, изображали из себя дикарей, необразованных людей, употреблявших в пищу дохлую конину, как об этом говорили внутри России люди, совершенно не ознакомленные с донским краем. Казаки представляются необыкновенно индивидуально-развитым народом, в высшей степени сообразительным, ловким и грамотным. Нам приходилось, производя следствие, допрашивать в одной из отдаленных станиц, в качестве свидетелей, станичных депутатов, стариков, более десяти человек, из которых каждому было не менее 70-ти лет от роду и более, и все они оказались грамотными, свободно писавшими свои показания; грамотность в войске донском развилась сама и шла сознательным путем еще тогда, когда министерство просвещения находилось в колыбели к распространению грамотности среди народа. Введенные судебные уставы о гласном суде отнюдь не были новостью для Донской области, в которой искони суды были гласные, творившиеся публично под руководством дьяков и атаманов, приводившие на месте приговоры судов в исполнение.

Насколько вообще внутренняя Россия знала Дон и познания свои основывала на появлявшихся изданиях иностранных корреспондентов с Дона и их даже отдельных сочинениях о Доне, тому служит следующий факт.

Один англичанин, бывший в городе Новочеркасске, главном городе Донской области, в весеннее время года, описал прелестное расположение города на берегу Азовского моря, приняв весенний разлив реки Аксай, на которой г. Новочеркасск находится, за Азовское море. Вот как иностранцы хорошо и прелестно-внимательно изучают Россию и описывают ее.

В Донскую область входит земля калмыцкого кочевья, представляющая обширные незаселенные степи, на которых

кочевали калмыки с своими кибитками, включавшими в себя невообразимый домашний, грязный скарб, с семьями и со скотом, им принадлежавшим и составлявшим их имущество. Калмыки представляли, в действительности, дикарей, годных лишь для должностей табунщиков, но по своему сложению негодных к отправлению военной службы. Исповедывали они буддийскую веру, были язычниками, страшно порабощенными их же духовенством, доводившим до обнищалости калмыков, которые, по верованию своему, лишены были права входа в свои храмы для моленья за самих себя, что принимало всецело на себя их духовенство, коему несли калмыки все свое достояние — лишь бы спасти душу молитвою духовенства. Распространение христианства между калмыками шло туго, а грамотность среди них еще туже распространялась.

Несмотря на отведенные обширные земли для содержания частных конских табунов, коневодство, в общем, и скотоводство сильно падало в войске Донском.

На Дону существовал громадный Привальский конный завод, который по числу маток, доходивших до 900 штук, мог считаться первым в мире.

Несмотря на существование на Дону такого завода, обширного частного коневодства в области, несмотря на принимаемые меры поддержания и улучшения производительских кровей, коневодство на Дону из года в год падало, и принимаемыми мерами улучшения производителей в станичных табунах — упразднилась донская порода лошади, столь известная своим складом и необыкновенною выносливостью. Восстановить эту породу донской лошади вряд ли представится возможным — по заключениями опытных конезаводчиков.

Земли Донской области — простирающиеся до 14 ½ миллионов десятин, со включением калмыцкого кочевья и земель частных конских табунов, при более-миллионном населении обоего пола — представляются ныне большой ценностью, и будущность Донского края — громадная, в каком бы тяжелом экономическом условии временно донское казачество ни находилось.

Во время поездок атамана Черткова в С.-Петербург, я при нем следовал, и при всей замкнутости его натуры и неразговорчивости, мне приходилось слышать от него различные рассказы, не лишенные, в общем, интереса; рассказы эти шли от безусловно-достоверного человека, совершенно неспособного ко лжи, преувеличению, каковым и представлялся М. И. Чертков в полноте; он ошибался во взглядах, в людях, в распоряжениях, но

был незыблемо тверд и правдив в передаваемых рассказах о событиях, свидетелем, слушателем и очевидцем коих он был.

В бытность военным министром графа Д. А. Милютина, против него образовалась большая партия, во главе с близким к государю императору Александру II, — генерал-адъютантом князем Барятинским[55], порицавшая все нововведения по военному министерству, через что были собраны на совет в С.-Петербург, под председательством государя, генерал-губернаторы и командовавшие войсками военных округов, в том числе и М. И. Чертков, состоявший в должности войскового наказного атамана войска Донского и пользовавшийся правами военного генерал-губернатора. На этих советах, по рассказу Черткова, все выставляемые противниками Милютина доводы и основания против его системы, были спокойно, веско, сознательно и правдиво опровергаемы Милютиным, после чего Милютин еще более получил доверие государя, выражавшееся в том, что он, Милютин, почти исправлял должность министра иностранных дел, так как все депеши и переписка, касающиеся дипломатических сношений со всеми державами, препровождались государем к Милютину, для выражения его мнения и составления отчетов по всем важнейшим делам иностранной политики.

Генерал-адъютанту М. И. Черткову рассказывал шеф жандармов граф Шувалов, что, после получения великим князем Михаилом Николаевичем[56] от государя императора Александра II в подарок Боржомского имения на Кавказе большой ценности, приехал к нему великий князь Николай Николаевич Старший[57], и в самой обидчивой форме просил графа Шувалова передать государю, что он считает себя обиженным и просит, в виду его осложненных долгами средств, даровать и ему имущество, которое, по стоимости, равнялось бы Боржому. На это граф Шувалов ответил в отрицательном смысле, добавив, что он не считает себя в праве докладывать государю о делах, имеющих денежный интерес, распределяемый личным усмотрением государя среди его семьи, и еще тем более потому, что подарок Боржома, сделанный государем без надлежащих и нужных предварительных справок, влечет за собою уплату нескольких миллионов для удовлетворения претензий многих местных кавказских владельцев на Боржом, без чего не представляется возможным обойтись. На этом разговор и был покончен. Великий князь Николай Николаевич старший, по словам Шувалова, беспредельно любил государя, был предан ему глубоко, но боялся государя, который почему-то его недолюбливал и недостаточно уважал, за что и обходил и сопровождал, в общем, сухостью,

каковой великий князь не заслуживал по своей преданности, доброте и мягкосердечности. Сожительница в. к. Николая Николаевича, Числова[58] была выслана из С.-Петербурга по выс. повелению административным порядком, что привел в исполнение градоначальник Трепов[59]. Великий же князь Михаил Николаевич, во всем уступавший великому князю Николаю Николаевичу старшему, по словам графа Шувалова, сумел войти в сердечную область расположения к нему императора Александра II.

IV
Харьковские беспорядки в 1872 г.

В бытность мою на Дону в 1872 году я был в отпуску у своих родственников в г. Харькове, куда прибыл на праздник св. Пасхи, в дни которого произошли в г. Харькове на улицах города большие беспорядки[60], сопровождавшиеся нападением народных толп на городские полицейские участки и на чинов городской полиции в продолжение почти трех дней. Быв личным добровольным свидетелем этих беспорядков, я постараюсь их воспроизвести в том виде, как я их видел воочию в различных частях города. Я был в форме казака и этим был застрахован от всяких насилий и нападений; из личной любознательности я был на улицах, площадях и в толпах, подвергая даже свою жизнь опасности от шальных солдатских пуль. В то время я решительно не имел никакого представления о политике, о социально-революционной пропаганде и движении; был далек от всякой мысли придавать этим уличным беспорядкам какой-либо оттенок или характер политического значения. Но впоследствии, после нескольких лет моей службы в корпусе жандармов и полного ознакомления движущегося на Россию и нараставшего в то время в пределах России социально-революционного движения, я не мог не прийти к положительному заключению и выводу, что беспорядки в г. Харькове в 1872 г. уже носили безусловно политический характер и окраску, поддерживаемые местными, только зародившимися в г. Харькове социал-революционерами, которых я лично не знал, но видел в толпе в качестве подстрекателей; причем они, представляя из себя интеллигентов, по наружному виду выделялись из толпы приемами, наружным видом, одеянием и ношением, в большинстве, очков с темно-синими стеклами — с целью изменения своей наружности и быть неузнанными. Дело беспорядков произошло от незатейливой и обыденной причины, но беспорядки — в дальнейшем своем развитии были обязаны подстрекательству толпы появлявшимися революционерами, воздействовавшими на толпу пьяных буянов, которых была масса по случаю праздничных дней, проводимых, обыкновенно, чернью в устраиваемых каждогодно на Михайловской (ныне Скобелевской) площади балаганах, с народными представлениями и качелями.

В одном из домов на Михайловской площади квартировала артель рабочих, которые, перепившись, затеяли между собою драку, для прекращения коей хозяин этой рабочей артели

обратился к полицейскому приставу с просьбою убрать из квартиры пьяных буянов. Городовые, взяв из квартиры пьяных рабочих, повели их в участок через площадь, наполненную народом; народ стал отбивать задержанных полициею, и произошло общее столкновение между народом, задержанными и полицейскими, сопровождавшееся общею дракою на площади. Пристав Шмелев для рассеяния толпы вызвал пожарную участковую команду и приказал из пожарных труб обливать толпу водою, через что уже произошли столкновение и драки между народом и пожарными, которые бегали в толпе с топорами и наносили удары обухами топоров; но один из пожарных, сильно избитый толпою, бросился в беспамятстве в толпу, и взмахом топора разрубил голову проходившему через площадь совершенно неповинному солдатику, который нес в сумке казенные пакеты. Это убийство солдатика ожесточило настолько народную толпу, что она принялась за избивательство пожарных, городовых и подступила к разгромлению полицейского участка, на этой площади находившегося, с требованием освободить задержанных из толпы городовыми. Требования не выполнялись. Прибыли в участок губернатор князь Кропоткин[61] (впоследствии в 1879 г. убитый киевским революционером евреем Григорием Гольденбергом), прокурор судебной палаты Писарев[62], во главе прокурорского надзора и следователей, которые никакими увещаниями не могли заставить разойтись народ. Наступали сумерки, и я, по приглашению, отправился в квартиру харьковского губернского воинского начальника генерала Макухина. Только что я с Макухиным пошли к нему в квартиру, как явился испуганный городовой, который, от имени губернатора, просил генерала Макухина тотчас же дать в помощь полицейскому участку воинскую команду с ружьями и патронами, добавив, что толпа напала на участок, губернатор и прокурор палаты со следователями — едва спаслись, уйдя из участка задним ходом через заборы, сады и огороды, причем прокурор палаты Писарев повредил себе ногу, перепрыгивая через забор. Взята была караульная рота, вблизи находившаяся, с которой генерал Макухин и я последовали на Михайловскую площадь к участку. Рота состояла всего из 40–50 человек. Выйдя на площадь, заполненную народом, я посоветовал генералу Макухину приказать бить в барабаны, чтобы воздействовать на толпу; но под звук барабана из толпы раздавались голоса: «братцы, их мало, отобрать от них ружья». Положение было критическое, но все-таки натиском удалось через толпу пробраться к участку и освободить последний от натиска толпы, которая и разошлась к ночи. Заявление о бегстве властей из участка подтвердил мне

один из судебных следователей, бывших в участке, который на площади, когда я шел вблизи роты, подошел ко мне с портфелем и просил разрешить ему следовать около меня, добавив, что он едва спасся из участка от толпы через огороды, вместе с прокурором Писаревым, который повредил себе ногу, спрыгивая с забора. Я отвечал следователю, что к составу части войск не принадлежу, а состою в числе любопытных, и готов следовать с ним до участка, куда мы и пришли с ним.

На другой день, с раннего утра, тот же полицейский участок, охраняемый военною командою, стал вновь окружаться толпой, из которой бросали в часовых камни и яйца и произносили ругань. Капитан этой команды Малявин явился к генералу Макухину, весь, с головы до ног, залитый яйцами, и просил усилить состав команды, которой грозили отобранием ружей; с таким же заявлением, в присутствии моем, явился к генералу Макухину один из пехотных командиров — полковник Хрущов. Явился на площадь вновь губернатор, но не мог отодвинуть толпы от участка, а к помощи войск не приступал. Вызвал пожарную команду другого участка, которая, с появлением ее, моментально, в буквальном смысле сего слова, была уничтожена толпою, бочки поразрублены, лошади повыпряжены и носились вместе с пожарными по площади и улице; пожарные, быв избиваемы, схватясь за топоры, обухами отбивались от наносимых им ударов из толпы, вооруженной каменьями, взятыми из мостовых. После этого, губернатор обратился с просьбой к командующему войсками генерал-адъютанту Карцову[63] о присылке войск на площадь; пока войска собрались в достаточном количестве, шла рота пехоты — и как только она повернулась на площадь и подставила свой тыл, — толпа бросилась на роту, которая бегом, чрез площадь, достигла балаганов, остановилась и, опершись на них, самопроизвольно открыла пальбу из ружей; явилось несколько убитых и раненых, которых толпа понесла к дому губернатора и государственному банку, куда направлены были войска, охранявшие дом губернатора и банк. После этого на площадь прибыл для увещания народа архиепископ Нектарий[64], убедивший толпу следовать за ним в архиерейский дом для слушания молебствия. Толпа направилась за его экипажем, но по всей Московской улице толпа шла с распущенными красными, революционными флагами и, дойдя до Николаевской площади, бросилась на здание городской полиции и разгромила его так же, как и Михайловский полицейский участок, который в глазах моих был разгромлен так, что остались только одни стены да крыша, а двери, окна, рамы — были совершенно уничтожены, как и все имущество как участковое, так и собственное, принадлежавшее

жившим в участке полицейским чинам. Дела городской полиции были выкинуты из здания и носились ветром в листах по Николаевской площади. От здания городской полиции толпа была отогнана выстрелами войск и направилась на молебствие в архиерейский дом, откуда разошлась. От выстрелов пострадало несколько человек. В форме полицейского чиновника, городового — не представлялось возможности выйти на улицу, не рискуя быть избитым или убитым. Я сам видел на площади бывшего харьковского полицмейстера Прожанского[65] в одной изорванной рубахе; мундир и другие принадлежности одеяния были на нем изорваны; на нем болтались клочья его одежды. С приведением войск, главным образом, кавалерии, и с появлением войсковых патрулей на улицах города, на третий день беспорядки затихли и более не повторялись. Беспорядки эти, вновь повторяю и подтверждаю, были безусловно развиты революционерами и представляли из себя опасное зрелище — по последствиям — от толпы в несколько тысяч человек, каковая являлась страшилищем, вооруженным чем попало, а главным образом — каменьями.

По этому делу по высочайшему повелению был командирован в Харьков для исследования беспорядков и их причин — генерал-адъютант Н. В. Мезенцов[66], впоследствии шеф жандармов, убитый в 1878 году. Каково было заключение по сему делу Мезенцова — мне неизвестно, но думаю, что он этим беспорядкам не придал политической окраски, потому что не стоял в курсе революционного движения вообще, и даже в 1875 году, в разговоре со мною, как будет изложено ниже, отвергал возможность даже прихода революционной партии к террору и возможность покушения на жизнь шефа жандармов, особа которого, по выражению Мезенцова, столь высоко стояла, что была недосягаема; между тем, он же, Мезенцов, первый из шефов лег на смертном одре от кинжальной раны, нанесенной ему днем на улице в столице революционером Кравчинским[67].

V
Еще о М. И. Черткове

Уход в 1873 году с Дона генерал-адъютанта М. И. Черткова сопровождался, кроме вышеизложенных причин, положительным нежеланием семейства его более оставаться на Дону, а отчасти и его болезненностью. Во время войны с Турциею Чертков состоял в свите при императоре Александре II в Болгарии, откуда был назначен киевским, подольским и волынским генерал-губернатором, и в 1878 году я уже встретился с Чертковым в г. Киеве, состоя в должности начальника киевского губернского жандармского управления, каковая деятельность, в период наступившего в то время тяжело-смутного времени, в особенности в Киеве, вводила меня в постоянные, почти ежедневные соотношения по службе с ним по делам политического характера и событий того времени.

В действиях М. И. Черткова, по отношению к сим делам, устанавливалось бесповоротно: бесспорно беззаветная преданность его престолу, русскому началу, сопровождавшаяся патриотическими чувствами и непоколебимыми стойкостью и твердостью, проявлявшимися во всем, несмотря на то, что он, как он сам говорил, в материальном положении был сильно подорван продолжительною жизнью в С.-Петербурге без должности, вовлекшей его в долги, представительностью службы на Дону, вызывавшей сверхсметные расходы на жизнь, и неопределенностью получаемого им дохода с имений в воронежской губернии, где у него было родовой земли 26 тыс. десятин земли, с овцеводством, приносящей ему дохода до 50 тыс. в год, но неопределенно. К тому же он купил в киевской губернии большое имение Когарлык, до 10 тыс. десятин, с банковским долгом и при посредстве Международного банка. Но затем ему посчастливилось в жизни на моих глазах: явился покупатель, моршанский купец Плотицын, купивший на наличные деньги имение Черткова в воронежской губернии за 1 300 000 рублей, что дало ему полную возможность рассчитаться со всеми долгами и обратить все средства на устройство когарлыцкого имения, земля которого стала повышаться непомерно в ценности из года в год, и арендная плата земли вдвое возросла, так что он последние годы получал до 200 тыс. годового дохода с имения и находящегося в нем сахарного завода.

Это обогащение случайное, счастливое, совершенно

изменило характер Черткова, который сделался неузнаваем: дошел до скупости, алчности, мелочности в денежных расчетах, приемах и сделках, которые он вел с евреями, уплачивая им большие куртажные деньги за совершенные сделки по аренде когарлыцкого сахарного завода сахарозаводчиком Л. Бродским.

Вообще, покупка когарлыцкого имения Чертковым уронила его популярность как человека, так и генерал-губернатора, а коштное размежевание с крестьянами когарлыцких земель еще более послужило предметом толков в обществе о том, что он воспользовался своим служебным положением, как генерал-губернатор, при покупке Когарлыка на торгах и допущении коштного межевания земель с крестьянами. Толки эти дошли до С.-Петербурга, откуда был командирован в Киев для собрания секретным путем сведений обер-прокурор сената Иванов[68]. О командировке этой г-на Иванова я узнал таким путем: вечером приезжает ко мне в квартиру тов. прокурора киевской суд. палаты П. И. Дурново[69], впоследствии министр внутренних дел, и предлагает мне прибыть к обер-прокурору Иванову ночью, для получения от меня нужных ему сведений о Черткове как о генерал-губернаторе, о покупке когарлыцкого имения и коштном межевании, причем г. Дурново добавляет, что г-ну Иванову ко мне ехать неудобно, ибо этим придается нежелательная огласка, а потому неугодно ли мне пожаловать к нему в ночное время в гостиницу. От этого предложения г-на Дурново я наотрез отказался и к г-ну Иванову не поехал. Отказ мой был основан на том, что мне неудобно давать секретные сообщения о действиях генерал-губернатора лицу, мне совершенно неизвестному, что мне неизвестно, кем возложено поручение на г-на Иванова, который не представляет из себя ревизующую особу по высочайшему повелению или особому поручению, что, стоя к Черткову близко как подчиненный и человек, не считаю для себя нравственно-позволительным говорить о нем что-либо, что составляет для него секрет, и что, если г. Иванов имеет надобность во мне, то может сам первый быть у меня и днем, и ночью. На это г-н Дурново, видимо недовольный данным ему мною ответом, добавил мне, что г. Иванов выполняет возложенное на него поручение начальником верховной распорядительной комиссии генерал-адъютантом графом Лорис-Меликовым, от которого я могу получить большие неприятности по службе. На это я, твердо помню, отвечал Дурново, что ни нравственное, ни служебное достоинство не могут меня вести к выполнению его предложения и что не страшусь за последствия. Этим объяснение и закончилось с г. Дурново. К Иванову я не поехал и никаких неприятностей по службе не получил, а

Черткову не сказал об этом до конца его жизни. Этот случай характеризует г. Дурново в том отношении, что он принял на себя поручение, не быв даже в исправлении должности прокурора судебной палаты, а что главное, — это то, что он бывал в семействе Чертковых, где был принят хорошо и казался сторонником и преданным человеком Черткова.

Затем вскоре была назначена сенаторская ревизия, по инициативе гр. Лорис-Меликова, в лице сенатора А. А. Половцова[70], с которым Чертков не сошелся. Отношения между Чертковым и Половцовым были самые обостренные; ревизию эту Чертков счел за оскорбление и оставил должность генерал-губернатора, об увольнении с которой сам возбудил ходатайство.

После оставления должности киевского генерал-губернатора, Чертков два десятилетия занимался хозяйством и устройством когарлыцкого имения. Ему предлагался, как мне говорил, государем императором Николаем II пост финляндского генерал-губернатора, на что он выразил государю, что назначение это поведет, быть может, к нежелательным проявлениям с его стороны резких и твердых начал русской политики в Финляндском крае, от которых он никак отказаться не может по своим взглядам и убеждениям, после чего государь перестал настаивать на принятии им сказанной должности.

Должность варшавского генерал-губернатора Чертков, как он сам мне рассказывал, принял по предложению государя императора Николая II, с полным доверием отнесшегося к прежней его службе, личным дарованиям, опыту и преданности русскому делу в Варшавском крае; Чертков обставил свое назначение личным исходатайствованием у государя независимости и полной самостоятельности по отношению к министрам и к министерствам по делам Царства Польского. На эту должность Чертков вступил, по моему мнению, уже с пошатнувшимся здоровьем; в общем, сам говорил, что более 3–4 часов в сутки не мог работать вследствие наступившего переутомления и, несмотря на такое состояние, уверенно говорил, что справиться с краем легко, по своему опыту, давая от себя общее направление делам чрез главных представителей гражданского и военного отделов, которые вряд ли ставили его о всем в курс дела, не быв сами в курсе дела, что было особенно заметно из рассказов Черткова по управлению краем и по последствиям — после ухода Черткова, который в должности варшавского генерал-губернатора был уже ветхим по годам и возрасту.

М. И. Чертков был почти помешан на представительстве —

избрании на должность людей или богатых, или с титулованными фамилиями, что шло положительно в ущерб службы; дарованиями людей и познаниями он не дорожил; предпочитал бездарности, кои умели выставить свою наружную представительность, с богатствами, денежными средствами, графскими или княжескими титулами.

За год-два до смерти Чертков говорил, что он не раз докладывал государю о подготовлении преемника ему на должность варшавского генерал-губернатора. Государь император, прося его не оставлять поста, беречь свое здоровье, между прочим, предлагал ему указать на преемников; Чертков указывал на генерала П. П. Дурново[71], впоследствии бывшего московским генерал-губернатором, и на графов Игнатьевых; о первом государь отозвался совершенным незнанием его, о генерал-адъютанте гр. Николае Игнатьеве сказал, что он уже окончил всякую свою служебную карьеру, а о генерал-адъютанте графе Алексее Игнатьеве отозвался нерасположенно и несимпатично.

При этом считаю нелишним изложить циркулировавший в г. Киеве рассказ, из Петербурга исходивший, о братьях-графах Николае[72] и Алексее[73] Игнатьевых.

В разговорах один из слушателей спросил: какая разница между братьями Игнатьевыми; ответ последовал, что «первый — все врет», а второй — «иногда только говорит правду».

При этом разговоре Чертков сказал государю, неужели он располагает и имеет в виду назначить генерал-губернатором быв. с.-петербургского градоначальника генерал-адъютанта Клейгельса?[74] На это государь ответил: «Почему же нет?» После чего Чертков замолчал. Мне же Чертков передавал, что, когда Клейгельс был назначен генерал-адъютантом, то старые генералы-адъютанты считали себя обиженными этим, так как они считали недостойным Клейгельса носить генерал-адъютантский аксельбант.

Вспоминаю рассказ Черткова следующий.

В 1900–1901 гг., за обедом, однажды, у государя в присутствии императриц Марии Феодоровны и Александры Феодоровны зашел разговор о настоящем политическом положении и об общем недовольстве действиями министров, вчастую идущих в разрез в докладах по одним и тем же предметам, по коим не согласуются предварительно между собою, чрез что результатом является разъединенность правительственных действий и распоряжений, исходящих иногда от сложившихся между министрами личных неудовольствий, сопровождающихся полною несолидарностью друг к другу.

Чертков решился выразить государю ту мысль, что для заглушения недовольства против министров и установления между ними связи, а также добрых отношений, по его мнению, необходимо было бы государю решиться на избрание главы всех министров, в лице одного и первого министра, который бы лично докладывал, в присутствии соответственного министра, дело государю, или же, чтобы личный доклад каждого министра непременно сопровождался присутствием первого министра, который должен быть ознакомляем предварительно с докладом. При этом императрица Мария Феодоровна не изволила одобрить предложенную мысль Черткова, отозвавшись, что избрание первого министра ведет к умалению значения власти императора; государь же император с супругою изволили пройти это предложение молчанием.

Вообще М. И. Чертков представлял собою одного из преданнейших, надежнейших людей престолу и благожелательных правительству; он не дожил до времени нашей внутренней смуты и ужаса переживаемой эпохи самого последнего времени, и за год до смерти своей еще не придавал особого значения общему революционному течению в России, а внутреннее положение в вверенном ему Варшавском крае признавал не только спокойным, во всех отношениях, но даже благожелательным по отношению к России и, главным образом, как он высказывал, потому что Привислянский край находится под твердым его управлением, как администратора. К бывшим его предместникам последних годов он относился с уважением только к одному Гурко[75], к князю же Имеретинскому[76] и графу Шувалову[77] относился неуважительно, признавая, что они, в общем, ничего не делали, делами не занимались, придерживались популярности среди поляков, а граф Шувалов без церемонии предавался пьянству и оргиям в замке, куда на ужины приглашались актрисы и танцовщицы. Таков отзыв был об этих лицах Черткова, почерпнутый им после установившейся жизни его в Варшаве, от русского служилого люда. Князь Имеретинский водился с женщинами, имевшими влияние на общее управление краем и в назначениях на должности.

VI
Воспоминания о гр. П. А. Шувалове

Закончив службу на Дону, я Чертковым был лично рекомендован шефу жандармов генер. — адъютанту графу П. А. Шувалову для службы в корпусе жандармов. Граф Шувалов принял меня отменно и выдающе внимательно и любезно, предложил мне должность личного при нем адъютанта, каковую должность я не принял, в чем сделал величайшую ошибку для себя по службе; но не принял я предложенную должность потому, что чувствовал недостаток средств для проживания в С.-Петербурге, требовавшего известной представительности, сопряженной с неизбежными расходами, после чего мне предложено было графом Шуваловым первое назначение на открывшуюся вакансию на должность начальника губернского жандармского управления, на каковую должность я и был назначен, согласно моего желания, в Тамбовскую губернию в 1874 году.

Таким приемом и назначением я всецело обязан М. И. Черткову, особо лично рекомендовавшему и аттестовавшему меня графу Шувалову, который, в то время представляя из себя самое близкое лицо к императору Александру II, в то же время представлял собою наиболее выдававшуюся личность над всеми министрами и генерал-губернаторами, которые и насаждались по указаниям его.

Вот как я знал графа П. А. Шувалова и как понимал его как своего шефа и человека. Он был бесспорно одарен большим умом и по уму был государственным человеком, что устанавливается тем, что он поработил себе всех и вся и приобрел громадное значение, власть и силу в государстве, чего без ума достичь невозможно; он был честолюбив, искателен и вкрадчив по характеру; отец его был обергофмаршалом двора императора Николая I и женился на богатой вдове фаворита Екатерины II князя Зубова[78], виленской по происхождению шляхтянке Валентинович[79], внесшей польско-католические тенденции в семью; вот почему в лице графа П. А. Шувалова признавали лицо, поддерживавшее Польшу и поляков; он рос и воспитывался с детьми императора Николая I и этим был, конечно, не мало обязан своей быстрой карьере; он был особо приближен к наследнику, впоследствии императору Александру II; при заключении мира по Крымской войне он находился в Париже, в качестве не посла, а флигель-адъютанта; по возвращении из

Парижа был сделан с.-петербургским обер-полицмейстером и внес первым, если не полное преобразование столичной полиции, то громадное улучшение в личном составе ее чрез перевод в полицию на службу офицеров гвардии: затем сделан был генерал-губернатором остзейских провинций, а после покушения на жизнь императора Александра II Каракозова[80], занял место шефа жандармов, сделавшись в этой должности всемогущим во всех делах не только внутренней, но и внешней политики и стал громадною силою в России, что чувствовалось всеми и каждым, а в особенности ему подчиненными; воспитанный в польских тенденциях матери своей, он нес с собою либерализм; польское дело в западных губерниях ведено было им на политике примирения, за что и нес упрек от русских; при нем корпус жандармов окреп не только в административном значении и влиянии, но и в области законодательной, изданием закона в 1871 году, который вывел действия чинов этого корпуса из замкнутой области в открытую по исследованию государственных преступлений; в этом состоит громадная заслуга графа П. А. Шувалова, каковую необыкновенно высоко ценил корпус жандармов, особо сожалевший об оставлении им должности шефа жандармов.

Между тем голос общества и особо интеллигентного люда — был против графа Шувалова, который по России не был любим, и особо стал ненавистен после Берлинского трактата, по которому, как говорили, он предал интересы России. Я полагаю, зная Шувалова и имея с ним несколько бесед в С.-Петербурге, когда уже он не находился на посту шефа жандармов, а отбывал службу члена государственного совета, что вся неудача его действий на Берлинском трактате[81] исходила от неполученного им высшего образования, в каковом он, несомненно, уступал Биконсфильдам и Бисмаркам, с коими он справиться не мог в смысле познаний исторических и дипломатии; природного ума был большого граф Шувалов несомненно, но дарования эти не были поддержаны и закреплены получением высшего образования. Назначение на пост посла в Лондон графа Шувалова последовало, по слухам, с целью произвести успокоение англичан, обеспокоившихся походом России на Хиву[82], и в целях устройства брака великой княжны Марии Александровны[83] с герцогом Эдинбургским[84]. Сверх того это назначение состоялось вследствие появившегося единственного противовеса влиянию на государя со стороны наследника, глубоко ненавидевшего графа Шувалова, в то время, когда наследник стал принимать участие в государственных делах. Одною из причин ненависти и нерасположения наследника к графу Шувалову, как говорили, было то, что одно из частных

писем наследника содержанием своим сделалось известным государю, чрез перлюстрацию писем на почте, каковая производилась, по убеждению наследника и многих частных лиц, чрез графа Шувалова, как шефа жандармов, что совершенно и безусловно ошибочно и неверно. Перлюстрация писем производилась распоряжением министра внутренних дел, которому были подчинены почта и телеграф, но не шефом жандармов. Император Александр II, как мне говорил М. И. Чертков, очень интересовался перлюстрацией писем, которые каждодневно, в 11 часов утра, препровождались министром вн. дел. Тимашевым[85] в особом портфеле, на секретный замок запираемом, государю, который некоторые тотчас же сжигал в камине, на других собственноручно излагал заметки и резолюции и вручал их шефу жандармов для соответственных сведений и распоряжений по ним секретного свойства, надзора, наблюдения и установления авторов писем и указываемых в них лиц. Наследник Александр Александрович перлюстрацию писем, хотя и составлявшую драгоценно-верный агентурный источник для политических дел в особенности, не одобрял, хотя и в последующие годы таковая практиковалась чрез особых доверенных почтовых цензоров, которые никакого отношения и сношения с чинами корпуса жандармов никогда не имели.

Когда граф Шувалов удалился от активной государственной деятельности, перейдя в частную жизнь, сопровождавшуюся лишь посещением государственного совета, в царствование императора Александра III, он не носил генерал-адъютантской формы, а носил обще-генеральскую; активной деятельности он жаждал по своему честолюбию и, как выражение протеста, сбросил с себя генерал-адъютантский аксельбант.

Министр внутренних дел граф Д. А. Толстой[86] за последнее время своей жизни расположился к графу Шувалову и старался смягчить чувства нерасположения к нему императора Александра III, но смерть его пресекла их отношения.

Похороны графа П. А. Шувалова в С.-Петербурге были торжественны, на них присутствовал государь и члены императорской фамилии; на похороны прибыла из Москвы жена его графиня Елена Ивановна, рожденная Черткова, с которой покойный последние годы своей жизни совместно не жил и которая принадлежала к секте пашковцев[87], затем перешла в штундизм[88] и на похоронах мужа протестовала против обрядов православной церкви над покойным и протест свой закончила тем, что уехала с похорон, о чем говорил мне М. И. Чертков, ее родной брат, с которым она до конца жизни его сохранила

добрые, родственные отношения.

Граф П. А. Шувалов, перед назначением меня на должность начальника жандармского управления, разрешил мне, для ознакомления со службою в корпусе жандармов, пользоваться прочтением всех дел III отделения собственной е. и. в. канцелярии, что мне дало возможность лично ознакомиться с управляющим этою канцеляриею Александром Францевичем Шульцом, почтенным человеком, разумным, добрым и добросовестным, в чем я утвердился и в последующие годы службы моей при нем в течение почти пяти лет.

Из прочитанных мною дел III отделения я, правда, не приобрел ровно никаких познаний в практическом смысле для службы.

Ряд циркуляров, исходивших от III отделения, лишь оповещал чинов корпуса о ведении устной и книжной пропаганды социал-революционерами среди фабричных, заводских рабочих, городских рабочих и мастеровых, а также о намерении социалистов «идти в народ» для пропаганды, что и было впервые в 1874 году.

На фабриках и заводах осуществление пропаганды не сопровождалось особыми затруднениями и опасениями для пропагаторов, состоящих преимущественно из лиц учащейся молодежи, политехников, инженеров, кои сеяли свободно пропаганду в каникулярное время года, не встречая никакого отпора со стороны полиции, которой, как равно и жандармов, на фабриках и заводах почти совершенно не было.

Ведение же пропаганды, в особенности устной, в селах и деревнях обставлялось большими затруднениями для пропагаторов, так как крестьянское население, особо преданное императору Александру II, имя которого им боготворилось, — чутко относились к появлявшимся в их среде незнакомцам, по наружному виду, образу жизни и внешним формам и приемам, ничего общего с крестьянским населением не имевшим. Малейшее употребление неосторожно-выраженных, непочтительных, непослушных и неуважительных слов и выражений против царя, влекло за собою избиение и выдачу пропагатора властям, чему подвергались неопытные студенты и семинаристы в особенности, превосходившие в то время числительностью в пропагаторской среде все учебные заведения. В семинариях того времени были свиты целые гнезда пропагандистов, увольнение которых из семинарий наполняло в массах недовольных лиц правительством, учебные заведения для коих были закрыты, а приискание мест, частных занятий и службы являлись для них невозможными.

С этими-то лицами, шедшими в народ для преступной пропаганды, мне и пришлось впервые иметь дело в тамбовской губернии в 1874 году, для пресечения их деятельности. До 1874 года, в продолжение 10 лет сряду, в этой губернии не было ни одного ареста по политическим делам.

Вся деятельность моего предместника сводилась к одному, а именно к надзору, да и то через чинов общей полиции, за высланными административным порядком из Царства Польского, после мятежа 1864 г., поляками, которые были поселены по уездным городам; поведение их не вызывало никаких дел; держали поляки себя особняком, отнюдь не сближаясь с русским населением, что озлобляло последнее, но открытых выражений злобы и недовольства ни с той, ни с другой стороны проявляемо не было.

Надзор полиции за поляками безусловно был фиктивный и особого обременения для полицейской службы не приносил, в подтверждение чего приведу сохранившийся у меня хорошо в памяти следующий случай.

Один из исправников, а именно кирсановского уезда, в препровожденном мне списке о поднадзорных поляках, в одной из граф излагает личную аттестацию и поведение поднадзорного, а в последующей графе делает отметку, что поднадзорный этот умер несколько лет назад.

Из поднадзорных поляков винились, в большинстве, ксендзы, которые, быв лишены прав отправления богослужений и треб, продолжали втайне совершать богослужение и требы. Но, в общем, высланные поляки держали себя скромно, сдержанно и, повторяю, никаких дел не возбуждали.

До 1879 года поляки не принимали никакого участия в социально-революционном движении, и только в этом 1879 году впервые в это движение вошли студенты-поляки варшавского университета.

VII
Служба в Тамбове

Выдававшихся политических дел в тамбовской губернии не было; шли зауряд-дознания по ведению пропаганды в вышеупомянутом направлении, в продолжение почти 5-летнего пребывания моего в Тамбове.

За несколько лет до моего прибытия в Тамбов прошло громкое по всей России уголовное дело, известное, как «Плотицынское», о скопцах Моршанского уезда, где существовал притон «скопцов», под руководительством купца Плотицына, обладавшего громадными денежными капиталами, которые дали возможность развиться и укрепиться секте скопцов, из мужчин и женщин состоявшей, до фанатизма преданных всем сектантским обрядам. К Плотицыну сносились капиталы скопцами, веровавшими в него, и этими капиталами Плотицын распоряжался, как своими деньгами, имея для хранения подземные хранилища. Десятки лет это сообщество скопцов процветало в Моршанском уезде и распространялось на другие губернии до его обнаружения. И в мое время в Моршанском уезде немало было дел о скопческой ереси.

Дело о Плотицинских скопцах представляет редкий и в высшей степени интересный материал, который до сих пор еще не использован по документам и чертежам в следственном производстве, находящемся в местном архиве. Дело это я прочитывал поверхностно при встреченной мною необходимости в наведении справки по случаю нижеописанному. Но по этому делу я знаю только то с достоверностью, что денежные капиталы Плотицына были громадны, что они исчезли при его заарестовании и перешли почти целиком к сообщнику его, моршанскому купцу Зелипупину, также бывшему привлеченному обвиняемым к этому делу, но оправданному судом. Вот об этих-то скрытых капиталах при мне только было возбуждено прокурором тамбовского окружного суда Навроцким дело, которое, по предложению министра юстиции графа Палена, было прекращено, потому что обвинение падало на многих высокопоставленных лиц в служебной иерархии и бывшим в командировке из С.-Петербурга в Моршанск, которым платились большие деньги за укрывательство; и все-таки плотицинские капиталы не иссякли, а остались в руках Зелипупина, настолько они были велики.

Этот Зелипупин хотя и был оправдан судом, обвиняясь лишь

в распространении скопческой ереси, но о нем состоялось особое высочайшее повеление, в виду вредного его влияния на местное население, о высылке в Вологду под надзор полиции. Но это высочайшее повеление не приводилось в исполнение до 1875 г. под предлогом болезни его.

Пребывание Зелипупина в Тамбове мною было обнаружено совершенно случайно; быв в местном казначействе, я обратил внимание на получение от казны 80 тыс. руб. совершенно на вид простым человеком, неряшливо и бедно даже одетым; после его ухода из казначейства, я спросил казначея ст. сов. Попова о нем и узнал, что это — Зелипупин, состоит подрядчиком по доставке войскам, расположенным в губернии, дров и осветительных материалов уже несколько лет. Справившись об его имени и отчестве, я приказал жандарму Сизову задержать Зелипупина и представить ко мне. Задержанный Зелипупин был отправлен в Вологду, но при задержании откровенно мне объяснил, что укрывательство от административной высылки ему стоило больших денег каждогодно, так как он, в нужное время, осаждался и уездной, и городской полицией, и чиновниками, и частными лицами, знавшими его укрывательство от высылки. В шнуровой книге тамбовской городской полиции о поднадзорных, из которых представлялись выписки об этих лицах жандармскому управлению, была фамилия Зелипупина за несколько лет вытравлена, как оказалось по моему осмотру, почему он жандармскому управлению и не показывался по отчетам в числе поднадзорных.

VIII
Переход в Москву

В 1875 году я был из г. Тамбова командирован в г. Москву в помощь начальнику московского губ. жанд. управления генерал-лейтенанту Слезкину[89], назначенному особым высочайшим повелением производящим дознание по делу о революционной пропаганде в империи, возникшей в 26-ти губерниях.

По прибытии в Москву, генерал Слезкин возложил на меня тотчас же проверку числа всех арестованных лиц по 26-ти губерниям, не исключая и столичных; арестованных оказалось более четырех тысяч человек, разбросанных по губерниям и частью сосредоточенных, главным образом, в городах: Москве — в тюрьмах и полицейских участках и Петербурге — по полицейским участкам и в здании, находящемся внутри Петропавловской крепости, специально выстроенном для одиночного заключения подследственных политических арестантов во время шефства графа П. А. Шувалова, стоимостью в 350 тыс. руб., с 62 камерами, безусловно удовлетворяющими во всем и гигиеническом отношении.

Проверка арестованных в Москве заставила меня опросить лично каждого из арестованных и выслушать их просьбы и заявления, а затем вызвала громадную, непосильную письменную работу по составлению мотивированных постановлений об аресте каждого лица, чего не было сделано совершенно по упущению московского губернского жандармского управления, а, главным образом, генерала Слезкина и его адъютанта ротмистра Дудкина, которые ограничивались сообщениями телеграммами об аресте лица надлежащим начальникам жандармских управлений, но вслед за депешами не составляли мотивированных постановлений об аресте и таковых не препровождали и не отправляли, через что по некоторым губерниям в законченных дознаниях производствами не значилось ни одного лица под стражею, а между тем таковые были в массе и все числились содержанием за генералом Слезкиным.

Пришлось написать тысячи постановлений, каковые легли на меня и на ближайшего моего помощника майора Чуйкова, который не вынес всей работы, получил развитие чахотки и умер. Составление этих постановлений, несомненно, влекло к ознакомлению со всеми дознаниями, в полноте, по всем 26 губерниям и вещественными письменными доказательствами, относящимися к этим делам, каковых доказательств была груда и

масса.

Закончив общую проверку арестованных, я получил поручение, ознакомившись с дознаниями, в С.-Петербурге возникшими и заключавшимися в 31 томе, связать эти дознания с дознаниями, возникшими в 26 губерниях. Труд, возложенный на меня, поистине был гигантский, но я превозмог его, благодаря физическому сложению, молодости, любознательности и настойчивости.

Перебравшись в С.-Петербург с генералом Слезкиным из Москвы и ознакомившись с мельчайшими деталями всего дела и с вещественными доказательствами, кои в двух вагонах были отправлены из Москвы в С.-Петербург, придя к бесповоротному убеждению, что дело необходимо во что бы то ни стало закончить и направить в министерство юстиции как можно скорее, я неоднократно об этом докладывал лично шефу жандармов Потапову[90] и управлявшему III отделением е. и. в. канцелярии Шульцу и настаивал в этом направлении, предлагая, ввиду обширности дела и массы привлеченных лиц, обратить по особо высочайшему повелению все действия дознания в действия предварительного следствия и передать дело на суд, так как все следственные действия жандармских чинов обставлялись и сопровождались присутствием лиц прокурорского надзора, а обращение всех дознаний к предварительному следствию повлечет за собою неизбежно производство следствия на несколько лет. Арестованные будут долгое время томиться под стражей, свидетели частью поумирают, частью не будут разысканы или не возобновят в своей памяти событий и фактов через большой прошедший период времени, и нового не только ничего не внесет следствие в дело, но загубит уже добытые дознанием улики против обвиняемых. Прокуратура с этими доводами не согласилась, и результат вышел такой, что сданные министерству юстиции дознания в мае 1875 г. получили разрешение на суде в сенате октября 18 — января 23 дня 1877/8 года. Насколько было обширно это дело производством, доказывается тем, что мне пришлось скрепить 148 тысяч листов перед сдачей и передать министерству юстиции 240 лиц, содержавшихся под стражей из четырех тысяч человек, и даже более.

По переезде в С.-Петербург и состоя старшим помощником производившего по высочайшему повелению генерал-лейтенанта Слезкина, который, с разрешения шефа жандармов, более проживал в Москве, на меня легло ближайшее выполнение и окончание дознания о 193 обвиняемых.

По приезде в С.-Петербург я остановился в дальнейших

арестах и продолжал настаивать на окончании дознания и передаче его в министерство юстиции, чего и достиг, отбросив дальнейшее преследование лиц, появлявшихся обвиняемыми в слабых, против них, уликах и показаниях. До передачи этого дознания мне приходилось все время посвятить тяжелой работе — с 8 час. утра до 11–12 час. ночи — в здании Петропавловской крепости, что мне дало возможность ознакомиться лично с очень и очень многими обвиняемыми и допрашивать их, связывая дознания, произведенные в С.-Петербурге, с дознаниями, возникшими в то время в 26-ти губерниях России.

Мы, жандармы, вместе с прокуратурою несли в то время со всех сторон обвинения и нарекания за медлительность производства дознаний, но были ли мы в этом виноваты? Я думаю и полагаю, что нет, ибо дело было совершенно новое, чрезвычайно сложное, путанное и приходилось собирать справки и сведения с разных концов империи, на что требовалось масса и масса времени.

Арестованные были размещены в С.-Петербурге — в доме предварительного заключения и в Петропавловской крепости (но не в Алексеевском равелине, в котором содержались в то время только двое: Нечаев[91] и Ишутин[92]), где было в особо выстроенном здании 63 номера, а затем — некоторые по полицейским участкам столиц как в Петербурге, так и в Москве, а остальные — в губернских и уездных тюрьмах.

В арестантском здании Петропавловской крепости содержались более серьезные и важные, которые были подвергнуты строго-одиночному заключению по устроенным камерам; камеры были обставлены удобствами, представляя сухие и теплые помещения; но, несмотря на строго-одиночное помещение, безусловно отражающееся на нравственных и физических силах, содержавшиеся не обнаруживали беспорядков и, в общем держали себя спокойно и при допросах держали себя корректно, сдержанно и безусловно вежливо и воспитанно; за мое время не было ни одного случая, в котором бы выразилась со стороны арестованных грубость или неблаговоспитанность по отношению к жандармским чинам и прокурорскому надзору, хотя и были случаи, кои могли вызвать раздражение со стороны арестованного вследствие последовавшего отказа на просьбы.

Вспоминаю один из этих случаев со мною.

В крепости содержался князь Петр Кропоткин[93], которого приходилось мне допрашивать по делу; несколько раз, что хорошо помню, князь Кропоткин обращался ко мне с просьбою об отправлении его на излечение в госпиталь или больницу вследствие недомогания, болезненности, каковые вызывали, по

его словам, [необходимость] совета с лучшими врачами. На эти просьбы я отвечал отказом, выставляя на вид то, что помещение его в крепости в гигиеническом отношении лучше, чем в госпитале или больнице, и что я готов пригласить и допустить к нему частных врачей для советов, тех, на которых он укажет, на что князь Кропоткин не соглашался, но ни разу не ответил мне резко или сколько-нибудь в раздраженной форме. Отказ же мой следовал из того предположения, что из госпиталя и больницы князь Кропоткин может учинить легко побег, в чем и не ошибся; когда дело мною было сдано и поступило в распоряжение судебных следователей, то, по жалобе князя Кропоткина, он был переведен из крепости в госпиталь на лечение, откуда и бежал за границу.

При этом вспомнил еще один случай, бывший со мною в Москве.

Один из арестованных, К., человек весьма состоятельный, обращался ко мне с неоднократными просьбами разрешить ему воспользоваться частною банею для омовения, для чего просил нанять ему карету, на его деньги, занять отдельный номер в бане на его же деньги и дать в конвой двух жандармов, которые вошли бы с ним в номер бани. На это я не согласился и разрешения не дал. Результат был тот, что К., при свидании с сестрою, передал последней записку, каковая была отобрана, и в ней сообщалось, чтобы подготовить пролетку с быстрою лошадью и со «своим» кучером и, при выходе из кареты в баню, убить конвойных жандармов и дать затем возможность укрыться на пролетке. Неразрешением был предупрежден побег арестованного и убийство жандармов. Справкою в архивных делах возможно восстановить этот факт.

Император Александр II очень интересовался этим делом, прочитывал показания выдававшихся обвиняемых, очень многих знал по фамилиям и нередко о них спрашивал шефа жандармов Потапова, который говорил мне об этом после доклада государю, требуя от меня дополнительные справки по делу о некоторых обвиняемых. В отсутствие в Москве генерала Слезкина, я оставался докладчиком по делу шефу жандармов Потапову, который брал от меня доклад, в записке изложенный, и отправлялся к государю, каждодневно в 11 часов утра, в Зимний дворец.

IX
Революционное движение 1873–1877 гг. — Процесс 193-х

Весною 1873 года в России появились печатные воззвания, обращенные к народу и к интеллигентному классу, приглашавшие последний проводить в народных массах мысль о необходимости насильственно изменить государственный строй и призывающие народ к оружию для водворения истинной свободы, основанной на равенстве сословий и состояний.

Распространение социалистических учений и воззваний в народе производилось молодыми людьми обоего пола, переезжавшими из одного места в другое в качестве эмиссаров центрального кружка пропагандистов и принимавшими на себя в селах, на фабриках, заводах обязанности, представлявшие удобный случай к сближению с рабочим классом.

Движение в народ было фактически предпринято в начале 1874 года и продолжалось в последующие годы; в 1877 году это движение значительно ослабло, вследствие обнаружившейся положительной невосприимчивости народа к социалистическим учениям, что объясняли себе пропагандисты темнотою воззрений на их дело народной массы и несвоевременностью начатого ими предприятия. Это видимое ослабление устной и книжной пропаганды было однако ж лишь переходным состоянием к борьбе не с экономическим уже, а с государственным устройством. Направленные в Россию заграничные революционные издания внесли всецело в программу действий русской социально-революционной партии замыслы разрушительного характера, открытого нападения на правительственных лиц, ограбления почт и казначейств, освобождения арестованных насильственным путем, вооруженного сопротивления при обысках и арестах, насильственных расправ с товарищами, уличных демонстраций по поводу судебных приговоров.

Этими действиями партия предполагала произвести нравственное давление на общество и на должностных лиц для достижения своих целей, и когда ряд совершенных в 1878 и 1879 годах злодейств и убийств не поколебал правительственных лиц, на которых законом возложена обязанность обнаружения и преследования членов социально-революционной партии, то анархическая агитация, бросая все более и более из виду экономическое переустройство общества, сплотилась в

организованный заговор против жизни государя императора.

Хотя активные действия партии, соответствовавшие новой программе убийств и разрушений, были проявлены в 1878–1879 и 1880 годах, но намерения перейти к подобному образу действий были несравненно ранее, а именно относятся к 1887 году. К сожалению высшие правительственные власти не допускали даже мысли о том, чтобы члены партии могли когда-либо перейти к фактическому осуществлению действительных своих замыслов, что я постараюсь доказать фактическими данными.

В 1875 году шефом жандармов генерал-адъютантом Потаповым я был командирован, как сказано выше, в помощь производившему в то время дознания по высочайшему повелению генерал-лейтенанту Слезкину, и на меня было возложено дополнение петербургских дознаний и связь их с дознаниями, возникшими в 26 губерниях, о преступной пропаганде, что дало мне возможность ознакомиться с мельчайшими подробностями дела, показаниями и вещественными доказательствами, в которых положительно указывалось решение партии противопоставить мерам правительства собственные меры устрашения, терроризировать правительство, пустив в ход пожары, синильную кислоту, нитроглицерин и револьвер, каковые вещества, а также и морфий и хлороформ, были найдены у некоторых. Жена поручика артиллерии Вера Рогачева[94] приобрела револьвер и собралась ехать в Петербург, говоря, что совершит что-то ужасное, явится к шефу жандармов и выстрелит в него. В марте или апреле месяце 1875 г. по случаю отсутствия из С.-Петербурга генерал-лейтенанта Слезкина я временно исправлял его должность и являлся каждодневно с докладом к исправлявшему в то время должность шефа жандармов генерал-адъютанту Мезенцову по случаю отъезда шефа жандармов г.-а. Потапова из С.-Петербурга для сопровождения государя императора в Крым; в одном из таких докладов я, между прочим, выразил, что действия пропаганды должны непременно рано или поздно обостриться и настолько, что могут угрожать даже жизни некоторых из высокопоставленных должностных лиц и при этом указал на г-жу Рогачеву и ее замыслы, а также на найденные при обысках ядовитые вещества.

Генерал-адъютант Мезенцов, видимо, не допускал этого образа действий со стороны агитаторов и приблизительно отвечал мне в таком смысле: «что власть шефа жандармов так еще велика, что особа шефа недосягаема, обаяние к жандармской власти так еще сильно, что эти намерения следует отнести к области фантазий и бабьим грезам, а не к действительности».

К сожалению, 4 августа 1878 года генерал-адъютанту

Мезенцову пришлось испытать на себе действие социально-революционного кинжала.

Этот разговор с Мезенцовым никогда не изгладится в моей памяти.

Насколько с действиями русской социально-революционной партии мало были ознакомлены петербургские власти, приведу еще случай. В бытность мою в Петербурге в 1875 году мне пришлось иметь продолжительный разговор с начальником штаба корпуса жандармов генералом Никифораки[95], очень умным человеком, впоследствии бывшим начальником отд. соб. е. и. в. канцелярии, по делу ведения и обнаружения в России социалистической пропаганды. Из разговора этого я не мог не прийти к положительному заключению, что Петербург имеет самые смутные понятия об этом деле, и мне было Никифораки выражено, что не ошибаемся ли мы и «не ищем ли призрака преступления в воздухе». Тогда как летом 1873 г. деятельными агитаторами социально-революционной пропаганды в С.-Петербурге, каковыми являлись Кравчинский, Клеменс[96], Чайковский[97], Низовкин[98] и др., было произведено удачное сближение мастеровых патронного завода и рабочих близлежащих около С.-Петербурга фабрик и заводов; сближение было настолько сильное и открытое, что давало возможность сосредоточиваться рабочим в громадном числе; на этих сборищах распространялись в большом числе экземпляров брошюры преступного содержания, и Кравчинский во всеуслышание читал лекции баррикадно-революционного содержания; масса рабочих была на стороне агитаторов, которых не выдавала.

Это время преступной пропаганды среди мастеровых и фабричных и заводских рабочих, что было летом 1873 г., в среде пропагандистов того времени известно «за золотой век пропаганды». Брошюра «Слова верующего к народу» Кравчинским в десятках тысяч экземпляров раздавалась рабочим, которые собирались в толпы около «Киновея» вблизи Петербурга и были сближены настолько между собою, что выражали открыто готовность идти на баррикады в столицу.

Упомянутый Кравчинский Сергей, — отставной офицер артиллерии, убийца шефа жандармов Мезенцова 4 августа 1878 г. в С.-Петербурге, откуда бежал за границу, где был сотрудником иностранных газет; в последние годы своей жизни проживал в Лондоне, где 10 декабря 1895 г. был убит маневрировавшим железнодорожным поездом при проходе через рельсы запасных путей. Кравчинский, один из видных, энергичных политических деятелей, состоявший в близкой дружбе с отст. офицером артиллерии Рогачевым[99], о жене которого Вере Павловне

Рогачевой упомянуто выше. Кравчинский и Рогачев вели совместно пропаганду среди крестьян и рабочих сначала в Тверской губернии, где они и были задержаны лесопильщиками и переданы в руки сельских властей, которые для препровождения их к местному становому приставу вручили под конвой двух сельчан, от коих они и бежали. Рогачев выдавался необычайною физическою силою, равняющеюся с воловьею. Задержан он был в 1883 году на Волге среди бурлаков, между которыми он вел пропаганду; в 1884 г. Рогачев казнен[100]. Один из привлеченных рассказывал мне, что Рогачев, находясь еще на свободе, в г. Саратове, по прибытии жандармов на обыск квартиры, в которой он находился, избег задержания, выскочив из окна квартиры во двор, где спрятался, погрузившись в ретирадное место; а после ухода жандармов из дома, вышел на глазах хозяина дома босой из ретирада, пробежал двор и, оторвав калитку с замком и железными засовами, бежал, скрывшись в городе у сообщников; причем Рогачев был не только без сапог, но даже без платья и белья, которые были испачканы нечистотами.

В таком же неведении, как Никифораки, оставалось все русское общество относительно пропаганды, через что являлось открытое порицание действий лиц, преследовавших пропагаторов как государственных преступников, что усиливало дух и веру в свое предприятие со стороны пропагандистов, принимавших неведение об их действиях общества за сочувствие последнего. Это, главным образом, до 1879 года, происходило оттого, что общество не было путем печати вовсе ознакомлено с делом пропаганды и ходом дел на суде; в газетах и журналах появлялись отдельные отрывки дел, политические процессы печатались настолько в сжатом виде, что факты почти извращались, а неполнота в глазах некомпетентных лиц отражалась неприданием делу не только политического, государственного значения, но даже уголовного характера. Вот почему общество так долго не откликалось на вызов правительства к солидарным действиям для пресечения злодейств. По нашему мнению политические процессы не должны были обрезываться для печати, стенографические отчеты обязательно должны целиком, без всяких пропусков, быть печатаны для всеобщего сведения. До 1879 года жандармские чины вынесли массу незаслуженных нареканий со стороны общества; сколько нужно было иметь нравственных сил, мужества, преданности делу правительства, чтобы бороться против общественного мнения вообще, печати в особенности. Приговор особого присутствия правительствующего сената для суждения дел о государственных преступлениях, состоявшийся октября 18 — января 23 1877/78 года, по делу о

революционной пропаганде в империи, внес еще более в интеллигентный класс убеждение о привлечении к делу в качестве лиц обвиняемых — ни в чем неповинной молодежи, из которой некоторые лица содержались под стражей продолжительное время. Это обвинение всецело обрушилось на жандармский корпус, тогда как дознания по означенному делу были сданы в мае 1875 года в министерство юстиции, следовательно все действия жандармов были закончены с момента передачи дел министерству юстиции, которое и задержало дело производством предварительного следствия и постановкою его на суд. По обширности и сложности дела некоторые из обвиняемых, несмотря на их выдававшуюся преступную деятельность, доказанную фактически дознаниями, были оправданы сенатом и, возвратясь в места постоянного их жительства, открыто даже заявляли властям о продолжении ими начатого дела.

Все эти обстоятельства, вместе взятые, а также в виду особой склонности русского общества принимать государственных преступников за людей, протестующих против правительственного насилия во имя обеспечения прав личности, — имели громадное влияние на поднятие духа, мужества в деятелях социально-революционной среды. Общество долго не признавало русских революционных деятелей за людей глубокой нравственной испорченности, тогда как дела о них свидетельствовали о полнейшем неуважении личных прав человека и о полнейшем забвении чувства собственного достоинства, выражавшихся в убийствах товарищей, лишь заподозренных, в обмане отцов, соблазне девиц, ограблении, воровстве и обмане целых обществ неразвитых людей, под видом политических целей, тогда как они были предпринимаемы из личных видов и выгод, для улучшения собственного материального положения и средств. Это направление революционных деятелей, ворвавшихся в народную жизнь, к сожалению сказать, практичнее и скорее было понято народом, нежели интеллигентным классом. Общество долго не сознавало, что борьба с социалистами была поднята правительством за общество, так как социалисты требовали не политического, а экономического переворота в начале.

X
Революционное движение в 70-х годах в Киеве

Охарактеризовав вкратце общий ход социально-революционного движения в России вообще, я перейду к явлениям по этой части собственно в г. Киеве, который сделался питомником пропаганды, притоком и школою, из которой выходили убийцы, не только для г. Киева подготовлявшиеся, но и для других мест России, где нужно было осуществить злодейские замыслы. Киевская революционная партия первая проложила дорогу к убийствам, с политическими целями совершенным, и ни одного убийства и покушения на убийство не произошло в России, где бы киевские революционеры не были участниками.

Образованию в г. Киеве центра революционной деятельности социально-революционного движения и усилению их послужили следующие причины, давшие полную возможность не только сгруппироваться агитаторам движения, — но и сплотиться между собою в самой сильной степени в половине 1878 года:

1) безнаказанность лиц, привлекавшихся к дознаниям 1874–1877 гг.;

2) масса учащейся молодежи в Киеве, поддающейся влиянию, совращению и находящейся в периоде возраста, поддающегося наивысшей преступности вообще;

3) масса рабочего, ремесленного, фабричного люда, а также железнодорожных мастеровых и рабочих местного арсенала, представляющих готовый, восприимчивый элемент, по своему развитию, к политическому брожению;

4) народонаселения г. Киева, состоящее из народностей, враждебных друг другу: русские, малороссияне, поляки, евреи;

5) расположение самого города, растянутого на местности волнистой, гористой, дающей полную возможность к укрывательству всякого рода преступлений;

6) центр украинофильской партии с направлением противоположным русскому характеру и развитию, образовавшейся еще в начале 50-х годов.

Известная революционная деятельница Вера Фигнер в показаниях своих признавала самою сильною революционною организациею — киевскую, каковая местными усилиями была разрушена ко времени задержания Фигнер в 1883 году.

В сентябре 1873 года в г. Киеве возник киевский революционный кружок, носивший название «Коммуны». Этот

кружок первоначально образовали: дворянин мекленбургшверинского герцогства, студент киевского университета Василий Фишер[101] 30 лет, дворянка Екатерина Брешковская[102] 33 лет, сестра последней Ольга Иванова[103] 25 лет, дворянин, студент Бенецкий[104] 25 л., и студент из дворян земский фельдшер Судзиловский[105] 26 л., которые и жили в одной квартире; эти лица держались того убеждения, что, живя жизнью интеллигентных людей, они живут, в сущности, на счет народа, а потому и мечтали об устройстве жизни собственным трудом; некоторые предполагали осуществить эту мысль на устройстве фермы и затем на ведении в ней хозяйства на артельных началах, для чего и предпринята была поездка в Витебскую губернию к дворянке Филипп[106], двоюродной сестре Брешковской; затем цель поездки изменилась и уступила место желанию воспользоваться доходом с имения или капиталом, по продаже оного, на народное дело, почему и советовалось Брешковской взять доверенность от Филипп на продажу имения, продав оное, купить взамен меньшее имение для Филипп, а остальными деньгами воспользоваться для устройства артели; однако же план этот не удался, эти лица, прожив на счет Филипп и проездив в разные места и в С.-Петербург, к марту месяцу 1874 г. вернулись в Киев. Фишер объяснял в показании, что образ их действий по отношению к Филипп был «грязною проделкою» и признавал, что хотел надуть Филипп. Брешковская от Филипп ездила в Петербург, где вошла в сношения с местными агитаторами. Затем весною 1874 года все вернулись в Киев, и уже в это время «Киевская Коммуна» окончательно получила характер революционного кружка, число членов которого увеличилось поступлением в него многих местных жителей, а также приехавших из С.-Петербурга агитаторов. В числе последних были: жена поручика артиллерии Рогачева, неокончившие курса Каблиц[107], Тетельман[108], Чернышев[109], студент-технолог Стронский[110], дворянин Дробышевский[111], студент-технолог Фрост[112], а из местных киевских членами коммуны состояли: студенты университета Дебагорий-Мокриевич[113], Левенталь — два брата[114], Аксельрод[115], Лурье[116], дочери врача Каминер[117], слушательница акушерских курсов Коленкина[118], дворяне Ильясевич[119] и Волкенштейн[120], сын священника Яков Стефанович[121], почетные граждане Ларионов[122] и Горинович[123], дочь чиновника Польгейм[124], сельский учитель Трезвинский[125].

Брешковская, Фишер, Бенецкий и Судзиловский принадлежали к кружку с момента его возникновения. Принимали участие в кружке — дворянин, председатель

мглинского мирового Съезда, Сергей Ковалик[126] 31 года, и еврей Рабинович[127].

Киевский кружок держался идей Бакунина, изложенных в книге «Государственность и анархия», т. е. отрицания всякой формы государственного правления, всякого авторитета собственности и семейного союза; кружок имел целью посредством социально-революционной пропаганды в народе возбудить народ к восстанию, ниспровергнуть путем революции верховную власть и водворить анархию; в кружке проповедовалось — произвести переворот в политическом и социальном строе России, который бы сопровождался перерезанием чиновников и зажиточных людей.

Средством для осуществления своего идеала анархии кружок первоначально признавал пропаганду в народе революционных идей. Для успешного хода дела кружком были приобретены: крестьянские костюмы, географические карты юго-западных губерний, книги революционного содержания, доставлявшиеся из-за границы контрабандистами, фальшивые паспорта, печати; для письменных сношений между собою члены кружка имели шифр. Денежные средства «коммуны» были ограничены, на удовлетворение потребностей ежедневной жизни деньги собирались с лиц, живших в «коммуне», причем каждый вносил сколько мог; отправившихся в народ снабжали деньгами Дебагорий-Мокриевич, Стронский и Бенецкий, один из состоятельных членов кружка, поддерживавший средства кружка деньгами и провизиею в натуре; сверх того кружок получал денежные средства и из С.-Петербурга в количестве, доходившем до 500 рублей, и несмотря на это кружок сильно нуждался в средствах. Для добывания их не останавливались ни перед чем. Ложные обещания, вымогательства, обманы были в полном ходу, а также намерения поступить в почтальоны с целью ограбления почты. Идалии Польгейм, как красивой женщине, предлагали и настаивали на том, чтобы она поступила в любовницы к старику-помещику, с тем, чтобы обобрать его, отравить, а деньги доставить в пользу кружка. Из квартиры состоятельного члена кружка Ильясевича, в отсутствии его, были унесены все вещи и не возвращены. Члены кружка носили особые прозвища ласкательного характера, но несмотря на это мир и согласие нарушались крепкими ссорами и драками; в общих квартирах все спали вповалку, две-три пары мужчин и женщин, между которыми были девицы; это был вертеп разврата, грязи и нечистоты. К осени 1874 года, когда началось преследование членов кружка и большинство их было заарестовано, то в «Коммуне» проявилось большое возбуждение, было решено

прибегнуть к террору. Рогачева запаслась револьвером, [который] предназначала пустить в дело против шефа жандармов в С.-Петербурге. Хотя эти преступные замыслы и не были приведены тогда в исполнение, но дальнейший образ действий успевших скрыться от преследования агитаторов доказал, на какие страшные злодеяния они способны: 11 июня 1876 года в г. Одессе на конной площади, вблизи вокзала был найден с пробитою головою Горинович, облитый серною кислотою, с запискою: «Такова участь шпиона». У Гориновича вытекли глаза, отвалились сожженные кислотою нос и ухо. Вопреки ожиданиям он находится и поныне в живых. Зверская расправа с Гориновичем, заподозренным лишь в шпионстве, чего в действительности не было, совершена членами киевского революционного кружка: сыном свящ. Яковом Стефановичем, евреем — бежавшим солдатом Дейч[128], сыном кандидата Давиденко[129] и неокончившим курс Костюриным[130] и Малинкою[131] (последние трое осуждены в Одессе).

Покушение на убийство Гориновича заслужило полнейшее одобрение именующими себя русскими революционерами.

Такова общая характеристика киевского революционного кружка, его целей, нравов, принципов, его воодушевлявших, и деятельности в период 1873–1877 годов.

Фактическое проявление деятельности киевского кружка было в означенные годы — устная пропаганда в среде народа, заводских и фабричных рабочих, распространение преступных изданий между ними, для чего члены бродили по губернии в простонародных костюмах с фальшивыми паспортами и поступали на работы, во время производства которых и вели пропаганду. На берегу реки Днепра около Киева собирались до 300 человек рабочих, слушавших лекции и примкнувших сочувственно к кружку.

1877 год был годом затишья в революционной среде.

В 1878 году революционеры, по освобождении лиц, привлеченных к процессу о 193-х, уже перешли к активным действиям, убийствам и ознаменовали деятельность свою следующими, выдававшимися из ряда обыкновенных преступлений злодействами, в которых почин и непосредственное участие принадлежат всецело киевским революционным деятелям.

1 февраля 1878 года в г. Ростове на Дону, был зверски убит, или скорее застрелен на улице города солдатский сын Аким Никонов; дознанием было установлено, что главными виновниками этого убийства, совершенного с политической целью, было два лица, именовавшиеся Иваном Петровичем и

Генрихом Карловичем, но кто именно они были и где находятся — обнаружено не было дознанием, произведенным в месте совершения преступления, т. е. в Ростове. Обстоятельства к обнаружению этих убийц, принадлежавших к киевской революционной партии, были следующие: некто Иван Петрович, приехав в Ростов и проживая там еще до убийства Никонова, называл себя слесарем, и говорил, что он поступит на завод Фронштейна; когда же убийство Никонова совершилось, то вскоре было получено письмо, на заводе Фронштейна, из Киева со штемпелем 8 февраля на имя Ивана Петровича, а так как такого имени на заводе не оказалось и не было ранее в течение 2-х лет, то весьма основательно было предположено, что это письмо было адресовано именно убийце Никонова, имевшему в виду поступить на завод, а потому письмо было вскрыто и препровождено в Киев к предместнику моему г. М. Павлову[132] для установления почерка, но почерк тогда установлен не был, а письмо возвращено в Ростов, откуда вместе с законченным дознанием поступило в министерство юстиции. Затем в октябре 1878 г. дело это препровождено было киевскому губернскому прокурору в виду кажущегося тождества примет Ивана Петровича с одним из деятелей по чигиринскому делу. Губернский прокурор дело это препроводил мне. Когда дело было рассмотрено в подробностях при вверенном мне управлении, то было замечено, что находящаяся в конце письма фраза: «сестры твои здоровы, у Саши ребенок умер», может повести за собою открытие убийцы, то есть, вдумываясь в эту фразу можно было прийти к заключению, что у убийцы Ивана Петровича в Киеве (письмо было из Киева) есть сестры, что одну из них зовут Александрою, что у нее умер ребенок перед написанием письма. При этом было обращено внимание на то, что письмо было писано женщиною, находящеюся в очень близких отношениях с убийцей, так как письмо было на «ты». С этой стороны и были начаты розыски в Киеве. Прежде всего были затребованы из киевской консистории сведения обо всех умерших детях в Киеве с 1 января по 8 февраля 1878 г. — по день написания письма. Из доставленных таким образом сведений о 164 умерших детях было обращено внимание на матерей с именами Александра, а из числа последних на тех, кто имеет братьев и сестер; таким образом расследование установило, что у дворянки Александры Ивичевич (девица) есть родная и двоюродная сестра, с которой она проживала в Киеве, что у нее есть два брата Иван и Игнат Ивичевич[133], и что первый именовался слесарем, что у Александры Ивичевич умер сын Евгений 31 января, погребенный 1 Февраля 1878 года. Такое совпадение усилило энергию в розысках в Киеве — и

дальнейшими расспросами было установлено, что Иван Ивичевич именно ездил в Ростов в период убийства Никонова и что он подходил вполне под приметы именовавшегося Иваном Петровичем; любовная связь Ивичевича была обнаружена с девицей Евгениею Калиновской, с которой был на «ты», а письмо и было подписано начальною буквою имени Калиновской, то есть буквою Е.; добыт был почерк Калиновской и сличен экспертами, которые признали тождество ее почерка с почерком письма, полученного в Ростове на имя Ивана Петровича; после чего уже не могло быть сомнения, что Иван Ивичевич был убийцею Никонова. Иван Ивичевич 11 февраля 1879 г. при взятии в г. Киеве тайной типографии участвовал в вооруженном сопротивлении, получил три раны в грудь и через несколько дней умер в больнице от нанесенных ему ран. Этот же Ивичевич участвовал и в деле покушения на жизнь товарища прокурора Котляревского в Киеве. Сообщником Ивичевича по убийству Никонова был тоже киевский революционный деятель прусский подданный Людвиг Брантнер[134], живший в Ростове под именем Генриха Карловича. Брантнер также участвовал в вооруженном сопротивлении 11 февраля 1879 г. при взятии тайной типографии, получил три раны, был излечен от ран и повешен 14 мая 1879 г. в Киеве.

23 февраля 1878 года в ночь было произведено покушение на жизнь товарища прокурора Котляревского[135]. Г. Котляревский с братом и женою возвращались из театра и подойдя к подъезду дома, находящегося в центре г. Киева, были встречены тремя неизвестными лицами, которые в упор стреляли около подъезда из револьверов, но благодаря случайности, неумению владеть револьверами и темноте — никого не убили и не ранили. Участниками в этом деле были: сын генерал-майора, не окончивший курса в корпусе путей сообщения Валериан Осинский[136], повешенный в 1879 году в Киеве; мещанин Медведев[137], осужденный в каторжные работы в Харькове под именем Фомина, и вышеупомянутый Иван Ивичевич, умерший от ран до суда.

25 мая 1878 года, в 11 часов вечера также в центре города Киева, был ранен в бок кинжалом адъютант киевского губернского жандармского управления штабс-капитан барон Гейкинг[138], который через несколько дней от полученной раны умер в страшных мучениях.

Убийца, несмотря на то, что Гейкинг шел вместе с чиновником Вощининым, подкрался сзади и воткнул кинжал в бок. Убийца был схвачен солдатским сыном Федоровым, но вырвавшись от него, выстрелил в упор, причем промахнулся;

преследовавший убийцу полицейский был ранен сначала в руку, а затем в ногу и вследствие полученной раны свалился и не мог преследовать далее; затем убийца, бежавший по Внуковскому бульвару, был схвачен рабочим Виленским, которого убил наповал выстрелом в грудь и затем скрылся, по собранным сведениям впоследствии, в квартире сына священника, студента новороссийского университета Сергея Диковского[139], осужденного в каторжные работы киевским судом в 1880 году, и проживал у Диковского. Убийцею барона Гейкинга был студент медико-хирургической академии, носивший прозвище и именовавшийся Голопупенко[140]. Его настоящая фамилия не обнаружена и он не разыскан, но принадлежал к киевскому кружку.

После убийства Никонова, барона Гейкинга и покушения на жизнь тов. прокурора Котляревского в Киеве распространялись прокламации с извещением об этих совершенных делах и на этих печатных прокламациях были приложены красные печати исполнительного комитета русской социально-революционной партии, с изображением топора, револьвера и кинжала накрест сложенных.

27 марта 1878 года были наклеены в значительном числе экземпляров по всему городу Киеву объявления исполнительного комитета по поводу покушения на жизнь г. Котляревского и заключали объяснения от имени социалистов-революционеров мотивов этого покушения, полное оправдание лиц, совершивших таковое, и угрозы возобновить попытку, если Котляревский не оставит своей деятельности, а также и угрозы, обращенные к барону Гейкингу; угрозы эти перешли в действительность 25 мая 1878 г.

27 марта 1878 г. на месте расклеений этих объявлений в г. Киеве были задержаны дворянин волынский, католик, Владислав Избицкий 25 лет, студент киевского университета, и двоюродный брат его дворянин Генрих Избицкий, 26 лет[141], воспитывавшийся в белозерковском реальном училище, но курса не окончивший; при задержании Избицкие оказали вооруженное сопротивление, но были все-таки заарестованы. Владислав Избицкий пытался бежать из тюрьмы вместе с Беверлеем[142], и уже успели выбраться за тюремную ограду, но, быв замеченными часовыми, первый пойман, второй выстрелом часового убит на месте. Найденное при обыске у Вышнякова письмо от Владислава Избицкого в высшей степени характеризует как его личность, так и рекомендуемую им программу действий; в этом письме Избицкий, между прочим, рассуждает о способах подготовки народа к вооруженному восстанию, а также о плане организации,

и в основу проектируемой организации вводит следующие положения: во-первых, самое многостороннее разделение труда, во-вторых, организация в организации, и в-третьих, непосредственное наблюдение всех интеллигентов за ходом всех дел и по возможности большее их участие в делах; затем говорит, что успешность дела зависит от умелой эксплоатации всевозможных способностей членов, следовательно главное внимание, как он говорит, должно быть обращено на отыскание каждому подходящего дела, как то: организатора, пропагандиста, агитатора, уестествителя, ушкуйника, притонодержателя, разведчиков etc. Организация в организации, т. е. общая организация должна служить источником или почвою, на которой могут самостоятельно развиваться так называемые социальные организации, представители которых собираются как для обсуждения вопросов, так и для отчетности в своих действиях. Участники-интеллигенты разделяются на две категории: сельских непосредственных и городских посредственных, роль которых снабжать организацию всем необходимым, как требуемыми вещами, так и людьми… По мере того как организация разрастается по соседним деревням, город доставляет новых интеллигентов. Проживать они могут в качестве кабатчиков, лавочников, работников, мастеровых, одним словом обращать внимание на то, чтобы не навлечь подозрения начальства. Во втором письме Избицкий дает совет распропагандировать несколько офицеров посредством женщин теми средствами, о которых автор письма, по его словам, подробно сообщил одной знакомой, и сомневается только, согласится ли она принять в этом участие.

8 мая 1879 года Владислав и Генрих Избицкие киевским военным судом приговорены к лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы, первый в рудниках на 15 лет, а второй в крепостях на 10 лет; Генриху Избицкому суд ходатайствовал о смягчении наказания и о назначении ему лишения прав и ссылки на поселение в Сибирь, в не столь отдаленные места, каковой приговор и утвержден генерал-губернатором.

Затем в апреле месяце 1878 г. были распространяемы в огромном числе экземпляров, через почту, объявления того же исполнительного комитета, с теми же печатями; в этих объявлениях заявлялось, между прочим, что: «Новый путь, принятый в последнее время русской социально-революционной партией и выразившийся в убийствах Гейкинга, Никонова и других аналогических фактах»… и проч.

Содержание этих объявлений, рассылаемых из Киева, а также

объявления об убийствах Гейкинга, Никонова и о покушении на жизнь Котляревского и приложенные к ним печати устанавливают тот факт, что они печатаются в подпольной типографии в г. Киеве, где должен был находиться и самый исполнительный комитет, на бланках которого, с приложением тех же печатей, были отправлены с угрозами письма к прокурору с.-петербургской судебной палаты Лопухину[143] после убийства ген. адъют. Мезенцова и к начальнику харьковского губ. ж. управления[144] после заарестования Фомина (Медведева), участвовавшего в освобождении из-под стражи политического преступника Войнаральского[145], в вооруженном нападении на конвой, причем был убит жандарм; в письмах этих категорически было сказано прокурору Лопухину и генералу Ковалинскому, что они будут убиты, если будут продолжать расследование дел; письма эти были написаны одним почерком, весьма четким и красивым, без всякого изменения.

Помимо этого, до сведения киевского жандармского управления из секретного источника дошло, что в Киеве должны находиться весьма серьезные и решительные личности, стоящие во главе исполнительного комитета, что типография находится в Киеве и что весьма важную роль в убийствах играют два лица, известные в преступной среде под именами Валериана и Волка, что последний настолько осторожен, что квартира его никому неизвестна, и он только по вечерам выходит для пропаганды к памятнику св. Владимира; примету имеет: два выбитых зуба в верхней челюсти.

Эти обстоятельства послужили к принятию со стороны жандармского управления усиленных мер розысков, денных и ночных, которые продолжались более полугода, пока личности не были установлены и не было установлено место нахождения типографии, и за ними было установлено систематическое наблюдение шаг за шагом, дабы не дать ошибки в задержании лиц и обысках.

24 января 1879 г. наблюдение и розыски увенчались полным успехом: капитаном Судейкиным[146] на Крещатике был арестован Волк с подложным документом на имя Вышнякова, оказавшийся студентом новороссийского университета Иннокентием Волошенко[147] 26 лет, и Валериан с подложными документами на имя Байкова, Ферапонтова и др., оказавшийся сыном генерал-майора, бывшим воспитанником корпуса путей сообщений, секретарем городской и земской управы в г. Ростове на Дону, Валерианом Осинским 26 лет, жившим совместно с дочерью генерал-майора Софьею Лешерн-фон-Герцфельд[148] под именем его жены 41 года от роду, привлекавшейся к делу 193-х и

приговоренной сенатом к лишению прав и ссылке в отдаленные губернии, кроме сибирских. (Приговор этот по высочайшей милости не был приведен в исполнение.) Осинский и Лешерн оказали вооруженное сопротивление, причем Лешерн в упор два раза выстрелила в полицейского чиновника, но последовали две осечки, благодаря слабой пружине в револьвере — по заключению экспертов. При обыске у Осинского и Лешерн найдены: подложные паспорта, фальшивые свидетельства о вступлении в брак, револьверы, кинжалы, принадлежности для делания и оттисков печатей, брошюры возмутительного содержания, в количестве 81 издания, рукописи дела о волнении чигиринских крестьян 1875 года по поводу введения люстрационных актов (чигиринское дело, тайная дружина, опыт революционной организации), переписка с Лизогубом, казненным в Одессе, и яды кураре и цианистый калий, принадлежащие к числу самых сильных ядов. У Вышнякова найдено тоже много вещественных доказательств, уличавших его в государственных преступлениях и также яды. Рассылаемые по почте объяснения от исполнительного комитета по поводу совершенных убийств были не только разосланы Вышняковым, но и составлены им, в чем он на суде сознался, быв уличен экспертизою в тождестве его почерка с почерком на конвертах разосланных.

Письма угрожающего характера к Лопухину и Ковалинскому об убийствах эксперты безусловно признали писанными рукою Осинского; сверх того в одном из писем, отобранных в Петербурге при обыске и обращенном к Засулич[149] от Федоровой (Коленкиной), которая также ходила на убийство, указывалось и извещалось, что Осинский ходил также на убийство á la Засулич, но неудачно и вернулся «á la я», т. е. как Федорова, тоже неудачно. Осинский был близок к Гартману, участвовал в убийстве шефа жандармов Мезенцева, и брошюра об убийстве Г. А. Мезенцева вышла из-под пера Осинского.

Осинский, Лешерн и Волошенко приговорены киевским военным судом 7 мая 1879 года: первые двое к смертной казни, а Волошенко в каторжные работы в крепостях на 10 лет. Лешерн заменена смертная казнь — 20-летней каторжною работою.

После заарестования Осинского, Лешерн и Волошенко, находившихся в непосредственных сношениях с лицами, проживавшими в г. Киеве в д. Коссаровской, где находилась тайная типография, в которой и печатались вышеозначенные объявления и жили другие члены исполнительного комитета, — усилия жандармского управления были направлены ко взятию типографии и к заарестованию всех лиц исполнительного комитета, но так как по собранным сведениям этих лиц было не

мало и они решили оказать вооруженное сопротивление, взятие их представляло немало затруднений, пришлось употребить средство для отвлечения некоторых лиц из дома Коссаровской, во избежание перекрестного огня и пришлось заарестовать в двух местах и на улице; несмотря на трудности дела, они были обойдены, и шайка была заарестована с типографиею; вооруженное сопротивление было встречено в двух местах самое отчаянное, с обеих сторон было выпущено до 60 выстрелов. Заарестованы: прусский подданный Людвиг Брантнер 28 лет, сын полтавского полицмейстера Ростислав Стеблин-Каменский[150] 22 л., дворянин, бывший киевский студент Владимир Дебагорий-Мокриевич 31 года, мещанин Павел Орлов[151] 22 л., сын купца Николай Позен[152] 28 л., греческий подданный Степан Феохари[153] 23 лет, неизвестный — раненый в голову[154], именовавшийся Антоновым (впоследствии после повешения, личность установлена, учитель симферопольского городского училища Свириденко[155] 26–27 лет), жена дворянина, бывшего учителя киевской военной гимназии и киевского института благородных девиц, Марья Ковалевская[156] 29 лет, дочь чиновника, слушательница акушерских курсов при университете Екатерина Сарандович[157] 21 года, дочь действ. ст. сов. Наталья Армфельд[158] 30 л., дочь офицера Александра Потылицина[159] 19 л., вдова лекаря Екатерина Ниточаева[160] (притонодержательница) 27 л., дочь унтер-офицера Вера Васильева[161] (сестра Неточаевой) 17 л. и два брата дворянина Иван и Игнат Ивичевичи, 25–26 л.

При этом вооруженном сопротивлении контужен в грудь капитан Судейкин, контужен в живот жандарм, ранен в плечо жандарм и убит наповал жандарм Казаник выстрелом из револьвера. Из злоумышленников Брантнер, два брата Ивичевичи и неизвестный, не открывший своего звания, — ранены; из них два брата Ивичевичи от ран через несколько дней умерли.

При обыске в доме Коссаровской была взята масса вещественных доказательств, типография, до 40 фальшивых печатей, отлично вырезанных на камне и графите, всевозможных правительственных учреждений, инструменты для вырезки, брошюры, бланки правительственных учреждений и мест, револьверы, патроны, кинжалы и т. п. вещи.

Военный суд 4 мая 1879 г. приговорил: Брантнера и Антонова — к смертной казни, Мокриевича, Позена, Каменского, Орлова, неизвестного, Феохари — к лишению прав, ссылке в каторжные работы на рудниках, каждого на 14 л. и 10 месяцев, за исключением Феохари, который осужден на 5 л. и 4 мес. в крепостях; Ковалевскую, Армфельд, Сарандович, Потылицину — к

лишению прав и ссылке в каторжные работы, первых троих на 14 л. 10 мес., а последнюю на 4 года. Ниточаева и Васильева оправданы.

По заарестовании этих лиц более объявлений от исполнительного революционного комитета — не появлялось.

Из вышеупомянутых осужденных лиц судом главные агитаторы Дебагорий-Мокриевич и Владислав Избицкий — бежали с дороги между Красноярском и Иркутском.

В г. Николаеве в конце 1879 года был задержан беглый матрос Петр Ключников[162] 27 лет, по показаниям его принадлежавший также к киевской партии социалистов и имевший большие знакомства с членами этой партии. Ключников был вытребован в Киев и 27 января 1880 г., дал в Киеве большое показание, не лишенное интереса в смысле характера действий членов партии. В нем рельефно рисуются социалисты, покушавшиеся на убийство командира флотского экипажа с целью грабежа и убившие содержателя харчевни Головкова, его жену, сына и служанку, причем взято было 750 рублей.

После взятия типографии и заарестования в большинстве членов исполнительного комитета в г. Киеве, до сведения киевского жандармского управления дошло, что злоумышленники, оставшиеся на свободе, приготовляют разрывные снаряды, с тем чтобы отмстить властям за задержанных лиц. Розыски и установленное наблюдение дали возможность установить местонахождение разрывных снарядов; дом, где они находились, был в такой местности города, что наблюдение могло быть только с высоты птичьего полета, для чего и была избрана колокольня ближайшей церкви. 6 мая 1879 г. было приступлено к обыску и аресту. При обыске взяты: ящик с прессованным пироксилином прусской фабрикации, приготовленные из металла пустые гранаты для отливки гранат, наполненные землею, 2 картечи с воронкообразным углублением, коловорот для выделки углублений в картечах, колодка, употребляемая для приготовления стержней для гранат, семь стержней, обмотанных мочалом, сита, решета для просеивания земли, принадлежности для растопки металла, кузня, револьверы, кинжалы, подложные паспорта, брошюры преступного издания и т. п. Арестованы: именовавшийся мещанином Анисим Федоров[163] около 40 лет, отказавшийся объяснить свою фамилию, личность его осталась неустановленной, сын дьякона Федор Предтеченский[164], воспитывавшийся в Мелитопольском духовном училище, затем был слесарем на железных дорогах, 23 лет, и обыватель г. Варшавы Владислав Красовский[165] 22 лет.

14 июля 1879 года военный суд приговорил Федорова и

Красовского к смертной казни, а Предтеченского — к лишению прав и ссылке в каторжные работы на 20 лет. Красовскому затем смертная казнь заменена 20-летней каторжной работой, а Федоров повешен в Киеве.

Взятием пироксилина и разрывных снарядов покушения на жизнь властей были предупреждены.

9 февраля 1879 г. был убит харьковский губернатор князь Кропоткин; об убийстве его сделалось известным в д. Коссаровской, где была тайная киевская типография[166], ранее чем пришла правительственная депеша об этом в Киев, что наводило на ту мысль, что из проживающих в означенном доме кто-либо из членов исполнительного комитета получил через кого-либо условную депешу из Харькова и быть может убийца был из этой среды. Предположение оправдалось. Были предприняты розыски через агентов, которые приносили известие, что прибыл в Киев какой-то Володька Полячек, участвовавший в убийстве, за что и получил 300 р., на деньги эти оделся прилично, тогда как он прежде ни денег, ни порядочной одежды не имел, что этот Полячек обладает большой физической силой и употреблялся в дело как черная, грубая сила. Несколько месяцев ходили жандармы, наблюдавшие шаг за шагом за Полячеком, наконец удалось восстановить его квартиру на Крещатике в д. Ждановского; сверх того на Полячека были указания, что он прибыл в Киев как хороший стрелок для убийства из-за угла, но не посредством револьвера, а из ружья, так как местность в Киеве способствует подобным убийствам при проездах мимо гор и оврагов и что первый выстрел он располагал направить в помощника начальника киевского жандармского управления капитана Судейкина.

Эти указания послужили основанием к заарестованию Полячека 21 августа 1879 года; при нем найдены револьвер, ружье, патроны, кинжал в крови, яды etc; арестован он был с подложным паспортом на имя харьковского мещанина Григоренко, а впоследствии оказался дворянином Волынской губ. Людвигом Кобылянским[167]. С момента арестования Кобылянского началось собрание сведений по убийству князя Кропоткина в Киеве и Чернигове начальниками жандармских управлений черниговского и киевского, лично делившимися полученными сведениями; и первый из них, полковник фон-Мерклин[168], пришел к заключению, что князя Кропоткина убил Гришка Гольденберг, начальник киевского управления держался того, что Кобылянский был пособником и что между убийцами шло соревнование. 11 февраля была взята в Киеве тайная типография, и Кобылянский, по его словам, чуть было не попался;

Гольденберг — тоже. 14 ноября 1879 г. с разрывными снарядами был задержан в Елисаветграде человек под именем Ефремова; по фотографии, присланной в Киев, начальник киевского управления восстановил тотчас личность Ефремова, признав в изображенном на карточке известного революционного деятеля киевского кружка Григория Гольденберга. Окончательно Гольденберг был установлен предъявлением карточки его отцу, проживающему в Киеве. Григорий Гольденберг долго не давал никаких показаний, ни о чем. Тогда начальник Одесского жандармского управления обратился к начальнику киевского жандармского управления, прося его содействия через родителей Гольденберга, проживавших в Киеве; и когда начальником киевского управления было исходатайствовано личное свидание Григория Гольденберга с родителями, которые были уговорены поехать в Одессу, то Григорий Гольденберг после нескольких свиданий с родителями сделался мягче, а затем приступил к даче обширного показания, которое известно из обвинительного акта, помещенного в номере «Правительственного вестника» за 1880 год. Гольденберг дал показание, благодаря только влиянию на него родителей и матери в особенности, которую он беспредельно любил и уважал.

Кобылянский для осуждения из Киева был передан в С.-Петербург, где и осужден.

3 июля 1878 г. в киевском военном суде слушалось дело по предмету покушения на ограбление казенной почты, следовавшей из Житомира в Киев со 102 тыс. рублей и казенного денежного ящика курского пехотного полка в г. Житомире. В деле этом принимали участие лица житомирского и киевского революционных кружков, а именно: отставной поручик Константин Козакевич[169] 39 лет, отставной подпоручик Роман Зундштрем[170] 41 года, коллежский регистратор Илья Кречетович[171] 32 лет, дворянин Корнелий Богряновский[172] 18 лет, сын чиновника Степан Чуйков 18 лет, крестьянин Савастьян Строганов[173] 19 лет, киевский мещанин Платон Горский[174] 28 л., сын тит. сов. Иосиф Бильчанский[175] 21 года, купеческий внук Александр Овчинников[176] 18 л., сын отставн. кандидата Филипп Давиденко[177] 18 л., и крестьянин Иван Зубржицкий[178] 18 лет. Шесть первых и Зубржицкий арестованы в Житомире, остальные — в г. Киеве. Строганов, Горский, Бильчанский, Давиденко, Овчинников и Зубржицкий принадлежали к киевскому революционному кружку — или правильнее выразиться — были завербованы как уестествители-ушкуйники. Сверх того, Бильчанский и Зубржицкий обвинялись в вооруженном сопротивлении, а Бильчанский, Горский, Овчинников, Давиденко

и в предумышленном убийстве мещанина Курилова на берегу р. Днепра, а Овчинников сверх этого убийства и в убийстве дворянина Барановского в Киеве около памятника св. Владимира и в произнесении оскорбительных слов против особы его величества.

Партия эта представляла отборных лиц, по профессии убийств, грабежей, ограблений, готовых на все, сыздавна известных воровствами и завербованных в ряды социально-революционной среды для известных целей, как то: приведения в исполнение приговоров исполнительного комитета над властями и разными лицами, мешавшими революционному делу и для добывания средств всевозможными путями.

Циническая сторона жизни и характера некоторых из этих лиц превосходила всякое вероятие; так например на суде выяснилось показаниями, что, когда Бильчанский, Давиденко, Горский и Овчинников коварно затащили своего эксперта в глухое место, мещанина Курилова, для убийства, подозревая его, что он выдает их принадлежность к противозаконному сообществу, и Курилов, получивший первый выстрел в руку, бросился на колени, умоляя о помиловании, то Бильчанский в ответ выстрелил в упор в грудь, а затем в спину, когда повалился Курилов на землю. После этого, Бильчанский рассказывал, что он над Кириловым производил опыт в том, что человек изображает, когда в него выстрелят в упор, причем Бильчанский добавил, что Курилов, получив рану в грудь, выкатил так глаза, что они были похожи на бараньи яйца и в этот момент Курилов так был красен, что он, Бильчанский, влюбился в него и в его глаза.

Курилов убит был 13 апреля 1879 г. против Киева, на острове, в урочище Долбецком, вблизи Никольской слободки; разложившийся труп Курилова не дал возможности заметить насильственную смерть и он был похоронен.

В июне месяце 1879 г. киевскими жандармами была обнаружена могила Курилова; труп был отрыт и оказалось по медицинскому осмотру, что он был убит тремя выстрелами: левая локтевая кость перебита, на спине оказалась зияющая рана огнестрельная и под правой ключицей тоже зияющая рана и в ней найдена свинцовая пуля и сверх того на груди сквозное зияющее отверстие.

7 июля 1879 г. суд приговорил Горского, Бильчанского и Овчинникова — к смертной казни, Казакевича, Зундштрема, Кречетовича, Багряновского, Чуйкова, Строганова, Давиденко и Зубржицкого — лишить всех прав состояния, и сослать в каторжные работы: Багряновского — в крепостях на 6 л. 8 мес., а последних 7 человек, при уменьшающих вину обстоятельствах,

Зубржицкого и Давиденко в рудниках каждого на 20 лет; Казакевича и Зундштрема и Кречетовича на заводах каждого на 6 лет, Чуйкова и Строганова на заводах каждого на 4 года, а по окончании работ поселить в Сибири навсегда. Горский и Бильчанский — повешены, а Овчинникову смертная казнь заменена 20 годами каторжных работ; Строганов помилован в виду данных им откровенных показаний и полного раскаяния.

10 июля 1879 г. киевским военным судом приговорен к лишению прав и ссылке в каторжные работы на заводах на 6 лет с водворением в Сибири навсегда австрийский подданный Флориан Богданович[179] 39 лет, содействовавший целям противозаконного сообщества; это содействие выразилось в присылке из-за границы Богдановичем в Киев огромного количества экземпляров книг и брошюр преступного содержания на имя почетного гражданина Льва Паночини в 1878 г., который суду предан не был, так как по освидетельствовании оказался одержимым сумасшествием в форме слабоумия.

20 октября 1879 года киевским военным судом приговорен к лишению прав и ссылке в каторжные работы на заводы на 4 года, с поселением в Сибири навсегда, минский мещанин Василий Татаринчик 24 лет за распространение письменных и печатных сочинений, возбуждающих к бунту и явному неповиновению верховной власти.

8 июля 1879 года бывшая киевская соединенная палата приговорила: дворянина Шеффера 18 лет, мещанина Лучинского 19 лет, дворянина ученика Галагановской коллегии Кандыбу 16 лет, виновных в умышленном распространении сочинений, возбуждающих к бунту, Шеффера, как главного виновника, к лишению прав состояния и ссылке в каторжные работы на заводах на 4 года, Лучинского, как участника, к лишению прав и ссылке в Сибирь в нестоль отдаленные места, Кандыбу, как участника, имевшего менее 17 лет и действовавшего без полного разумения — заточить в тюрьму на 4 месяца; крестьянина Ивана Кобыша 20 лет — за хранение тех сочинений — к аресту на семь дней, а крестьянина Антипа Кобыша 19 лет — оправдала. Имея же в виду несовершеннолетие Лучинского во время совершения преступления, палата определила ходатайствовать о смягчении наказания, соразмерно определенному Кандыбе. Приговор представлен в ревизионном порядке в сенат.

В марте месяце 1879 года решением правительствующего сената утвержден приговор киевской соединенной палаты, состоявшийся 27 июня 1878 г., по которому крестьянин Петр Кифоренко 33 лет признан был виновным в хранении сочинений преступного содержания и приговорен к аресту на 2 месяца и 15

дней при полиции; по приведении приговора в исполнение, Кифоренко отправлен по высочайшему повелению на жительство под надзор полиции в Архангельскую губернию за произнесение дерзких слов против особы государя императора во время содержания под стражей по первому делу.

XI
Чигиринское дело

Под чигиринским «делом», бывшим в Киевской губернии, следует разуметь вполне организованное тайное противозаконное сообщество, состоящее почти из тысячи членов или дружинников, навербованных исключительно из крестьян бывших государственных имуществ, при содействии революционной пропаганды, с опасным характером и последствиями, которые могли бы случиться, если бы организация эта не была своевременно разрушена; главные деятели в этой организации сверх того обвиняются в составлении и распространении подложного манифеста от имени государя императора, а также подложных телеграмм «Правительственного вестника», имевших политическую зловредную цель.

Предварительно изложения самой сущности дела, бывшего на суде, я нахожу необходимым выяснить экономическое положение крестьян Чигиринского уезда, тех сел и деревень, которые вошли в организованное тайное сообщество, и те условия, в которых находились крестьяне, поддавшиеся влиянию и обману со стороны революционных деятелей, так как, по моему мнению, экономическое положение казенных крестьян и условия сложившегося их материального быта, состоящего в полной зависимости от земельного надела, — были главными причинами, вызвавшими организацию в среде крестьян тайного сообщества, поддавшихся легко влиянию и обману неизвестных личностей, из-за того только, чтобы выйти к лучшему из того невыгодного и невозможного экономического положения и условий, в которых они были поставлены независящими от них причинами.

Агитаторы пропаганды, зная условия и положение крестьян Чигиринского уезда государственных имуществ, накинулись на них смело и уверенно, с ловкостью повели свое преступное дело, сознавая вполне, что почва пропаганды как нельзя более окажется восприимчивою и плодородною в означенной местности, в чем и не ошиблись.

В юго-восточной части Киевской губернии протекает река Тясмина, впадающая в Днепр близ г. Новогеоргиевска Херсонской губернии; узкая полоса земли между обеими реками, текущими почти параллельно друг к другу, по случаю сыпучих песков, наносимых весенними разливами Тясмины и Днепра, далеко не удовлетворяет потребностям довольно многочисленного

сельского населения ведомства государственных имуществ, раскинувшегося почти беспрерывною цепью хуторов и поселков по берегам двух рек и имеющих вдоль дороги от г. Черкасс до г. Новогеоргиевска и Чигирина, идущей по возвышенной местности, — свои поля; но пока крестьяне эти, по определению прежней люстрационной комиссии платили оброк соразмерно достоинству и пространству отведенных им участков земли, до тех пор они, по-видимому, довольствовались своим положением, исправно платили оброк и другие государственные повинности; средства же для сего те немногие крестьяне, которые пользовались крупными участками от 12 до 18 десятин на двор, частью извлекали из доходов от хлебопашества, а большая часть населения, наделенная малыми участками, пространством от одной до шести десятин на двор, пополняли эти платежи доходами от значительных заработков в Херсонской губернии, где при душевом наделе по пяти десятин земли, весьма плодородной, в имениях помещиков ощущается постоянный недостаток в рабочих силах, в особенности в летнее время при уборке трав и хлебов.

В таком приблизительно положении находились дела крестьян государственных имуществ в означенной местности до 20 октября 1867 года, т. е. до издания высочайшего указа о приведении государственных крестьян на выкуп. Мера эта, отнимающая у означенных крестьян надежду на возможность увеличения участков земли, находившихся в их пользовании при предстоящей люстрации (последняя происходила лет двадцать тому назад), заставила их домогаться настоятельно о дополнении земельного надела до размера пяти десятин на ревизскую душу, по примеру крестьян, близко граничащих с ними Херсонской губернии и бывших крестьян военных поселений в Киевской губернии. Домогательства эти вызвали переписку между местною люстрационной комиссиею и министерством государственных имуществ, которая продолжалась до 1870 года. Наконец, 28 мая того же года последовал высочайший указ, в силу которого было разрешено перевести крестьян в означенной местности на общинное пользование землею, но уже без всякой прирезки, а только с предоставлением им права передела всей вообще земли между собою, причем требовалось еще, чтобы в определенный срок крестьяне составили письменный договор с поименованием в нем каждого хозяина, изъявляющего согласие уступить свой участок обществу, для раздела между его членами, чтобы означенный передел был совершен ими полюбовно и без всякого содействия со стороны правительства.

Такой оборот дела крестьян Киевской губернии, не

сочувствующих вовсе общинному владению, как совершенно для них чуждому и непонятному, до крайности их озадачил, тем более, что, домогаясь надела по пяти десятин на душу, даже те крестьяне, которые владели наиболее крупными участками, доходящими до 18 десятин на двор, ожидали приращения своего благосостояния, между тем общинное владение, вводимое в их полевое хозяйство без прирезки соответственного населению количества земли, — предвещало тем из них, которые своим трудолюбием и бережливостью упрочили уже свой материальный быт, крайний недостаток в будущем, тех же крестьян, которые снискивали для себя средства к существованию заработками в соседней губернии, лишало свободы действий и ставило в зависимость от общины с круговым поручительством за несостоятельных и находящихся в безвестной отлучке ее членов.

При объявлении сего высочайшего повеления, ведомство государственных имуществ возбудило еще большее неудовольствие крестьян с одной стороны предварением, что переход их к душевому наделу или к общинному пользованию землею лишает министерство возможности устроить их по правилам 20 октября 1867 года, а с другой — старанием убедить крестьян, что таковой переход для них невыгоден, ибо все вакантные земли, какие находятся еще в распоряжении министерства, получат другое назначение, а следовательно не будут предоставлены в их пользование, и что, как только упомянутый выше договор состоится между ними, то люстрация займется исключительно устройством к лучшему тех крестьян, которые останутся при участковом пользовании, доныне существовавшем.

Такое странное предварение заронило в умах крестьян сомнение в его справедливости, и они даже заподозрили ведомство государственных имуществ в намерении заставить их отказаться от своего первоначального домогательства, насчет душевого надела — для своекорыстных целей. Подозрение это отчасти подтвердилось назначением люстрационным чиновникам в награду за их усердную деятельность участков казенной земли (ферм), которые до сих пор отдавались в аренду частным лицам, а в дальнейшем будущем представляли как бы земельный фонд для прирезки к крестьянским наделам. Обстоятельство это было поводом, что в пяти волостях договоры о переходе к душевому наделу состоялись, а в остальных, за пропущением срока, крестьянское хозяйство оставалось в прежнем состоянии.

Такая путаница в устройстве государственных крестьян Липовской и Чаплинской волостей Чигиринского уезда, сопровождаемая разноречивыми толкованиями закона, для них

непонятного и темного, несколько случаев пристрастного действия люстрационных чиновников в пользу более зажиточных крестьян и в особенности размер платежей, определенный для выкупа, далеко превышающий размер прежде платимого крестьянами оброка, в совокупности с разными другими неблагоприятными обстоятельствами вызывали раздражение между крестьянами, владеющими определенными участками земли и теми, которые подписали договор о переделе земли между собою по общинному положению, бесконечные распри и раздоры, дошедшие до ожесточения; причем (подписавшие договор) как потерпевшие полное разорение от члена губернской люстрационной комиссии Алифина и бывшего местного мирового посредника Шушерина, наделявших их сыпучими песками, причисленными люстрациею к разряду удобных земель и которыми они пользовались бесплатно, отказались от принятия таковых и взноса в казну причитающихся платежей, что и было поводом к понуждению крестьян к повиновению через посредство воинской команды. Когда же и эта, крайне разорительная для крестьян, мера не привела к желанным результатам, то киевский губернатор отправился на место происшествия для личного вразумления крестьян и подвержения наиболее виновных в сопротивлении законным властям и подстрекательстве надлежащей ответственности.

Поездка губернатора, возвратившегося в Киев 9 мая 1875 г., осталась однако же без всяких последствий, тем более, что по прибытии на место он удостоверился в основательности претензий крестьян и недобросовестных действиях Алифина и Шушерина. И хотя ни до приезда его в Чигиринский уезд, ни во время его там пребывания никаких беспорядков и буйств со стороны крестьян не происходило, которые к тому же встретили начальника губернии с хлебом-солью и всеми признаками должного уважения, за всем тем он приказал взять под стражу наиболее строптивых. Заслуживает внимание то обстоятельство, что при этом распоряжении крестьяне не только не старались скрыть задерживаемых, но сами представляли их полицейским властям.

При последней люстрации местный мировой посредник Шушерин, переведенный в 1875 г. за разные злоупотребления по службе за таковую же должность в Радомысльский уезд и затем уволенный от должности, и члены люстрационной комиссии частью из корыстных целей, а частью из желания заслужить благодарность министерства государственных имуществ, — неудобные земли и сыпучие пески причислили к разряду земель удобных и, наделив ими крестьян, изъявивших согласие перейти

к общинному владению, обложили их несоразмерными платежами; в то же самое время удобные запасные земли, которыми пользовались иногда наиболее недостаточные крестьяне, были ими предоставлены во владение участковых зажиточных крестьян, причем, некоторые из них получили дополнительные участки от 5 до 50-ти десятин в одни руки, сообразно с средствами к платежу каждого. Таким образом в волостях Шабельникской, Чаплинской и Топиловской многие крестьяне получили в надел всего по полдесятины удобной земли, в Липовской же волости крестьянам прирезали 900 десятин сыпучего песку, совершенно неудобного к хлебопашеству. Кроме сего, так как движение песков со стороны Днепра и Тясмины угрожало огородам крестьян означенной местности, и они для удержания песков в значительном расстоянии от своих огородов развели ивовые насаждения, то люстрация, придерживаясь буквы положения, включила все пространство, ограниченное плетнями и ивовыми порослями в общую сумму огородной земли и показала ее вполне удобною, а одновременно с этим те казенные земли, которые можно было бы предоставить в пользование наиболее нуждающихся крестьян, были обращены в отдельные фермы и розданы в награду членам люстрационной комиссии Шушерину и бывшему правителю канцелярии генерал-губернатора Сабанееву, получившему ферму под названием Херсонка и несколько лет тому назад умершему. Упорство крестьян означенной местности, выразившееся в нежелании подчиниться установленным для их экономического устройства правилам, за всем тем ожесточало общинников против участковых настолько, что можно было опасаться, чтобы последние не пострадали от своих противников, на стороне которых имелся численный перевес. Угрозы общинников истребить огнем и железом достояние своих счастливых соперников и виновников их бедственного положения, которыми они считают крестьян участковых, уже повторялись неоднократно и вызвали несколько арестов.

Домогательства общинников, удовлетворение которых могло бы положить предел волнениям, заключались в понижении платежей до размера прежде платимого ими оброка и переделе отведенной им земли между ними подлежащими правительственными властями, ибо крестьяне откровенно заявляли, что передел земли по приговору общества ими самими не обойдется без насилий и кровопролития.

17 июня 1877 года бывшею киевскою соединенною палатою было рассмотрено уголовное дело, по обвинению 326 бывших государственных крестьян некоторых волостей Чигиринского

уезда в сопротивлении правительственным распоряжениям. Из дела этого видно, что со времени приведения в действие высочайшего указа сената 16 мая 1867 г., поземельном устройстве государственных крестьян в девяти западных губерниях, с 1868 г. обнаружился целый ряд волнений между государственными крестьянами Чигиринского и Черкасского уездов Киевской губернии, вызвавший некоторые правительственные мероприятия и уголовные преследования за преступления, совершенные этими крестьянами. В этих волнениях выразились вначале стремления большинства государственных крестьян Черкасского и Чигиринского уездов к изменению земельного устройства, созданного указом 16 мая 1867 г., в смысле равномерного наделения землею на душу мужского пола, притом в количестве от 5 до 15–18 десятин.

Такие стремления порождены были и непониманием крестьянами относящихся до их земельного устройства законоположений, вызванным, быть может, также и не вполне ясной редакцией некоторых статей инструкции 20 октября 1868 г. для составления, предъявления и утверждения люстрационных актов и нелепым слухом о существовании какого-то «царского указа», скрытого чиновниками о всеобщем переделе земель.

Лица, являвшиеся вожаками движения, отчасти верившие в правоту своих желаний, отчасти действовавшие и из личных выгод, поддерживали волнение и укрепляли крестьян в решимости достигнуть своих требований посредством распространения всевозможных нелепых слухов, неправильного толкования законоположений и распоряжений по отношению к люстрационным актам и сообщением отчасти ложных сведений о действиях разных должностных лиц, принимавших какое-либо участие в исполнении земельной люстрации, а отчасти и справедливых, как сказано выше.

Все это вызвало, начиная с 1869 по 1872 г., пассивное сопротивление при исполнении люстрационных работ и стремления к осуществлению своих мечтаний путем хотя не насильственным, но противозаконным, именно — подачей прошений на имя его императорского величества. Встретив на этом пути препятствие, крестьяне произвели ряд насильственных действий против членов сельского управления, послуживших основанием для возбуждения в 1871 и 1872 г. уголовного преследования, из коих одно в отношении главного вожака движения, получившего известность в Киевской губернии, Фомы Прядки[180], разрешенное соединенною палатою 17 июня 1877 г.

После этого волнение по-видимому улеглось, и действительно, но только в Черкасском уезде и некоторых, хотя

немногих, волостях Чигиринского уезда более не повторялось. В семи же волостях Чигиринского уезда в конце 1874 и начале 1875 г. при проведении в действие люстрационных актов многие из крестьян уже оказали такое сопротивление, которое привело администрацию к необходимости принятия чрезвычайных мер для установления законного порядка и послужило основанием для возбуждения уголовного преследования 326 крестьян.

Общий характер действий крестьян, привлеченных к этому делу, выражал стремление принудить правительство или оставить земельное устройство в прежнем виде, или исполнить требование о наделении по 5 десятин на душу. Еще до рассмотрения судом этого дела, на той же почве, но в этот раз при содействии нового фактора — революционной пропаганды — возникло так называемое «чигиринское дело», с опасным характером.

Дознанием и следствием по чигиринскому делу вполне установлен факт образования и распространения, по инициативе сына священника Якова Стефановича, рядового из евреев Льва Дейча и дворянина Ивана Бохановского[181] в Чигиринском уезде в начале 1877 года среди бывших государственных крестьян 12 селений тайного сообщества, усвоившего себе название «Тайная дружина». Цель этого сообщества выражена в его уставе, который вместе с тем служил основанием для организации.

Целью сообщества, как видно, было изменение существующего порядка землевладения путем захвата земель, не принадлежащих крестьянам, и раздел их между всеми жителями данной местности поровну, для чего предположено было нападение на помещиков, духовенство и членов других сословий и вооруженное сопротивление властям.

Сообщество делилось на отдельные кружки в 25 человек под названием «староства» с выборными старостами, которые, имея надзор за дружинниками и управляя ими, собирают денежные взносы, вербуют новых членов и, участвуя в старостной раде, избирают из себя казначея дружины и атамана, посредством которого дружина сносится с комиссарами. Полученные через этого атамана приказания комиссаров должны быть исполняемы старостами и отдельными дружинниками беспрекословно — так же, как и распоряжение старостной рады, которая уполномочена расходовать кассу и принимать меры в случае опасности.

Средства, коими вынуждалось подчинение требованиям устава и отдельным распоряжениям, заключались в присяге, даваемой каждым дружинником, и в угрозе смерти; эти же два средства служили и для сокрытия от правительства существования и действий сообщества, причем сохранение действий такового втайне облекалось еще установлением пароля.

Для успешного распространения сообщества были употреблены в дело два средства — распространение ложных слухов и уверений, что государь император давно уже даровал крестьянам всю землю для пользования без всяких платежей, но что помещики, духовенство и чиновники из корыстных видов скрыли «царский указ» об этом, и употребление подложного от имени его императорского величества манифеста, в коем к изложенному выше присовокуплялось, что государь император бессилен привести свою волю в исполнение, а потому призывает крестьян организовать тайные общества и, ополчившись против ослушников его воли, с оружием в руках завоевать себе дарованные им, государем, народу права.

Кроме того, из дел было видно, что сообщество это к половине 1877 года считало в числе своих членов около 1000 человек, что некоторые из них заготовили оружие и что начало действий для осуществления целей сообщества означалось не на неопределенно отдаленное будущее, а предполагалось в непродолжительном времени, не позже 1 октября 1877 года.

Некоторые из дружинников уже заготовили даже требуемые уставом пики.

Из данных, добытых дознанием, выяснилось, что тайное сообщество состояло почти из тысячи человек, или дружинников, навербованных исключительно из бывших крестьян государственных имуществ, и что пропаганда отнюдь не коснулась бывших помещичьих крестьян, что подтверждает, насколько действия членов люстрационной комиссии были неправильны и незаконны и в каком безвыходно-тяжелом экономическом положении находились крестьяне государственных имуществ, поддавшиеся, благодаря действий членов люстрационной комиссии, бессовестной эксплуатации со стороны революционеров-пропагандистов.

Чигиринское дело было закончено и препровождено к г. киевскому губ. прокурору 16 и 22 апреля 1879 г.

Дело это для слушания на суде было разделено на две половины: первая слушалась в киевской судебной палате 8–11 июня 1879 г. исключительно из преданных суду 42 крестьян, которые обвинялись в организации и принадлежности к тайному противозаконному сообществу, возникшему в 1877 году в среде крестьян Чигиринского уезда. Из 42-х человек пять признаны виновными в принадлежности в качестве главных руководителей к тайному противозаконному сообществу, имевшему цель возбудить неповиновение властям и вражду между сословиями и скрывавшему свое существование от правительства посредством особых мер, и приговорены платою: отставной унтер-офицер

Олейник[182] — на 2 г. 9 мес. в арестантские роты, затем на 2 г. под надзор полиции, отставной фельдфебель Писковой[183] — на 2 г. 7 мес. в те же роты и под надзор полиции, крестьяне Тененик[184], Гудзь[185] и Прудский[186] — на 1 г. 7 мес. в арестантские роты, и сельский староста Дейнега — к 2-месячному тюремному заключению за недонесение начальству об образовавшемся сообществе; 25 крестьян, признанные виновными, действовавшими под влиянием обмана, освобождены от наказания, которому они подлежали бы как главные виновники, и 13 крестьян освобождены вовсе от суда.

Вторая половина Чигиринского дела слушалась в Палате 6, 7 и 8 июля 1879 г.; сын священника Яков Стефанович, рядовой из мещан, еврей Лев Дейч, дворянин Иван Бохановский и сын ст. сов. Владимир Малавский[187] обвинялись в организации сообщества, в составлении и распространении подложного манифеста от имени государя императора, а также подложных телеграмм «Правительственного вестника», имеющих политическую зловредную цель; сын свящ. Михаил Стефанович[188], дворянка Юлия Круковская[189], дворянин Георгий Шеффер[190], купеческий сын Василий Чернояров обвинялись в сокрытии и истреблении следов означенных преступлений, а дворянин Николай Полетика и сын священника Олимпий Стефанович — в сокрытии подсудимого Якова Стефановича.

8 июля 1879 г. палата приговорила: Малавского 24 лет, к лишению всех прав состояния и ссылке на поселение в отдаленнейшие места Сибири, Круковскую 31 года, по лишении всех особенных и по состоянию присвоенных прав и преимуществ, к ссылке на житье в Иркутскую губернию, с воспрещением отлучки в течение 3½ лет, а в другие области Сибири в течение 11 лет; Михаила и Олимпия Стефановичей по обвинению их в недонесении на брата наказанию не подвергать, Шеффер, Чернояров, Полетика — оправданы. Приговор об этих лицах представлен в ревизионном порядке в правительствующий сенат.

Яков Стефанович, Лев Дейч и Иван Бохановский в ночь с 26 на 27 мая 1878 г. из киевского тюремного замка бежали до предания их суду.

XII
Революционные кружки в Киеве в конце 70-х годов

В 1879 году разновременно были обнаружены сочинения преступного содержания учеников 2-й киевской гимназии: Перельмана, Мозченко, Родионова, Костецкого, 3-й гимназии — Либермана, первой гимназии — Романовича-Славатинского, Левина и Добровольского, воспитанника Корыстышевской учительской семинарии Каноненко, ученика Белоцерковского реального училища Василевского, все несовершеннолетние, от 15 до 17 лет; во внимание к несовершеннолетию их дела закончены г. генерал-губернатором в административном порядке; телеграфистка мещанка Дзиновская 19 л. за имение и распространение преступных изданий выслана из Белой Церкви на родину, как равно и мещанин Еврс.

28 февраля 1879 г. киевский военный суд, признав виновными: сына священника Арсения Богуславского[191] 22 лет в принадлежности к противозаконному сообществу, в котором он был руководителем, в распространении между рабочими возмутительных сочинений, а также в принятии участия в замыслах сообщества на ограбление почты и казенного полкового денежного ящика, в приготовлении разрывных снарядов и убийства мещанина Курилова, в проживательстве по чужим паспортам, сына мещанина, студента университета св. Владимира Иосифа Розовского[192] 23 лет, сына унтер-офицера, воспитанника 2-й киевской гимназии Ивана Родионова[193] 18 лет в том, что, принадлежа к сообществу, выразившему свою деятельность рядом преступлений, в том числе неоднократными покушениями на жизнь государя императора, они в видах этого сообщества распространяли прокламации, нестроевого унтер-офицера 46-го запасного пех. батальона Мелентия Лозинского[194] 22 лет в принадлежности к тайному сообществу, в видах которого распространял и составлял революционные издания, в нападении на военный караул и рядового из вольноопределяющихся 97 пех. Лифляндского полка Андрея Андрузского[195] 22 л., — в распространении революционных идей между товарищами, — приговорил: Богуславского, Лозинского и Розовского к смертной казни, Родионова и Андрузского к лишению прав и ссылке в каторжные работы на 10 лет. Богуславскому смертная казнь заменена 15-летней каторжной работою; ввиду раскаяния и дачи откровенных показаний, Родионову с 10-ти на 6 лет сокращен

срок каторжных работ. Богуславский в ноябре 1880 года умер в г. Киеве.

По взятии в Киеве в 1879 году разновременно тайной типографии, пироксилина, разрывных снарядов, предназначавшихся для убийств должностных лиц и заарестовании весьма многих лиц, составлявших киевский революционный кружок и исполнительный комитет, постановлявший смертные приговоры, а также за осуждением этих лиц военным судом к более или менее тяжким наказаниям, — в киевском жандармском управлении вновь стали получаться сведения о том, что в Киеве вновь стало группироваться преступное сообщество террористов, которые имели в виду производить политические убийства должностных лиц посредством выстрелов из-за угла, отравления и взрывов посредством динамитных составов в отмщение за задержанных и осужденных и ввиду дискредитирования правительственных властей вообще в глазах народа; в Киев начали прибывать неизвестные личности, по преимуществу с юга, из Одессы и из Харькова, так как киевский революционный кружок имел непосредственные сношения с крестьянами.

Лица эти в большинстве имели подложные виды и принадлежали исключительно к фракции террористов, применявших убийства. Вследствие чего со стороны киевского жандармского управления были приняты всевозможные меры к предупреждению злодейских замыслов и покушений; за лицами, известными жандармскому управлению своею неблагонадежностью, учрежден был строгий надзор, а за прибывавшими этот надзор усиливался, и устроено было систематическое денное и ночное наблюдение через жандармских чинов под непосредственным ведением помощника начальника управления капитана Судейкина. Сверх того, в виду успеха дела по раскрытию чинов преступного сообщества в Киеве, обнаружения если не всех, то большинства их, и чтобы не допустить вновь организоваться кружку и сплотиться, подобно тому как это было в предшествовавшие годы, — постановлено было держаться выжидательной системы действий, обставленной, как сказано выше, систематическим наблюдением, и последовательных арестов членов сообщества, отнюдь не стесняясь, что подобный образ действий для раскрытия и предупреждения преступлений отнимет много времени и усиленного труда, который вызывается особенностями наблюдательной службы и розысков. Держась этого способа действий, постепенно заарестовывались лица преступного сообщества в Киеве, а при выезде их направлялись указания

депешами об их арестовании, а затем, когда большинство членов сообщества было заарестовано, и по преимуществу вожаки партии, приступлено было к задержанию одновременно последних членов сообщества, оставшихся на свободе, и к общему о них производству, которое все-таки было 4 марта 1880 года.

К этому дознанию было привлечено 35 человек, из которых 4 остались неразысканными (а именно: дворянка Евгения Дмитренко 18 лет, бывший студент Киевского университета еврей Ванцвейг, народный учитель, сын чиновника, Павел Иванов[196] 26 лет и именовавший себя Воронковым[197] — неизвестная личность); против двух преследование было вовсе прекращено (а именно: крестьянина Леонтия Забрамского[198] 28 лет, в виду откровенности показаний и раскаяния, и сына священника, студента университета св. Владимира Шмигальского 19 лет, по недостатку улик); против 4-х начатые дела о них прекращены в административном порядке с выселением их на водворение в Восточную Сибирь (а именно: крестьянин Яков Даньков 20 лет, мещанин Михаил Ромасев[199] 21 года, сын ст. сов. студент Киевского университета Козловский[200] 21 г. и дворянин, состоящий в запасе армии, Тесленко-Приходько[201] 23 лет); четыре человека переданы в распоряжение начальников Харьковского и Бессарабского жандармских управлений, где они привлечены к дознанию (а именно: еврей мещанин Голубов[202] 24 л., сын чиновника, студ. Харьковского университета Филиппов 22 л., именовавшийся Акимовым — неизвестного звания, и дворянин Людвиг Кобылянский — в С.-Петербург), а 21 были преданы военному суду в Киеве и 21 июля 1880 года приговорены: потомст. почет. гражд., сын священника, бывший студент медико-хирургической академии Михаил Попов[203] 28 л., личный дворянин, киевский студент Игнатий Иванов[204] 22 л. — к смертной казни, а остальные лишены прав состояния и сосланы в каторжные работы: дворянин Федор Юрковский[205] 29 л., сын священника, студ. Новороссийского университета Сергей Диковский 23 л., сын священника, студент Харьковского университета Дмитрий Буцинский[206] — на рудниках сроком на 20 лет; сын священника Моисей Диковский[207] 23 л., крестьянин Савастьян Ильяшенко-Куценко[208] 32 л., мещанин Никита Левченко[209] 22 л., крестьянин Филипп Михайлов (Бойченко)[210] 27 л., мещанин Николай Хрущев (Троицкий)[211] 22 л., мещанка еврейка Шейн Шехтер[212] 25 л., жена пот. почет. гражд. Виктория Левенсон[213] 26 лет, австрийский подданный, студент Киевского университета Болеслав Костецкий[214] 24 л., личный дворянин Николай Петров[215] 29 л., мещанка Фани Реферт[216] 22 л., дворянин, студент Киевского университета Михаил Клименко[217]

24 л., сын чиновника, студент Киевского университета Николай Подревский[218] 25 л. и австрийский подданный, еврей, студент Киевского университета Соломон Лотрингер 26 л. — в каторжные работы на 15 лет, сын дьячка Павел Лозянов[219] 20 л., на 13 л. и 4 месяца; дворянин Владимир Жуков 20 лет и мещанин Вениамин Позен[220] 18 л. — на 10 лет. Причем суд ходатайствовал, в виду уменьшающих вину обстоятельств, о замене наказания подсудимым вместо ссылки в каторжные работы в рудниках — ссылкой на заводы: Жукова и Позена — на 7 лет, Шехтер и Левенсон — на 6 лет, Костецкого, Петрова и Реферт — на 4 года, Клеменко и Подревского ссылкою в Сибирь на поселение, первого в более отдаленные, а второго в отдаленные места с лишением всех прав состояния; Лотрингера же подвергнуть тюремному заключению на 4 месяца. Ходатайство суда уважено генерал-губернатором. Попову и Иванову — смертная казнь заменена ссылкою в каторжные работы.

Почти все эти лица проживали под чужими фамилиями с подложными паспортами; арестование их жандармскими чинами производилось на улицах города во избежание вооруженного сопротивления в квартирах; при обысках найдены револьверы, кинжалы, холодное оружие для убийств, состоящее из кистеней, специально выделываемых Лозяновым, фальшивые паспорта, печати, инструменты для выделывания последних и в двух местах динамитные снаряды, снаряженные уже для взрывов. Данное вполне откровенное показание крестьянина Забрамского, подтвердившееся и на дознании и на судебном следствии, как нельзя более характеризует действия этой партии и их намерения в отношении убийств. Забрамский, заподозренный партиею в доносах, был 4 марта 1880 г. ранен нанесением удара кистенем в голову и 13 кинжальных ран в голову, шею, живот студентом Киевского университета, сыном чиновника Поликарповым[221] 20 лет, который, видя, что жертва — Забрамский — выскочил из его рук не убитым, а лишь жестоко израненным, — застрелился в своей квартире, куда он заманил Забрамского с целью убить его. Отставной штабс-капитан артиллерии Стаховский, принадлежавший так же к киевскому сообществу, но проживавший в Путивльском уезде Курской губернии, в день требования начальника киевского жандармского управления обыска и ареста Стаховского и доставления его в Киев, был убит тремя выстрелами из револьвера отцом своим, который показал, что имел неприятности с сыном, видя и сожалея, что он находится в сношениях с лицами преступного сообщества. За смертью Стаховского дело о нем в Киеве было прекращено. Удачно направленный из Киева обыск в деревню Козловку

Путивльского уезда, где проживал Стаховский и где сосредоточивались по временам члены партии, дал возможность задержать у Стаховского в имении некоего дворянина, с подложным паспортом, Головлева, который оказался разыскиваемым Федором Юрковским («Сашка-Инженер»), обвиняемым в вооруженном похищении с подкопом и взломом из Херсонского казначейства вместе с другими более 1½ миллионов рублей, для целей тайного сообщества, причем Юрковский был признан руководителем и по этому делу осужден киевским военным судом.

Характеристика членов партии, осужденной в Киеве, обрисовывалась особою программою ее действий, которая была отправлена осужденному Попову в тюрьму в форме письма, зашифрованного, и которая была дешифрована при Киевском жандармском управлении.

При этом нельзя обойти молчанием объяснение Юрковского на дознании и следствии по поводу кражи 1½ миллионов рублей:

«Юрковский, объясняя цель кражи денег, говорит, что он был руководим желанием улучшить материальное благосостояние сосланных в Сибирь административным порядком, что в краже этой он не видит ничего безнравственного, так как правительство и преследуемые им политические преступники представляют два лагеря, воюющих между собою, а права обеих воюющих сторон одинаковы во все продолжение войны; эти военные действия санкционируются общим международным правом, вовсе не находящимися в зависимости от более или менее справедливых требований той или другой стороны». Примером этого, по мнению Юрковского, может служить последняя война России и Турции.

«Нечего и говорить», объясняет Юрковский, что «справедливость идей этой борьбы — освобождение славян — всецело находится на стороне России, однако же из этого не следует, что турецкий гарнизон, отбив какой-нибудь обоз с провиантом русской армии, совершает безнравственный поступок, то же явление происходит и в настоящем деле, если одна сторона конфискует имущество другой, то и другая имеет совершенно такое же нравственное право конфисковать имущество первой». Сверх того, Юрковский объясняет, что когда Россикова[222] сообщила ему о плане задуманного предприятия и предложила помочь ей, причем объяснила, что цель, для которой предполагается кража денег из херсонского казначейства, заключается в улучшении материального благосостояния высланных в Сибирь административным порядком, то он, Юрковский, разделяя вполне взгляд Россиковой и не находя в ее

предложении ничего безнравственного и кроме того встречая много заманчивого в грандиозности факта упразднения целого казначейства, что в его глазах имело сходство с поступком человека, сжегшего с целью прославить себя Александрийскую библиотеку, — он согласился участвовать в краже.

В конце 1878 года были заарестованы в Киеве жена мещанина Савенкова[223] 23 лет, принимавшая участие с мужем и повешенным Антоновым[224] в заказе жандармского платья в Киеве для освобождения арестанта Фомина из Харьковского тюремного замка, и принадлежавший к фракции бунтарей крестьянин Комов[225], осужденный в Одессе в каторжные работы.

В 1878 г. в Киеве был арестован чиновник киевской контрольной палаты Веледницкий, у которого отобрано более 4 тыс. руб. революционных денег. Веледницкий суду предан не был во внимание к его раскаянию и данному им начальнику киевского управления обширному, правдивому и вполне откровенному показанию.

В июле и августе месяце 1880 г. стали из г. Киева вновь распространяться брошюры преступного издания, наполненные ложью, клеветою и извращенными фактами о бывшем суде в Киеве над социалистами, и сверх того распространялись между железнодорожными рабочими и рабочими местного киевской арсенала — в особенности программы Южно-рабочего союза; воззвания эти были направлены преимущественно к начальству арсенала с угрозами — на кровавую расправу, если требования в отношении уменьшения рабочих часов не будут выполнены.

Усиленные розыски со стороны жандармского управления дали возможность заарестовать главных вожаков, составителей и распространителей этих брошюр, воззваний и программ, на которых прикладывались оттиски печатей Южно-рабочего союза. 22 октября 1880 г. в Киеве арестованы сын инженера, бывший народный учитель, Николай Щедрин[226] 23 лет и жена учителя Елизавета Ковальская[227], из мещан, 27 лет, жившая совместно со Щедриным под именем его жены — и оба с подложными документами. При обыске у них взяты револьвер, кастет, парики, накладки, программы Рабочего союза в большом числе экземпляров, отпечатанные посредством гектографа, адреса лиц, на имя которых рассылались преступные издания и, наконец, черновые, с поправками, и самые тексты воззваний, вошедших целиком в отпечатанные издания. Щедрин и Ковальская прикосновенны к делам в С.-Петербурге по убийству мещанина Жаркова[228] и изданию газеты «Черный передел».

По делам, собственно в Киевском губернском управлении начатым и законченным в 1879 и 1880 году, всех осуждено за

государственные преступления судом 61 мужчина и 9 женщин, в том числе казнено через повешение мужчин восемь человек (Осинский, Антонов, Брантнер, Горский, Бильчанский, Федоров, Лозинский и Розовский). Приговорено было всех к смертной казни через повешение в Киеве 13 мужчин и 1 женщина. Помилованы от смертной казни 1 женщина и 5 мужчин (Лешерн, Богуславский, Овчинников, Иванов, Попов, Родионов).

Г. киевским, подольским и волынским генерал-губернатором, на основании высочайше предоставленной ему власти, собственно по инициативе начальника киевского губернского жандармского управления, административным порядком выслано из пределов Киевской губернии 87 человек, из них — в отдаленные губернии Европейской России — 53, на водворение в Восточную Сибирь — 15, за границу — 5 и на родину — 14 человек.

Всего же, так сказать, изъято из киевской революционной среды 157 человек за 1879 и 1880 гг.

Чтобы подтвердить фактически, что киевский революционный кружок давал от себя выдающихся лиц своею преступною деятельностью, я сделаю поименные указания киевских революционеров, участвовавших в выдававшихся своим злодейством событиях последнего времени.

а) Убийство Никонова в Ростове на Дону произведено Иваном Ивичевичем и Брантнером, арестованными в Киеве 11 февраля 1879 года, которые, убив Никонова в Ростове, преспокойно вернулись в Киев.

б) Убийство адъютанта Киевского губернского жандармского управления штабс-капитана барона Гейкинга произведено студентом мед. — хир. академии Голопупенко, настоящая фамилия которого хотя и не обнаружена, но по показанию Гольденберга, принадлежавшего к киевскому революционному кружку, Голопупенко несомненно проживал в Киеве и скрылся после убийства у Сергея Диковского, заарестованного и осужденного в Киеве.

в) В покушении на жизнь тов. киевского губернского прокурора Котляревского участвовали Осинский, повешенный в Киеве, Иван Ивичевич, арестованный в Киеве и умерший от ран, и несомненно Григорий Гольденберг, о чем он старался скрыть в своем показании.

г) В покушении на жизнь бывшего шефа жандармов генерал-адъютанта Дрентельна участвовал киевский дворянин Леон Мирский[229], бывший студент мед. — хир. академии, содержащийся под стражей в г. Киеве за пропаганду и за участие в пособничестве к побегу трех политических арестантов из

киевской тюрьмы. Мирский, как прикосновенный к петербургским дознаниям, в сентябре месяце 1878 г. был препровожден в С.-Петербург. 23 августа 1878 г. за № 454 начальник Киевского жандармского управления доносил в III отделение, что, по его мнению, Мирский, представляющий из себя в высшей степени назойливого, отчаянного и готового на все, ни в каком случае из-под стражи не может быть освобождаем, и на это представление III отделение 31 авг. 1878 г. за № 3244 предписало, чтобы Мирского без сношения с III отделением ни в ком случае не освобождать из-под стражи. Между тем, в марте 1879 г. Мирский был освобожден мин. юстиции на поруки и 12 марта 1879 г. уже стрелял в генерал-адъютанта Дрентельна.

д) Крестьянин Таращинского уезда Киевской губ. Колот, арестованный по указанию начальника киевского управления в Одессе, вращавшийся в киевской революционной среде, был близким человеком Халтурину[230], произведшему взрыв в Зимнем дворце.

е) Что киевский революционный кружок был весьма близок к петербургскому и членам киевского было не безызвестно, что готовится взрыв в Зимнем дворце, доказывается тем что начальник Киевского жандармского управления, получив сведения агентурным путем, исходившие из киевского кружка, донесениями своими в III отделение собственной е. и. в. канцелярии от 15 и 16 января 1880 г. за №№ 169 и 181 предупреждал о готовящемся взрыве во дворце непременно до 19 февраля. В донесении сообщалось, что взрыв предполагается произвести посредством особого аппарата, приспособленного на известный период, а в донесении за № 181 прямо указывалось, что на печи и трубочистов следует обратить особое внимание дворцового начальства.

ж) Повешенный Осинский участвовал в убийстве шефа жандармов г.-а. Мезенцева, что доказывается написанным им на бланке исполнительного комитета смертным приговором прокурору с.-петербургской палаты Лопухину, а из писем его видно, что он ходил на убийство, но вернулся, потерпев неудачу.

з) В убийстве харьковского губернатора князя Кропоткина участвовали киевские революционеры — Григорий Гольденберг, Орлов, осужденный в Киеве, киевский студент сын свящ. Зубковский[231], с 1876 г. принадлежавший к социально-революционному сообществу, проживавшая постоянно в Киеве Самарская[232], Людвиг Кобылянский, Леонид Дическуло[233], привлекавшийся к дознаниям о пропаганде 1874–1875 г. и успевший бежать при взятии типографии в Киеве 11 февр. 1879 г., проживавшая в Киеве постоянно Людмила Волкенштейн[234].

и) В покушении на жизнь государя императора 2 апреля 1879 года из киевских были участниками Гольденберг, Кобылянский и Александр Михайлов[235], арестованный в С.-Петербурге в декабре 1880 г., мать которого постоянно проживает в Киеве.

к) В Липецком съезде террористов участвовали из киевских: Михайлов, Гольденберг, дворянин киевский студ. Колоткевич[236] и киевский же студент Зубковский.

л) В покушении на жизнь государя императора 19 ноября 1879 г., на Московско-Курской железной дороге, из киевских участвовали: Гольденберг, Михайлов.

м) По делу устройства взрыва полотна железной дороги близ г. Одессы из киевских участвовали Колоткевич и Гольденберг.

и н) В убийстве агента Рейнштейна[237] в Москве из киевских участвовал мещанин Серпинский, скрывшийся за границу.

XIII
Украинофильство в Киеве

Усилению образования в Киеве центра социально-революционной партии и деятельности ее, в числе прочих причин, способствовал центр нахождения украинофильской партии в г. Киеве, образовавшийся несравненно ранее социального движения в России, а потому и перейду к оттенкам и направлению вообще этой партии.

В период времени, предшествовавший польскому мятежу 1863 года, в пределах юго-западного края образовалась партия, известная под названием украинофилов, в состав которых вошли некоторые неприязненные правительству элементы, подготовленные гораздо прежде, а именно в половине сороковых годов, когда сочинения Шевченко и других малороссийских писателей в рукописях жадно перечитывались и затверживались на память приверженцами малороссийской пропаганды, старины и местною молодежью.

Украинофилы в пределах Империи подразделялись на две партии: польскую и русскую; первая из них, собственно украинская, вдохновленная стихотворениями Богдана Залесского[238], Гощинского[239], Падуры[240] и других польских поэтов, воспевавших Украину, — мечтала о республике южно-русских провинций под гегемониею Речи Посполитой, на первое время, с ксендзами базилианами во главе учебных заведений, ими созданных, вторая же партия мечтала о свободной Малороссии в виде республики с гетманом во главе вместо президента в союзе с Россиею и свободною Галициею на подобие Северо-американских штатов. Не лишнее здесь следует заметить, что в конце пятидесятых годов русские украинофилы так далеко зашли в своей пропагаторской деятельности, что обзавелись даже своим журналом «Основа»[241], издававшимся в С.-Петербурге под редакциею Белозерского и при деятельном участии Кулиша[242], Костомарова[243], где, равно как и здесь в Киеве, была ими устроена «Громада», члены которой завершили свою эфемерную политическую деятельность шумными манифестациями во время похорон Тараса Шевченко при перевезении его тела через Киев в Каневский уезд.

Достойно еще то обстоятельство внимания, что поляки пред мятежом 1863 года, братаясь и дружа с украинофилами как врагами «Москвы», в то же время отводили их затеями глаза правительству от своих собственных козней. Искреннего

сочувствия между поляками и украинофилами не было и уже потому не могло быть, что последние были «хлопоманами», т. е. врагами панщины и барщины. Впрочем и поляки и украинцы играли «в темную», желая употребить друг друга орудием своей ненависти к «Московскому правительству».

Мятеж 1863 года и участие, принятое в его подавлении со стороны местного сельского населения, разочаровал окончательно поляков и расстроил их планы. Русские племена всех оттенков братски соединились для сокрушения общего врага, и партия украинофилов, как не имевшая никакой почвы под собой, совершенно стушевалась. Общественное внимание устремилось на грандиозные работы, предпринятые нашим правительством для преобразования старых государственных порядков, но несмотря на это интриги польских помещиков в 1861 году были направлены к подтасовке исторических данных и фактов, на которые возможно было бы опереться для осуществления планов польских украинофилов.

В сопредельной с юго-западным краем австрийской Галиции украинофильская партия продолжала действовать. Органами ее были газеты «Вечерница» и «Мета»[244]. Но сначала они не имели успеха, и только после битвы при Садовой[245] и Славянского съезда в Москве[246] потерявшие свой кредит украинофильские идеи вновь стали оживляться для противодействия сочувствию славян к России, выразившемуся на этнографической выставке; кроме того поводом к этому явлению были выборы депутатов в рейхсрат на основании дарованной Галиции автономии, причем на сеймах во Львове представители общины св. Юрия[247] домогались предоставления галицким русинам права посылать в рейхсрат своих депутатов, независимо от депутатов со стороны галицийских поляков.

Польская интрига, опасаясь, чтобы обособление галицких русин не разрешилось сближением их с малороссами, а затем великороссами, как то и должно последовать на основании общих законов тяготения, придумало, для сближения галицких русинов с поляками, новую политическую арену и избрала для того орудием старую украинофильскую мантию, которою так долго ловко прикрывались польские патриоты на правом берегу Днепра. Затемнить истину, сбить с толку галицких русин и неокрепшее у них общественное мнение, дать отпор вредным действиям их органа (антипольского журнала «Слово»[248], появившегося в Галиции в 1861 г. стараниями членов общины св. Юрия) и наконец довести галицких русин до полного слияния с поляками — и с этою целью, в 1872 г., стали издавать для своих земляков журнал «Правда».

Журнал «Слово» вполне анти-польский, издавался сначала под редакциею известного Дедицкого[249], искреннего друга России и русских, а потом издавался во Львове под редакциею некоего Площанского, человека совершенно неизвестного в ученых сферах, непопулярного и в литературном мире. В августе 1874 г. он приезжал в Киев по случаю бывшего здесь археологического съезда и в беседах своих с киевскими учеными далеко не оправдал того понятия, какое господствует в России о редакторах заграничных периодических изданий, так что даже возникло подозрение не есть ли Площанский подставной редактор «Слова», за которым скрывается другая личность, не желающая держать явно знамя партии враждебной галицийским полякам. Задача «Слова», или его политическая программа — есть союз, соглашение и даже слияние с русскими всероссийской империи, хотя последняя идея, выказываемая этим журналом, не вполне была определительна и ясна, т. е. в такой форме, какой необходимо придерживаться при политическом положении русин в Габсбургской империи. Защищая постоянно интересы славян вообще и русских в особенности, «Слово» не только не позволяло себе раздражать маджьяров и в особенности австро-венгерское правительство резкими выходками, но иногда даже подлаживалось под их политические вкусы. Впрочем, защищая русин, составляющих главную массу сельского населения Галиции, эта газета по своему характеру не могла считаться ни демократическою, ни социалистическою, ни коммунистическою, а скорее консервативною; она печаталась на местном русском наречии довольно небрежно и с значительными орфографическими ошибками; существование «Слова» далеко не обеспечивалось подписчиками, но его редакция получала значительные субсидии от славянских благотворительных комитетов, существующих в России, и кроме сношений с этими комитетами и представителями русской прессы, других сношений с Россиею и русскими не имела никаких.

По отзывам сербских газет «Слово» проводило идею славянской федерации, но без точного определения знамени, вокруг которого должно группироваться славянам; поэтому вопрос о том, желают ли галицкие русины группироваться под сенью императорской России, Габсбургского дома, или же они мечтают об учреждении самостоятельного государства — составляет вопрос пока довольно темный.

Другой галицко-русский журнал «Правда»[250] — чисто украинофильского направления — проводил идеи сепаратизма, приняв в основание своей теории первоначальную мысль Богдана Хмельницкого о составлении независимого русского государства.

Не касаясь заветной мечты о слиянии русин с поляками, без чего возрождение Польши немыслимо, «Правда» прилагала все усилия, чтобы установить между двумя народами полное согласие, и много заботилась о просвещении русин, об их благосостоянии и сохранении в ненарушимости их прав. Издавался этот журнал на местном русинском наречии, тоже кириллицей, как и журнал «Слово», но с предварением, что как только степень народного просвещения поднимется до более значительного уровня, кириллица будет заменена латинскими письменами. Эта программа доставила редакции «Правды» некоторую субсидию со стороны Галицийского сейма (тысячу гульденов), который, как известно, ассигновал четыре миллиона гульденов на устройство в Львове народного русинского театра, в видах образования русин в польском духе. Впрочем, утверждают, что гораздо ранее значительную субсидию редакция «Правды» получила от украинофилов обоих берегов Днепра, в числе коих называли молодого графа Владислава Браницкого (проживавшего в м. Ставищах Киевской губ.) и многих других польских вельмож — сторонников идей Богдана Залесского, Падуры и др. «Правда» издавалась тщательно, опрятно, на русинском наречии, но с польскими оборотами. Номинальный редактор этого журнала некто Огоновский, брат известного в Галиции профессора того же имени, действительный же редактор был Шушкевич. Кроме сего, над редакцией «Правды» простиралась опека двух известных в Галиции и Польше литераторов, а именно: униатского священника Качалы[251] и бывшего помещика Волынской губернии Крашевского[252], из которых первый снискал себе известность некоторыми политическими брошюрами и близкими отношениями к семейству князей Чарторижских и других влиятельных польских вельмож, а второй своими повестями и романами, в которых рельефно изображается преимущественно домашний быт польского дворянства в пределах России. Оба они вдохновляли редакцию «Правды» и руководили ею в выборе статей для сего журнала.

В ноябре месяце 1872 г. в Киеве возник отдел Русского географического общества, наименованного Юго-западным, имевшим целью — изучение края в статистическом и этнографическом отношении. Открытие действий отдела состоялось в присутствии главного начальника края[253], который весьма сочувственным словом приветствовал новое учреждение и затем представил избранных им вице-президента и членов на утверждение правительства. Главным действующим лицом, по приглашению которого составился список членов отдела, и даже, как говорят, главный виновник возникновения самого отдела был

Павел Платонович Чубинский[254], член разных ученых и технических обществ, который в 1860 году был сослан под надзор полиции в г. Архангельск за свои буйные речи, обращенные к собравшимся на ярмарку в м. Борисполь Переяславского уезда Полтавской губ. крестьянам, за что, как слышно, и был наказан своими слушателями розгами на площади. Последнее обстоятельство, еще не изгладившееся из памяти киевских старожилов, взиравших на Чубинского не совсем доверчиво, заставило его избрать себе сотрудником в деле приглашения членов для возникновения отдела профессора Антоновича[255]; таким образом Чубинский подкрепил свой личный кредит кредитом всеми уважаемого в то время доцента университета св. Владимира и этим способом ему удалось собрать подписи об учреждении отдела от нескольких — числом около 25 человек, во главе с тайн. сов. Юзефовичем[256], Н. Х. Букгельгиным и др. пользующихся прочною известностью в городе лиц, а затем, когда они подписались, то под прикрытием их имен в число членов отдела, при настойчивости, с которою Чубинский стремился к достижению своих целей, вошло не мало далеко не популярных лиц, а именно: Ф. Волков[257], Трегубов, Руссов[258], Цветковский[259], Беренштам, Житецкий[260] и др. личности, известные своим украинофильским направлением; поэтому люди благонамеренные, составлявшие меньшинство в общем составе членов сего учреждения и вступившие в оный по приглашению Антоновича, перестали посещать его заседания; таким образом, с открытием отдела рассеянные украинофилы получили центр и опору, около которых сгруппировались и стали действовать смелее, так что в течение с небольшим года успех их стал бросаться в глаза. Чубинский был действительным членом отдела, секретарем, получил в 1875 г. малую золотую медаль за собранные им в этнографической экспедиции в юго-западный край материалы и исследования; действительный член отдела, А. А. Руссов получил серебряную медаль за статью его напечатанную в записках отдела о бандуристе Остапе Вересае и за записание от него дум и песен.

Вслед за учреждением отдела украинофильское направление стало уже проявляться в осязательной форме, а именно: открытием нового книжного магазина в Киеве под фирмою «Левченко и Ильницкий», переполненного книжечками и брошюрками на малорусском наречии, переводами сочинений Гоголя и других русских писателей на то же наречие с искажением его против народного говора, указывающим на притязание переводчиков составить из него какой-то особый, самостоятельный язык, не имеющий ничего общего с

великорусским языком; приспособлением одной из киевских типографий к кулишевке громадным запасом знаков препинания, потребных для искажения русских слов, входящих в состав малорусских сочинений, и, наконец, появлением на сцене русского театра в Киеве известной повести Гоголя «Ночь накануне Рождества Христова» в переводе на малорусское наречие, до крайности обезображенное переводчиком разными полонизмами и не встречающимися в народном говоре словами; но все эти проявления украинофильской интриги не обращали на себя внимания людей серьезных и благомыслящих и считались ими безвредным ребячеством взрослых детей.

Однодневная перепись киевского населения, произведенная 2 марта 1874 года под исключительным надзором и руководством членов отдела, не обошлась тоже без проявления украинофильской тенденциозности в том именно, что лица, которым была поручена поверка подворных ведомостей о жителях г. Киева, прибегали к разным изворотам для того, чтобы увеличить цифру малороссийского элемента на счет цифр других русских племен. Те же самые проявления были замечены во время археологического съезда, и задача украинофильцев — сосредоточить преимущественное внимание прибывших в Киев на памятниках старины и других предметах бытовой жизни малорусского племени — увенчалась полным успехом, который выразился в горячих возражениях против реферата Миллера о сродстве малорусских дум с великорусскими былинами. Доставленный в Киев из глубины украинских степей старец-бандурист Остап Вересай[261], последний экземпляр славных некогда бандуристов, своими поэтическими песнями и типическим обликом немало, в свою очередь, способствовал возбуждению симпатии к отжившей свой век гетманщине, воспевая в домах свои думы.

Ф. Б. Миллер был известен как автор многих очень хороших стихотворений и особенно как искусный переводчик классических произведений, напр.: Шиллера, Гете, Байрона. Последней крупной работой его был перевод пьесы Роберта Гамерлинга «Агасфер в Риме». Миллер более 15 лет издавал в Москве юмористический журнал «Развлечение».

Все эти проявления украинофильской интриги вызвали энергический отпор со стороны редактора газеты «Киевлянин»[262], бывшего профессора университета действ. ст. сов. Шульгина[263], который целым рядом статей обличал и порицал тенденциозное направление сторонников украинофильской партии и в самых резких выражениях доказывал несостоятельность поставленных ими в основание

своей политики положений, подводя эту политику под категорию ребяческих затей. Получив в отделе географического общества завязь, имея свою книжную торговлю, украинофилы пожелали иметь и свою собственную газету в крае, но как им это не удалось, то они забрали в свои руки существовавшую прежде, а именно «Киевский Телеграф»[264], перешедший впоследствии в собственность госпожи Гогоцкой (жены профессора университета), которая, прикрываясь именем и положением мужа, искала всеми средствами роли общественной деятельницы. Под купленною фирмою безграмотного, даже не жившего в Киеве Снежко-Блоцкого, как редактора, «Киевский Телеграф» издавался ярыми украинофильцами из среды университетской молодежи, которые обрели в нем то, чего добивались, — свой литературный орган. Означенная газета с одной стороны, а с другой стороны львовская газета «Правда», о которой сказано выше, в качестве органа украинофильской партии, подкрепляемые в то время «С.-Петербургскими Ведомостями»[265], дружно парировали удары Шульгина, но как на стороне последнего стало большинство, т. е. все благонамеренные и рассудительные люди и некоторые из столичных газет («Голос»)[266], то за ним по-видимому осталось поле сражения.

Я говорю «по-видимому» потому, что с того времени внешние, открытые проявления украинофильской интриги более резко не замечаются, но если принять во внимание, что громадная масса брошюр и книжек на малороссийском наречии раскупалась ежедневно с целью распространения их в народе, при содействии учителей сельских школ, то подобного рода пропаганда, симптомы существования которой были обнаруживаемы путем формальных дознаний, могла вызвать значительные затруднения к достижению тех целей, которые составляют задачу правительства, поставленную в основание учреждаемых ныне сельских школ.

Последнее резко-открытое проявление украинофильской интриги составляет перевод на малорусское наречие известной повести Гоголя «Тарас Бульба», в которой переводчик Лободовский[267], слова: Россия, русский человек, русский царь, заменил повсеместно словами: Украина, украинец, украинский царь и пр. Такое искажение текста известного русского писателя и патриота возмутило поголовно всех благомыслящих людей и чувство негодования выразилось каждым читателем перевода «Бульбы», хотя в первое время искажение было замечено только весьма немногими. Обстоятельство это до крайности встревожило в то время бывшего местного цензора, который, не подозревая Лободовского способным к такому неблаговидному поступку,

разрешил печатание перевода знакомого ему сочинения; впрочем вслед за открытием этого печального факта книга была задержана и особенно компрометирующая ее страница с искаженным текстом, по ее уничтожении, была заменена другою[268].

«Киевский телеграф», имевший издательницу Гогоцкую, имел постоянного сотрудника К. И. Кибальчич и следующих лиц, приносивших свое сотрудничество газете: профессора В. Б. Антоновича, профессора И. Г. Борщова[269], Ф. К. Волкова, проф. Демченко, проф. М. П. Драгоманова[270], Б. И. Житецкого, проф. Гогоцкого[271], проф. Н. И. Зибера[272], А. В. Клоссовского[273], И. В. Лучицкого[274], И. П. Новицкого[275], доктора К. Р. Овсяного, проф. А. В. Романовича-Славатинского[276], А. Д. Ушинского, Г. Г. Цветковского, П. П. Чубинского и других. Нужно заметить, что из числа этих лиц, многие фигурируют в показаниях Веледницкого и Богуславского.

Таким образом партия украинофилов, образовавшаяся в административном центре юго-западного края, находящегося еще в исключительном положении, в г. Киеве, который по географическому своему положению, историческим традициям, этнографическому составу населения края, коего он служит центром, отстоящим не в далеком расстоянии от могилы даровитого и талантливого писателя Тараса Шевченко, имела первоначальную цель распространение и утверждение в Малороссии понятий об обособленности, самостоятельности Украины, не имевшей, будто бы по понятиям и воззрениям украинофилов, ничего общего с русскою землею и стоящей даже выше Великороссии по развитию и образованию.

Украинофильские тенденции, появившиеся на Руси несравненно ранее социально-революционного движения, в начале ничего общего не имели с социалистическими учениями, но идеи украинофилов, проводимые ими в народ и распространяемые между молодежью книжным путем и рассказами на местном наречии эпизодов из народного быта, иногда и неправдоподобных, — несомненно имели на практике осуществление и проведение в народную массу духа с противоправительственными началами, в чем украинофилы незаметно и сошлись на деле с социалистами, пропагандировавшими в народе в 1874/1875 году, в самый усиленный период пропаганды украинофильских тенденций; в 1874/1875 г., когда пропагаторы социалистических учений отправились в народ для книжной и устной преступной пропаганды, они в нем уже встретили, собственно в Малороссии,

частью подготовленных уже лиц к восприятию этих учений и невольно сошлись с местными украинофилами, блуждавшими в народных костюмах по большим селам, в которых существовали народные сельские школы, сильно подозреваемые снабжением их в большом числе экземпляров книжками, брошюрками популярно-научного содержания на малороссийском языке. Местные украинофилы со средствами поддерживали существовавшие народные школы и заботились об устройстве новых, несомненно с целью проведения в народную массу тех же украинофильских воззрений. У партии украинофилов были довольно большие средства от сборов и продажи книг и брошюр.

С выездом большинства вожаков и представителей украинофильской партии из Киева в период 1874/1880 гг. партия эта хотя и имеет своих последователей, однакож действия ее и значение в г. Киеве сильно и заметно ослабло; если не сказать более.

В первых годах возникновения социально-революционной пропаганды в России лица польского происхождения никакого участия в этой пропаганде не принимали вовсе и даже не было, сколько мне известно из дел, случая привлечения поляка обвиняемым к делу пропаганды — даже из учащейся молодежи; затем с 1878 года социальное движение появилось в среде воспитанников учебных заведений в Варшаве, и с означенного года уже стали фигурировать в дознаниях о пропаганде и лица польского происхождения, но преимущественно западных губерний России и по преимуществу из учащихся. Хотя поляки и несочувственно относятся к социализму и не разделяют образа действия социально-революционной партии в смысле террористических действий, однакож к появлению социального движения в России, имеющего в основании подрыв и разрушение государственного и общественного строя в России, а также власти в государстве вообще, они относятся с известным злорадством и скрыто несомненно сочувствуют всякой русско-правительственной невзгоде, отражающейся невыгодно на общем благосостоянии государства, на экономическом и политическом положении России.

Хотя мысль о воскресении Польши и таилась в умах поляков, но она в открыто резкой форме не проявлялась даже в тяжелое смутное время, переживаемое Россиею в 1878–1880 г. от действий социал-революционеров.

Легкое брожение умов поляков было несколько заметно в 1880 году во время празднования юбилея польского писателя Крашевского в Австрии. Действия вообще австрийского правительства в минувшем году и публичные речи, содержанием

своим направленные прямо против России, имеют сильный отголосок в польских умах и складывают дела несомненно не в пользу русского правительства.

Польское население Киевской губернии мало имеет вообще общего с русским населением, нерасположение и ненависть поляков к русским отнюдь не ослабла, и вряд ли когда-либо сроднятся и сблизятся эти два элемента между собою.

Поляки в отношении русских, хотя держали себя сдержанно и осторожно, но по временам, и в последующее время в особенности, давали понять русским, что политическое брожение в Галиции идет в пользу и находится на стороне польского дела.

1878, 1879 и 1880 годы были тяжелы и крайне исключительны не только для г. Киева, но и всей России. Злодейские подвиги русской социально-революционной партии, в которых видную роль играли киевские революционеры, к счастью неудавшиеся в главном, ставили в необходимость местные власти употребить всевозможные энергические меры — исключительно на борьбу с социально-революционным сообществом и движением, не только остановившим, при господствовавшем в означенные годы традиционном взгляде общества на причины возникновения в России социально-революционных идей, — ход вообще внутреннего развития, но и отзывавшимся самым тяжелым гнетом на течении обыденной жизни, а города Киева в особенности.

Не принимая на себя взятие решения вопроса во всей подробности в том смысле, какие причины значительно парализовали деятельность социально-революционной пропаганды в последнее время, я однакож не могу не прийти и к тому отчасти заключению, стоя близко к делу, что репрессивные меры имели колоссальное влияние на дух и деятельность вообще агитаторов пропаганды, а фракцию террористов — в особенности, из которых не мало было вырвано отдельных членов, выдававшихся своею активною злодейскою деятельностью и решительным характером. Это убеждение я основываю отчасти и на исторических фактах всех времен и событий, выдававшихся и сопровождавшихся террористическими действиями, которые были уняты только с помощью террора и, исходя отсюда, вывожу заключение, что террор остановлен и выбит может быть только террором.

Установившееся по-видимому за 1881 годом затишье в деятельности русских социал-революционеров, запятнавших страницу истории лучшего царствования и выразивших перед целым светом способность русского революционера, от которого отвернулись с пренебрежением даже представители социального

учения Запада, не дает однакож полного права сказать убедительно, что деятельность социальной пропаганды окончательно прекращена; напротив, она была лишь парализована и вызвала все-таки быть настороже.

XIV
Студенческие волнения в Киевском университете

Первым издателем-редактором журнала «Киевская старина»[277],издающегося в г. Киеве, был бывший директор нар. училищ Лебединцев[278], а затем землевладелец Черниговской губернии Лашкевич[279], лично хорошо мне известный, много положивший своих личных средств на издание этого журнала, человек образованный всесторонне, добрейшей души и характера. Однажды в беседе со мною он рассказал мне о положении и состоянии Киевского университета св. Владимира, в бытность его в этом университете, совпавшую с польским восстанием в Царстве Польском 1863–1864 гг. В указанные годы Киевский университет был вполне «польским», другого языка в университете не было слышно, как польский; студенты украинцы-хохлы якшались с поляками-студентами, чему способствовало украинофильское — в то время возродившееся — направление; поляки и хохлы считали себя или причисляли к «угнетенным» русскою народностью, почему держали себя обособленно от русских студентов-великороссов. В Киевском университете польская обособленность и польское направление в сильной степени поддерживались державшимися в университете польскими студенческими кружками, сильно сплоченными между собою тем, что таковые поддерживались извне окончившими курс студентами, которые никогда не выходили из кружков, образовавшихся еще в гимназиях; кружки эти в университете носили особые местные названия, под наименованием: виленских, минских, ковенских и других. Завязь эта кружков была сильна в университете и сильно поддерживалась, повторяю, извне, так как окончившие университетский курс, где бы ни находились, из кружков не выходили, а продолжали оставаться их членами, внося членский взнос для поддержания беднейших польских студентов в материальном отношении, польской литературы и вообще польского направления во всем в самом здании университета. Поляки-студенты, по словам Лашкевича, совершенно завладели Киевским университетом, который перестал быть русским настолько, что начались уже внутренние брожения и недовольство среди русского и малорусского студенчества против поляков-студентов, которые своими приемами и резкими обхождениями оскорбляли на каждом шагу все русское, к коему относились презрительно, надменно, дерзко. Наконец, всему

этому был положен конец после раздавшихся громовых статей в издававшейся газете «Киевлянин» профессора Шульгина, по поводу возникшего в то время продолжавшегося польского восстания. В университете польская партия студентов в торжественном зале разбила золотую рамку, в коей помещен был рескрипт императора Николая I об открытии университета св. Владимира, и изорвала рескрипт, — тогда студенты-великороссы и малороссы, забыв в момент вражду между собой, набросились в зале на студентов-поляков и жестоко последних исколотили, после чего Киевский университет перестал быть «польским», и уже на другой день и в последующее время в университете польский язык стал уже не слышан в здании университета, и надменность поляков-студентов над другими народностями перестала существовать. Это рассказ очевидца того времени, студента Лашкевича, очень правдивого и скромного человека по натуре.

Киевский университет и беспокойное в нем состояние а также беспорядки до введения автономии университетской в последующие годы поддерживались общим развившимся социально-революционным движением в России и образованием среди студентов особых партий, земляческих кружков и, главным образом, еврейско-польских кружков, вносивших всевозможные волнения, забастовки и обструкции. Таково положение было университета и ко дню празднования 50-летнего юбилея университета св. Владимира в 1884 году. Студенчество в общем занятиями и наукою всецело пренебрегало, занималось исключительно политикою и устройством внутренних беспорядков на всевозможной почве, что поддерживалось извне политическими агитаторами, свободно входившими в здание университета и его аудитории и кабинеты. Профессора университета в большинстве относились пренебрежительно к занятиям и на лекции в большинстве не являлись даже, что значительно расшатало университет и учащуюся в нем молодежь, которая также стала пренебрежительно относиться к науке, как и гг. профессора к своим обязанностям, через что явилась полная распущенность студентов, не знавших границ своему своеволию в университетском здании и на улицах. Введенные в университеты — ограничительный процентный прием евреев, инспекция — ничему не помогли и ничто не восстановили, а введенная автономия окончательно разрушила университеты во всем, и они функционировать перестали на долгое время.

Воспитанники гимназий, поступившие в университет, были распропагандированы в противоправительственном духе и направлении еще в гимназиях и совершенно ни к чему

подготовлены не были, в большинстве были не только полуграмотные, но безграмотные на русском языке, которого совершенно не знали; приходилось мне производить допросы этих гимназистов-политиканов, поступивших в университет, и они не в состоянии были не только изложить свои показания на бумаге, но даже не могли писать под диктовку и делали такие ошибки в правописании, что в ужас становился от мысли, что этот студент, бывший гимназист, мог получить гимназический аттестат. Видимо, что в гимназиях ни на что не обращалось внимания, и преподавание шло плачевным порядком, если не сказать более. Большинство студентов университета совершенно далеко стояло от получения высшего образования и к науке относилось более чем презрительно. Мне приходилось знать массу студентов лично, но весьма немногие из них относились серьезно к науке и занимались; большинство же только числилось в числе студентов, находя это даже выгодным в материальном отношении, через получение денежных пособий, а другое большинство ровно ничего не делало и время проводило праздно, при этом непременно занималось политикою, что считалось молодцоватостью и непременным условием пребывания в студенческой среде, в которую врывались агитаторы и вносили полное разложение студенчества как в товарищеском обществе, семейном быту, так и по отношению к науке.

Перед днем празднования университетского юбилея в 1884 году университет был полон прокламаций от всевозможных политических партий и фракций, ведших к беспорядкам студентов и рекомендовавшим освистать высочайший рескрипт, которым в ознаменование 50-летнего юбилея жаловалось 200 тыс. рублей на устройство клиник при университете[280]. Подобного содержания прокламации несомненно вели студентов к беспорядкам в здании университета в день юбилея, а попечитель учебного округа Голубцов[281] и университетское начальство во главе с ректором университета Ренненкампфом[282], ставились в невозможное положение в разрешении вопроса — допустить ли в день юбилея в здание университета всех студентов, или же не допустить вовсе в университетское (здание) студентов, или допустить лишь часть студентов по рекомендации профессоров и других известных университетскому начальству лиц. Генерал-губернатора генерал-адъютанта Дрентельна[283] в Киеве не было, он прибыл в Киев вечером накануне юбилейного дня. Киевский губернатор С. Н. Гудим-Левкович, для совместного разрешения этого вопроса, пригласил себе на совещание попечителя Голубцова, ректора Ренненкампфа и меня. На совещании этом было постановлено доложить обо всем генерал-адъютанту

Дрентельну и поступить согласно его указаниям и решению.

Накануне юбилея, вечером, Дрентельн прибыл в Киев, был встречен нами на станции железной дороги, и в помещении императорской половины было ему доложено обо всем, и прокламациях, и испрашивалось, как поступить со студентами. При этом попечитель Голубцов категорически доложил, что он поставлен в затруднительное положение, как поступить, что делать в случае беспорядков в университете и в особенности в тот момент, когда он будет остановлен при чтении высочайшего рескрипта свистом студентов, на что имеются указания в прокламациях, распространенных среди студентов. На все эти доклады генерал-адъютант Дрентельн не возразил ни слова, повернулся, пошел к экипажу, сел и уехал домой. Докладчики, попечитель, ректор остались на месте и обратились к губернатору с вопросом, как поступить и что делать? Губернатор ответил, что молчание генерал-губернатора выражает, что он предоставляет им право поступить в этом деле по их непосредственному усмотрению. Голубцов ответил, что в таком случае он не решится впустить в здание университета всех студентов, а [впустит] лишь тех, которые будут рекомендованы с благонадежной стороны, что и было сделано в день юбилея по распоряжению попечителя Голубцова, а вовсе не ректора Ренненкампфа, на голову которого впоследствии накинулись общие порицания и бедствия за невпуск в здание университета в день юбилея всех студентов, чрез что произошли последующие беспорядки.

День юбилейного акта[284] прошел сравнительно благополучно; насилия студентов, не впущенных в здание университета, на улице не сопровождались ни драками, ни ранениями, ни кровью. Большая толпа студентов, стоявшая на Бибиковском бульваре, имевшая в руках камни, поленья дров и яблоки, пыталась лишь прорваться в здание через сильный полицейский наряд, поддержанный войсками, но не достигла этого, была удержана, но проезжавших на акт должностных лиц ругала и бросала предметы: так, в карету генерал-губернатора был брошен камень, на что генерал-адъютант Дрентельн пригрозил пальцем; в карету попечителя Голубцова было брошено полено от дров, но ни камень, ни полено не попали в генерал-адъютанта Дрентельна и Голубцова. Проезжавший же в университет обер-прокурор синода Победоносцев[285] был освистан толпою студентов, а брошенный в него предмет не долетел до экипажа.

Юбилей в здании прошел относительно благополучно, но беспокойно для присутствовавших, ожидавших ежеминутно врыва в помещение студентов, рвавшихся через цепь городовых и войск.

Во время произнесения речи ректором на завтраке и поднятия бокала за здравицу студентов, стоявший около генерал-губернатора чиновник генерал-губернаторской канцелярии, бывший студент Киевского университета, сын не безызвестного в Киеве художника, Рабчевский, добавил: «За студентов, стоящих на улице», и тотчас же выбежал из университета. Генерал-адъютант Дрентельн приказал мне задержать его и выдержать под арестом.

Этим день юбилея и окончился днем, но вечером того же дня студенты и толпа, пользуясь темнотою, подойдя к квартире ректора Ренненкампфа на Кузнечной улице, произвели нападение на дом, выразившееся лишь в разбитии стекол и бросанием в них камнями внушительных размеров, кои падали в квартиру, где находилось семейство Ренненкампфа и приглашенные на обед профессора Романович-Славатинский, Сидоренко[286], Субботин[287] и др.

Получив сведения о собравшейся большой толпе у дома ректора, я заехал к губернатору, прося вызвать полицмейстера Мастицкого для принятия мер, так как полученные мною сведения сопровождались указаниями на готовившееся ночное нападение на дом Ренненкампфа, причем доложил губернатору, что полицмейстер Мастицкий, несмотря на сделанное ему при мне категорическое указание обеспечить дом и квартиру Ренненкампфа от пожара и нападения, не предупредил этого, и дом Ренненкампфа и ворота накануне юбилея были вымазаны дегтем и каким-то составом. Прибывший полицмейстер Мастицкий отстранял возможность нападения на дом, и при мне докладывал, что это неверные сведения и указания, клонящиеся лишь к запугиванию Ренненкампфа, которого студенты ненавидят. Но губернатор Гудим-Левкович приказал полицмейстеру ехать к дому Ренненкампфа и там находиться. Только что полицмейстер выбыл из губернаторского дома, как к губернатору прибыл в квартиру генерал-губернатор Дрентельн и, пригласив меня в кабинет к губернатору, сказал, что только что у него было несколько профессоров университета, привезших каменья, коими бомбардировался дом Ренненкампфа, и в крайне раздраженной форме выражавших ему неудовольствие по поводу нападения на дом и бросания камней вовнутрь квартиры.

Дрентельн растерянно спрашивает:

— Что делать?

Я отвечал, что я тотчас же поеду в дом ректора для принятия предупредительных мер во избежание убийства, каковое может быть в виду наступающего уже ночного и притом темного времени.

Дрентельн ответил:

— Поезжайте и скажите Ренненкампфу, что я тоже тотчас же к нему приеду успокоить его и семейство и выразить сожаление по поводу случившегося.

При отъезде моем из дома губернатора, ввязался ко мне в экипаж почти непрошенным состоявший для поручений при генерал-губернаторе подполковник Ф. Ф. Трепов, бывший затем киевским губернатором, а ныне член государственного совета.

По приезде к ректору, в квартире оказалось не мало разбросанных камней на полу, окна выбиты, семейство и все находившиеся в квартире, а также и профессора были в крайне возбужденном состоянии, в каковом находился и Ренненкампф. Все присутствовавшие обвиняли администрацию и полицию, не предупредившую открытого нападения на дом. Я, насколько мог, успокаивал, передал слова Дрентельна, который должен прибыть тотчас же, на что получил ответ от всех, что они его не допустят войти в квартиру, выгонят вон.

Когда я услыхал и увидал подъезд к дому экипажа Дрентельна, я обратился энергично к Ренненкампфу, возражая, что он, как хозяин дома и квартиры по русскому установившемуся обычаю, обязан и должен принять генерал-губернатора как гостя, с подобающим к нему уважением как к должностному лицу и частному. Принять после этого объяснения Дрентельна Ренненкампф согласился, другие присутствовавшие не возражали, и Дрентельн был принят мягко, но холодно.

При этом произошел следующий инцидент. Когда Дрентельн проходил по залу мимо разбитых окон и камней, то профессор Субботин, находившийся не в пьяном, но лишь в возбужденном состоянии после обеда и нападения на квартиру, выразил Дрентельну неудовольствие в резких словах по непринятию мер предупреждения администрациею и полициею, на что Дрентельн вопросил:

— А кто вы такой?

Субботин ответил, что «профессор».

Дрентельн в крайне дерзко-резком тоне ответил:

— Не профессор ты, а последний здесь человек.

Субботин бросился к Дрентельну, но я успел его отвести в сторону, а затем в залу. Дрентельн же вместе с Ренненкампфом и попечителем последовали в гостиную комнату, где в шубе вели разговор, перешедший на более мирный и успокоительный.

При приближении к Дрентельну Субботин произнес в ответ Дрентельну оскорбительные слова и выражения ранее того, как я его удалил в залу, и стал в дверях между гостиной и залой, чтобы не допустить до личного столкновения. Обернувшись лицом в залу, вдруг вижу момент: названный Трепов подходит сбоку к

Субботину и со всего размаху наносит кулаком удар в глаз профессору Субботину, добавляя:

— Вот тебе за нанесение оскорбления генерал-губернатору!

Субботин в ответ начал наносить удары Трепову по лицу сначала кулаками, но удары, по-видимому, были парированы Треповым руками, сжатыми в кулаки, после чего Субботин схватил стул, которым стал наносить удары Трепову, также парированные Треповым руками.

Дерущихся разняли; я отвел к окну Субботина, по просьбе которого провел через гостиную комнату во внутренние покои для приложения компрессов, взяв предварительно слово с Субботина, что он, проходя гостиную, не затронет Дрентельна, что он и выполнил.

Оставив Субботина на попечение семейства Ренненкампфа, я отправился в залу, из коей удалил в прихожую Трепова и адъютанта Дрентельна Папа-Афонасопуло, которых присутствовавшие профессора бранили и поносили, — и запер дверь из прихожей, в залу, с целью разъединения бранившихся.

Затем, когда все несколько успокоилось, я пошел в гостиную и доложил Дрентельну о случившемся. Дрентельн схватился за голову в отчаянии, сказав, что Трепов усложнил ему все дело ударом, нанесенным в лицо профессору Субботину.

Дрентельна окружили профессора, ректор и попечитель и стали упрекать его за действия подчиненных ему лиц в доме ректора; объяснения вскоре смягчились, но когда Дрентельн, войдя в залу, подал руку Трепову и поблагодарил его за то, что он заступился, постоял за него, то вновь произошло смятение среди присутствовавших, так как профессора стали резко упрекать Дрентельна за то, что он поощряет своих подчиненных, расправляющихся кулаками в чужом семейном доме.

С большим трудом удалось мне вывести без оскорбления вновь генерал-губернатора из дома Ренненкампфа, а также Трепова, после чего я на некоторое время оставался в доме Ренненкампфа, как для успокоения, так и для ввода чинов полиции и понятых в квартиру для составления протокола о разгроме квартиры, так как Ренненкампф не желал впускать чинов полиции в свою квартиру.

В ночь потребовал меня к себе генерал-губернатор, у которого я застал губернатора Гудим-Левковича, и просил меня вновь доложить ему подробно, как все произошло, что мною и было сделано, так как я был ближайшим очевидцем всего этого грустного инцидента. Причем Дрентельн неоднократно брался за голову в отчаянии, благодарил меня за то, что я содействовал отстранению от него Субботина, приближавшегося к нему, и

жестоко порицал поступок Трепова, сопровождавшийся кулачною расправою с Субботиным.

И действительно, было что порицать: подойти к человеку неожиданно сбоку, без предупреждения нанести кулаком с размаху в глаз удар, — это что-то ужасное, — и затем самому принять оборонительную позицию, ввиду нападения потерпевшего. Как Субботин не лишился глаза от удара Трепова, — это что-то непонятное по своим последствиям.

Субботин вызвал Трепова на дуэль, которая окончилась ничем и не состоялась.

Через несколько времени Трепов приезжал меня просить, чтобы я ему выдал удостоверение в том, что он не получил в сдачу удара по лицу от Субботина, в чем я ему отказал, признавая неудобным выдавать какие бы то ни было бумажные удостоверения в подобных случаях по моему служебному положению во-первых, а, во-вторых, признавал невозможным удостоверить на бумаге полученное оскорбление действием г-ном Субботиным от Трепова. Затем Дрентельн получил письмо от военного министра Ванновского, которое было прочитано мне Дрентельном, вызвавшим меня для показания и установления того, получил ли Трепов от Субботина удар в лицо после нанесения удара последнему. В этом письме было выражено, что вследствие дошедших сведений до государя императора Александра III, что подполковник Трепов получил оскорбление действием от Субботина, а потому оставаться на службе и носить военный мундир не может, и что поэтому [необходимо] допросить меня по делу, как ближайшего очевидца всего происшедшего. Я показал Дрентельну, что наносимые удары в ответ Субботиным Трепову кулаками и стулом я видел, как равно и видел то, что удары парировались Треповым руками, стиснутыми в кулаки, но утверждать то, что удары Субботина касались лица Трепова, не могу еще и потому, что на лице Трепова следов нанесенных ему ударов не было. Так Трепов и остался на службе. Было основание предположить, что сведения об этом были доведены до государя Победоносцевым, бывшим во время этих беспорядков в Киеве[288].

После всех этих происшествий Дрентельн был в страшно удрученном состоянии, метался в разные стороны, то благодарил Трепова, то упрекал его в том, что он своим проступком осложнил его служебное положение.

Ректора же Ренненкампфа Дрентельн возненавидел до глубины души и относился к нему даже мстительно, несмотря на то, что до юбилея Дрентельн был в близкой дружбе с Ренненкампфом, и я сам неоднократно видел, как они

разгуливали по залу генерал-губернаторского дома, обнявшись. Но после университетского юбилея 1884 года, Дрентельн и Ренненкампф видеть друг друга не могли, прекратили все сношения и расстались врагами[289]. До чего доходила ненависть Дрентельна и Ренненкампфа, переходившая в мстительность по службе, приведу один знаменательный факт из моей службы.

В 1887 году, после готовившегося покушения 1 марта на жизнь императора Александра III посредством взрывчатых снарядов, предупрежденного задержанием в С.-Петербурге на Невском проспекте и вблизи Аничкова дворца, откуда император должен был выехать и следовать по Невскому проспекту в Петропавловский собор на панихиду по императоре Александре II, — метальщиков со снарядами, в числе которых большинство было студентов С.-Петербургского университета, в среде коих и образовалось тайное террористическое сообщество, поставившее целью убийство государя[290], — бывший министр народного просвещения Делянов[291] решил очистить все университеты через увольнение из оных всех тех студентов, которые в то время, состоя студентами, были привлечены обвиняемыми вообще по политическим делам. Таких студентов в Киевском университете было 38 человек, о которых я просил лично, словесно, ректора университета Ренненкампфа не увольнять их из университета, в виду молодости их лет, увлечения и того, что они дали мне слово более политикою не заниматься и изменить свое направление. Ренненкампф охотно согласился и удовлетворил мое ходатайство за этих студентов, и они оставались в университете, быв отданными лишь до разрешения о них дел под надзор полиции. В то время существовало распоряжение по министерству просвещения, чтобы студенты, привлеченные по политическим делам по сообщению об этом университетскому начальству местными начальниками жандармских управлений, немедленно бы исключались из числа студентов, а начальники жандармских управлений обязаны были в течение семи дней со дня привлечения студента обвиняемым по политическому делу сообщать университетскому начальству. Но этого распоряжения я не держался строго, всегда медлил сообщением, и когда многие и очень многие студенты сознавались в своих проступках, выражали раскаяние, обещая впредь не заниматься политическими делами и отстраниться от политики, то я о таких студентах и о привлечении их обвиняемыми и об отдаче под надзор полиции до разрешения о них дел вовсе не сообщал бумагою университетскому начальству; а говорил лишь словесно, прося оставить привлеченного в числе студентов, принимая при этом всю ответственность на себя за

несообщения и за последствия.

Все без исключения бывшие ректоры университета выполняли всегда охотно мои ходатайства в подобных случаях, и должен сказать, что и студенты, давшие мне честное слово, выполняли его до выхода из университета, кончали университетский курс, благодарили меня не только при выходе из университета, но и в последующие годы заезжали ко мне, бывая в Киеве, да и не только студенты, но и их родители и близкие родственники, которых я мог бы ныне назвать всех по фамилиям несколько сот человек за пребывание мое в Киеве в должности начальника жандармского управления более четверти века, так как именные списки этих студентов сохранились у меня.

В конце 1887 года приезжает ко мне ректор университета Ренненкампф, крайне взволнованный, и говорит, что он получил выговор от министра Делянова за неувольнение из числа студентов 38 человек вышеупомянутых, привлеченных обвиняемыми в государственном преступлении, о чем сообщил министру генерал-адъютант Дрентельн, и что он поставлен в необходимость донести министру, что эти 38 студентов остались в числе студентов по моей просьбе, и о них я ему не сообщал. Дав полное право ректору сообщить в таком смысле, я просил обождать увольнением студентов до переговоров с генерал-губернатором Дрентельном и до разрешения этого дела моим непосредственным начальством в С.-Петербурге, куда я на днях же выеду по этому же делу ходатайствовать за этих студентов, которым я в свою очередь дал слово, что они останутся в университете.

Прибыв к генерал-губернатору и доложив об этом, я получил от генерал-адъютанта Дрентельна буквально в таком смысле ответ:

— Я очень хорошо знал и знаю, что эти студенты по вашему ходатайству остались в университете, но я сообщением министру Делянову об этом желал сделать неприятность Ренненкампфу по службе. Я ничего не имею против оставления этих студентов в университете и вашего ходатайства за них в С.-Петербурге.

По приезде в Петербург у бывшего товарища министра внутренних дел, заведывавшего полициею, и командира корпуса жандармов генерала Оржевского и директора департамента полиции Дурново я встретил полное сочувствие в моем ходатайстве, как равно и у бывшего министра внутренних дел, шефа жандармов графа Д. А. Толстого, который, разрешая мне ходатайство у министра Делянова, присовокупил, что вряд ли я только успею в этом, потому что Делянов об очистке университетов уже доложил государю и в настоящее время

борется неприятною перепискою по этому предмету с генералом Оржевским и департаментом полиции, которые признают, что через очистку университетов от неблагонадежных студентов усилится прилив молодежи в революционную среду.

От графа Д. А. Толстого я поехал к министру Делянову, который, как всегда, принял меня изысканно любезно, но вначале в просьбе мне отказал, а затем, после настоятельных моих убеждений, согласился сделать это следующим путем и не иначе, как через государя, которому он уже доложил об очистке университетов. В основание моего ходатайства я выставлял, что мною студентам дано слово, которое изменять не приходится, что самое главное, — по делу покушения на жизнь государя ни один из студентов Киевского университета не причастен, и что после увольнения 38 студентов вольются вновь в преступное сообщество озлобленными.

Уступчивый, добряк по характеру, министр Делянов, всегда относившийся ко мне лично с уважением, перешел к следующему рассказу: что у государя он не имеет особых назначенных дней и часов для доклада, а когда встречается необходимость в докладе, то испрашивает на то разрешение государя особою запискою, и что, быв нередко милостиво приглашаем императрицею на утренний кофе, пользуется иногда докладом государю по небольшим делам в то время, когда государь иногда выходит откушать кофе, и что на завтра он получил приглашение императрицы, и что, если выйдет государь, то он доложит о моем ходатайстве, но с тем, чтобы я изъявил согласие на то, чтобы он мог доложить государю, что ходатайство вызывается моею инициативою, и я принимаю на себя ответственность за этих студентов. Я изъявил полное согласие на это предложение и за результатом должен был пожаловать к Делянову в тот же день в два часа.

Явившись к Делянову, получил от него ответ такой, что государь, выслушав доклад при императрице, изволил высказать: «что раз начальник жандармского управления ходатайствует, просьбу его нужно выполнить». Таким образом вышеупомянутые студенты остались в университете и окончили курс, с чем меня и поздравил И. Д. Делянов. Граф Д. А. Толстой выразил мне большое удивление на результат моего ходатайства, но отнесся к результату весьма сочувственно.

Вскоре после состоявшегося распоряжения в отношении приема в гимназии и университеты евреев с процентным ограничением министр просвещения Делянов прибыл в г. Киев, где я ему откровенно доложил о громадном недовольстве местного еврейского населения этим распоряжением, причем

совершенно откровенно высказал ему и свое личное мнение, по которому я не разделял это распоряжение и не разделял его по следующим моим личным воззрениям и доводам, кои доложил Делянову.

Они состояли в следующем: во-первых, это распоряжение, не носившее характера закономерности, являлось как бы законом, имевшим обратное действие в том отношении, что родители, поместившие до этого распоряжения уже своих детей-евреев в гимназии, подготовили им путь для получения высшего образования, а между тем из-за неприема их в высшие учебные заведения они должны изменить этот путь направления детей, которых из гимназий не представляется никакой возможности вернуть и направить на путь ремесленного, рабочего труда и т. п.; во-вторых, образованный еврей срывает с себя массу недостатков таких, кои присущи еврею по еврейскому закону, талмуду, и эти недостатки во время прохождения им курса среди других национальностей невольно смягчаются, откидываются и даже совсем исчезают от постоянных сношений и нахождения специально вне еврейской среды; в-третьих, евреи, не поступившие в высшие учебные заведения для окончания образования, выедут в заграничные университеты, где будут вступать в особые политические кружки и затем безусловно вернутся в Россию, пропитанные недовольством до мозга костей и политикою, направленною против всего русского и правительства в особенности, и явятся в Россию готовыми революционерами; в-четвертых, студенты евреи, получившие высшее образование за границею, составят опытные кадры для ведения революционного движения в России и всецело примкнут к образовавшимся уже в России революционным сообществам, борьба с которыми будет в высшей степени затруднительна для правительства и, в-пятых, к общему неудовольствию евреев за неравноправность, уже существующую присоединится еще естественное недовольство за недопущение к высшему образованию в России.

В особенности и настоятельно я подтвердил министру Делянову о том, что процентное ограничение поведет безусловно к усилению революционного элемента в России и в особенности через евреев, озлобленно отнесшихся к процентному ограничению по приему их в учебные заведения. На все мои доводы Делянов предложил мне ходатайствовать за тех евреев кои не попадут в университет, но будут известны мне, [как] и их семейства с хорошей и благонадежной стороны, и [заявил,] что он доложит государю, сославшись на меня, о смягчении этого распоряжения тем, что будет разрешено принимать евреев в учебные заведения сверх процентов по особым ходатайствам и

через наводимые справки. Я на это отвечал, что этим дополнительным распоряжением мера превратится в полумеру, каковая вызовет безусловно не только еще больше недовольство по несправедливости своей, но еще может вызвать и злоупотребления при приеме в учебные заведения евреев, что, в действительности, и было впоследствии.

Впоследствии говорил мне министр Делянов, что на одном из докладов императору Александру III, государь, прочтя об огромном числе русских евреев, находившихся за границею для получения высшего образования, изволил положить резолюцию, что на этот предмет следует обратить особое внимание.

Во время приезда в Киев товарища министра народного просвещения Зенгера[292], последний почтил меня своим посещением. Расспрашивая о местном Киевском университете, в коем происходили в то время большие беспорядки и волнения, он между прочим коснулся евреев, поступающих в гимназии, и я ему откровенно сказал, что по достоверным сведениям, по сведениям, не подлежащим никакому сомнению, поступление евреев в гимназии сопровождается громадным взяточничеством гимназического начальства с родителей и родственников за прием в число учеников и доходит от 300 до 700 рублей с ученика, что, в общем, страшно озлобляет евреев, наплыв которых во всевозможные противозаконные общества и тайные сообщества идет с невозможною быстротою, натиском и большою численностью, и что поэтому необходимо принять неотлагательные меры пресечения этого по министерству просвещения во что бы то ни стало, в особенности по г. Киеву.

На это я получил короткий, но знаменательный от Зенгера ответ, который останется у меня в памяти навсегда:

— К сожалению, это везде так делается.

На этом разговор и был закончен, и Зенгер поехал в университет на лекции, куда я ему не советовал ехать в виду враждебно настроенного студенчества, но он совет не принял, явился на лекцию и, вместе с попечителем Вельяминовым-Зерновым и ректором, был из аудитории удален студентами, бросившимися на аудиторию и бранью, криками, свистом и пением песен провожавшими по коридорам до помещения университетского совета. Зенгер, попечитель Вельяминов, ректор Фортинский[293], профессор, читавший лекцию, шли по коридорам с поникшими главами, безответно.

Боже мой, что делалось в Киевском университете до введения автономии! Это что-то ужасное, что не поддается описанию. Храм науки превращен был в сбор не студентов, а людей, у которых ничего святого и человеческого не было. Мне пришлось, по

распоряжению генерал-губернатора Драгомирова, всего однажды очистить здание университета от собравшихся в нем на ночь 800 человек студентов в двух аудиториях, где они расположились на ночлег. Пришлось выполнить возложенное на меня поручение, только настойчивостью и решительностью исполнить его без арестов, без насилий, без кровопролитий. Выдержать даже все нападения студенческой толпы, не только возгласы, крики и ругательства, стоило больших нравственных сил и воздержанности и такта, коими только и пришлось совершить удаление такой массы из здания университета без боя и без схватки войск, в университетском здании находившихся.

От нападения студенческой толпы я был предупрежден лихим распоряжением офицера, казака-уральца, который грудью с обнаженною шашкою защитил меня одновременно с 12 уральцами, защитившими меня вынутыми по команде офицера обнаженными шашками от нападавших.

Государь император Николай II при представлении изволил выразить мне благодарность, что очищение здания университета от студентов я произвел без насилий и кровопролития, причем его величество изволило признать, что я подвергался большой опасности, каковая была отстранена уральцами[294]. Это поручение генерал-адъютанта Драгомирова я выполнил, и вот почему я, а не губернатор Ф. Ф. Трепов, на котором лежала всецело обязанность по этому делу потому, что в здание университета, по просьбе учебного начальства, были введены полиция и войска, но не жандармы. Генерал-губернатор вызвал для возложения этого поручения по телефону губернатора Трепова, который отозвался болезненностью, и тогда возложено было на меня и вице-губернатора барона Штакельберга, которому Драгомиров не доверял, вообще недолюбливая его. Когда я и Штакельберг перед отправлением в университет по дороге заехали к губернатору Трепову, что было в 8-м часу вечера, то застали в квартире его гостей, а в кабинете — Трепова, игравшего в карты с старшим председателем судебной палаты Курелицким и уездным предводителем дворянства Г. И. Вишневским.

Ввод в здание университета полиции и войск для очищения университета от 800 человек буйствовавших студентов, расположившихся ночевать в здании университета, куда принесены были студентами едомые вещества и водка, и где разбиты стекла в аудиториях и коридорах, сопровождался предварительным заявлением генерал-губернатору Драгомирову ректора, инспектора, причем был приглашен и и. д. попечителя Извольский, впоследствии товарищ министра просвещения и обер-прокурор синода, о том, что дальнейшее пребывание их в

здании университета невозможно, и что кабинетам грозит разрушение, как равно и библиотеке. Об этом открыто высказывались ректор и инспектор, г-н же Извольский присутствовал молчаливо, добавляя вполголоса, что ему ничего не известно, что делается в университете, что он только что вступил в исправление должности попечителя, уехавшего из г. Киева в Полтавскую и Черниговскую губернии, и что о положении университета могут свидетельствовать ректор и инспектор студентов, но не он.

Вот каково было положение университета и других учебных заведений Киева и учебного округа во время попечительства Вельяминова-Зернова и его помощников, графа Мусина-Пушкина и Извольского. Первый по старости, прирожденной лени ни во что не входил и не знал, что делается в учебных заведениях города Киева; при этом он от природы обладал таким спокойствием и хладнокровием, что поражало всех. Он, как только слышал о начавшихся каких-либо беспорядках и волнениях в учебных заведениях, тотчас же выезжал из Киева по губерниям вверенного ему учебного округа, а его помощники ровно ни во что не входили и не знали, что делается.

Самое печальное положение Киевского учебного округа было во время попечительства Вельяминова-Зернова и его помощников, графа Мусина-Пушкина и Извольского; они учебных заведений почти не посещали, что творилось в них не знали и совершенно делом учебным не занимались. К зданию университета и близко не подходили и не бывали в нем хотя бы из простого любопытства, а о посещении и слушании лекций профессоров университета никогда и не подумывали. Узнавали о происшествиях от ректора и директоров гимназий, которые действовали без всякого руководства и надзора начальства учебного округа, — вот почему в киевских гимназиях и воцарились злоупотребления по части приема в них евреев.

Ректора же университета и инспектора у студентов не находили никогда ни в чем поддержки и были предоставлены самим себе по части борьбы с насилиями, беспорядками и волнениями среди студентов, являвшихся в университет. Но ректора и инспектора представляли из себя безусловно достойных людей и честных тружеников, изнывавших под студенческим гнетом.

Таково положение Киевского университета до введения автономии, а уж по введении последней университет обратился бог знает во что; коридоры и аудитории покрыты стадами мастеровых, рабочих, хулиганов, евреев и евреек со всего Подола, из которых и составлялись митинги день в день со

всевозможными картинами, не поддающимися описанию. Очевидцы мне говорили, что все здание университета, а главным образом коридоры, наполнены были нечистотами, грязью и смрадом настолько, что не представлялось возможности быть в этих помещениях без омерзения. В этом более всего виноват генерал-губернатор Клейгельс, который, зная о невозможных творящихся безобразиях в здании университета, о митингах, имевших безусловно политический характер, на которых в открытую раздавались прокламации к бунту самого возмутительного содержания, пользуясь властью на основании положения об усиленной охране, не только не закрыл университета, но допустил в нем, в центре города, безобразия, превосходящие всякие выражения, через что власть окончательно пала в глазах всех, а учащейся молодежи в особенности.

Митинги народные в здании университета и происходящие безобразия в нем были прекращены постановлением совета профессоров через закрытие самого университета, но не административною властью, допустившею политические сборища, — митинги с произнесением речей возмутительно-революционного содержания и [призывами] даже к бунту с кафедр представителями всевозможных тайных революционных партий и сообществ. И киевская администрация, во главе с генерал-губернатором Клейгельсом и губернатором благодушнейшим Саввичем, только взирала на все, все зная, молчала и отговаривалась незнанием. При таком направлении и абсолютном бездействии власти естественно, что революционеры взяли верх над всем и вся и действовали вовсю безнаказанно, открыто, нахально, дерзко, и административная власть, наравне с судебной, пала надолго, безвозвратно. Прокурор киевской судебной палаты Лопухин олицетворял бездействие, сопровождавшееся ленью и ровно ничегонеделанием и незнанием ни о чем. Вот какое положение было властей в Киеве пред объявлением манифеста 17 октября 1905 года.

XV
М. И. Чертков. — М. И. Драгомиров. — И. М. Баранов. — М. Т. Лорис-Меликов

В тяжело-смутное время, переживаемое Россиею в период времени от 1879 года и в последующие годы, сопровождавшиеся также политическим террором, власти представляли из себя стойких и надежных людей, из рук которых власть никогда не выпускалась твердостью и настойчивостью, и власть уважали и боялись ее.

В Киеве стоял твердо на своем посту генерал-губернатор, генерал-адъютант М. И. Чертков, монархист по убеждению и преданный беззаветно престолу. На долю его досталось подписать пять смертных приговоров в г. Киеве, перед коими он не останавливался, но говорил, что, утверждая смертный приговор, он в то же время себе подписывал смертный приговор от революционеров, а все-таки конфирмовал приговор стойко, не выражая боязни за последствия. Таким же стойким и твердым был Чертков и во всех своих распоряжениях, в особенности касавшихся политической части. Во время Черткова административная власть стояла высоко, незыблемо твердо; при Дрентельне тоже, а при генерал-губернаторе графе А. П. Игнатьеве власть заметно стала падать и падать через его неустойчивость в характере, неоткровенность, видимую скрытность, сопровождавшуюся нерешительностью, угодливостью, несправедливостью, переходившею не только в неправду, но даже в ложь, которая довела до того, что ему никто и ничему не верил. Он был богат обещаниями на все, но никогда никому ничего не сделал, все и вся валил на других, а сам в сторону. Не было случая, где бы выразилось бесповоротное его мнение и суждение, и где бы он принял на свою ответственность хоть самое ничтожное дело по последствиям. При обращениях к нему всем обещал все сделать, но никогда ничего не делал, сваливая причины на других, причем обещания сопровождались поцелуями, объятиями, любезностями, но никогда правдою. Лживость и скрытность сопутствовали ему во всех делах и сношениях. Отношения его с командующим войсками округа генерал-адъютантом Драгомировым были невозможно дурные, что, впрочем, стояло главным образом в зависимости от Драгомирова, человека невозможно дурного характера, хама по душе, грубой, невоспитанной натуры. Не только Драгомиров ругал графа Игнатьева в лицо, что было на маневрах в г. Ровно и

в Киеве, но однажды в Киеве бросился на него с палкою, от которой Игнатьев едва ушел, что было на станции железной дороги при отъезде великого князя Михаила Николаевича.

При генерал-адъютанте Драгомирове власть губернаторская окончательно пошатнулась и пала, чему, главным образом, было причиною постоянное нетрезвое его состояние; он был безусловно алкоголик, и алкоголизм делал его невозможным и отменно дерзким человеком; не было ни одного учреждения в Киеве, в котором он не оскорбил бы кого-либо и совершенно напрасно словесно или особыми хамскими приемами, в высшей степени дерзкими. Войска его ненавидели, в особенности, начальники отдельных частей и генералы, которых он оскорблял постоянно, унижал в глазах подчиненных, через что и дисциплина в войсках Киевского округа заметно для каждого была павшей. При отъезде генерала Драгомирова из Киева один из начальников воинской части в присутствии многих сказал:

— Чем нам его помянуть, разве тою руготнею, какою он нас обдавал с головы до ног, мы от него не разу не слыхали ласкового слова, одну ругань и унижение[295].

Отношения генерал-адъютанта Черткова во время бытности его генерал-губернатором с начальником Верховной распорядительной комиссии генерал-адъютантом графом Лорис-Меликовым были дурные. Сложились подобные отношения вследствие назначенной сенаторской ревизии в Юго-Западном крае через сенатора А. А. Половцова, который усугублял эти отношения к худшему, быв с Чертковым до ревизии в натянутых отношениях по частным каким-то житейским делам.

К характеристике графа Лорис-Меликова, во время состояния его в вышеозначенной должности, я привожу некоторые факты о нем, по которым я имел с ним личные сношения и через других, по политическим делам. До этих сношений я графа Лорис-Меликова совершенно не знал лично, он знал меня лишь по делам и действиями моими по службе был доволен, о чем выражал мне лично и письменно.

До совершения убийства императора Александра II является ко мне в Киеве совершенно неожиданно в квартиру полковник Баранов[296], впоследствии бывший с.-петербургским градоначальником и нижегородским губернатором, состоявший при графе Лорис-Меликове, которого я совершенно не знал, и, отрекомендовавшись поспешно, по поручению его сиятельства просит меня указать на тех русских революционеров-эмигрантов, которые признаются мною особо опасными для России и которые, находясь за границею, более всего являются вредными, причем Баранов заявляет мне, что он уже имеет списки о подобных

лицах, взятые им в С.-Петербурге, но желает дополнить их еще моими указаниями, и затем из Киева едет прямо за границу с целью арестования всех этих лиц и доставления их в пределы России по поручению графа Лориса. Об этой-то командировке Баранова за границу и упоминает в своем дневнике б. председатель государственного совета граф Валуев[297].

Удовлетворив, насколько мог, требование Баранова, я ему выразил, видя в нем совершенно неопытного человека в политических делах и в установившихся международных отношениях относительно выдачи политических преступников, — что подобного поручения он никоим образом выполнить не может не только в отношении нескольких десятков лиц, но и даже одного, причем указывал на дело Гартмана, Нечаева и др., но Баранов и слышать не хотел моих доводов и оснований. [При] прощании со мною при отъезде из Киева за границу, последние слова Баранова были, что всех указанных мною эмигрантов он доставит прямо в Киев в мое распоряжение, а остальных в С.-Петербург, на что он снабжен достаточными денежными средствами.

Прошло время, и я ни одного эмигранта в Киеве не получил, а потом в бытность в Петербурге дознал, что ни один эмигрант Барановым и в С.-Петербург доставлен из-за границы не был, и что он, Баранов, совместно с каким-то проходимцем-агентом Манном, истратил за границею 75 тыс. рублей на поездку, — и никакого дела не сделали да, конечно, и сделать не могли.

Вообще Баранов был невозможный хвастун и вральман и совершенно не имевший не только понятия, но и представления как о полицейской службе, так и о розыске и сыске.

Приехал я в Петербург в 1880 году по вызову срочно телеграммою графа Лорис-Меликова. Являюсь к нему в 10 часов утра. Меня просят обождать в приемной, так как граф находится вместе с государем в Царском Селе, откуда приезд неизвестен. Приезжает Баранов и предлагает мне ехать с ним в город, говоря, что граф Лорис из Царского Села прибудет с государем только в 4 часа, добавляя, что он один только знает о времени выезда и приезда графа в С.-Петербург. Я не согласился ехать с Барановым, который [один) уехал из квартиры графа, — и не прошло полчаса времени, как коляска с графом Лорисом подкатила к подъезду занимаемого им дома, что было в 11-м часу утра, а не в 4 часа пополудни, как говорил Баранов.

Баранов, состоя градоначальником в С.-Петербурге в самое смутное, тяжелое время, отличался невозможными распоряжениями по полиции, ни к чему не ведущими и никакой пользы не приносившими; так, между прочим, он установил

заставы из войск гвардии на всех въездах в Петербург, и на этих заставах прописывали в книги паспорта со всеми подробностями всех проезжающих в столицу, что было сделано с целью задержания важных политических преступников, революционеров и социалистов. Книги дошли до ужасающих размеров, задержки проезжающих были громадные, недовольство народилось огромное, а в результате ни один не был задержан революционер, а задерживались прописку видов чухны, привозившие в столицу масло и картофель. Это обстоятельство, кажется, и послужило причиною увольнения его от должности и через жалобы гвардейских офицеров, изнемогших над прописку паспортов в книги на заставах.

Баранов прославил себя и казался большим либералом, а между тем, по его распоряжению, в секретном отделении, находившемся в его ведении, был сделан в комнате темный карцер, изображавший из себя мешок конусообразной формы, в который свет проникнуть не мог; в этом карцере помещали лиц, от коих желательно было получить откровенные показания по политическому делу, каковых никогда не достигали и достигнуть не могли. Этот карцер я не только что видел, но был в нем внутри для ознакомления с внутреннею обстановкою и порицал подобный прием.

В конце февраля месяца 1881 года прибыл ко мне в Киев посланный от графа Лорис-Меликова бывший почтовый чиновник, фамилию которого забыл, но он состоял управляющим почтовою частью в Харьковской губернии, когда граф Лорис был харьковским генерал-губернатором, а когда граф Лорис сделался начальником Верховной распорядительной комиссии, то этот почтовый чиновник был взят для поручений в комиссию или в члены ее. Этот чиновник, сколько помнится мне, по фамилии Завилейский, явясь ко мне по предложению графа, должен был узнать от меня, какие именно необходимо предпринять меры для восстановления прерогатив монархической власти по всей империи. Как всегда, все командированные из С.-Петербурга чиновники являются в провинциях к должностному лицу, от которого им нужно и необходимо получить нужные сведения, и просят прежде всего составить «записочку» по предлагаемым вопросам, а затем, по получении подобных записочек, с благодарностью уезжают. Взялся я поневоле за составление этой «записочки», на что просил несколько дней, как вдруг последовало 1 марта, весть об убийстве императора Александра II унесла из Киева названного почтового чиновника Бог весть куда, и я его никак не мог разыскать в городе Киеве; одно дознал, что 1-го же марта вечером выбыл из города, не отметившись, куда

именно. Так «почтарь» и исчез, благодаря чему мне не пришлось составлять «записочки».

В январе месяце 1881 года я получил письменно требование от графа Лорис-Меликова о принятии самых энергических мер по розыску и задержанию известного революционера Желябова[298], находившегося по сведениям Петербурга в Киевской губернии, причем указывалось мне, что арест Желябова необходим и вызывается тем, главным образом, что от него стоит в зависимости сохранение жизни императора Александра II. Все направленные мною розыски по задержанию Желябова устанавливали пребывание Желябова не в Киевской губернии, а в С.-Петербурге, о чем мною и было донесено, и мое донесение об этом как раз почти совпало с арестом Желябова в С.-Петербурге, сколько помню, 28 февраля 1881 г., но безусловно до убийства императора Александра II. Задержание Желябова в Петербурге, откуда шли указания на нахождение его Киевской губернии, произошло случайно, в квартире «Милорда» Тригони[299], где он случайно находился без документа и отказался назвать свою фамилию, и только по задержании личность Желябова была установлена. Но задержание Желябова все-таки не предупредило и не отстранило события 1 марта 1881 г.

Каждый, кто только хотя поверхностное понятие имеет о розыске, да еще о таких лицах, к каким относится Желябов, поймет, какое тяжелое поручение возложено было на меня по розыску Желябова, от которого ставилась в зависимость жизнь государя. Сколько я перенес нравственных, ужасающих мучений и тревог, — не представляется возможным передать.

Желябов был женат на уроженке Киевской губернии Яхненко-Семиренко[300]; вот почему розыски и сводились на Киевскую губернию; жена Желябова совершенно никакого участия в революционной деятельности мужа своего не принимала. После осуждения Желябова, жена его по высочайшему соизволению носит фамилию своего отца.

В 1880 году я получил телеграмму от графа Лорис-Меликова о прибытии в С.-Петербург и о выезде из Киева первым отходящим поездом в С.-Петербург. Перед выездом я совершенно случайно, идя мимо квартиры бывшего начальника местных войск Киевского округа генерал-лейтенанта Кравченко, ему сказал о поездке в С.-Петербург по требованию графа Лорис-Меликова; на вопрос Кравченко, знаю ли я графа, я отвечал, что совершенно не знаю и не видел его даже; Кравченко просил зайти к нему в квартиру, где находилась и жена его, приходящаяся родственницею графини Лорис-Меликовой, двоюродною сестрою. Генерал Кравченко служил на Кавказе и близко знал графа как

родственника своей жены и вот в каких выражениях и рассказах он характеризовал его.

«Граф Лорис — человек очень добрый, но хитрый, все обещает, но ничего не выполняет; знайте, что многое наобещает, но ничего не исполнит; человек минутного увлечения, отзывчивости и полной забывчивости; нерешительность и нестойкость характера во всем. Под крепостью Карсом, во время осады, один баталион семь раз переставлял с одного места на другое».

При сем генерал Кравченко добавил, что граф Лорис общителен, любезен до приторности и, чтобы завоевать представляющихся, навязывается дружбою и переходит в разговоре на «ты».

Совершенно верно все сказал генерал Кравченко, ибо все сказанное им я испытал на себе при представлении графу Лорису, который говорил мне на «ты», называл «перлом», обещаний по службе сделал массу, но ни одного из обещаний не выполнил, что известно было хорошо генерал-губернатору Черткову.

Вызов мой сопровождался следующими двумя обстоятельствами, как я узнал из опросов меня графом Лорисом.

Во-первых, граф Лорис хотел знать от меня причины состоявшегося приговора Киевского военного суда над обвиняемыми в государственных преступлениях студентом Розовским и рядовым Лозинским, приговоренными судом к смертной казни, каковую они и понесли по конфирмации и. д. киевского генерал-губернатора генерал-адъютанта Ванновского, тогда как они вооруженного сопротивления не оказали. Я отвечал на сделанный мне вопрос об этом, что «о причинах нужно спросить совесть судей суда, вынесших подобный приговор, в связи с выяснившимися на судебном следствии обстоятельствами; но что мне причины неизвестны и известны быть не могут». А на поставленный мне вопрос, почему генерал-адъютант Ванновский утвердил, но не смягчил приговора, я ответил совершенным незнанием того, чем именно руководился Ванновский при конфирмации, которою я был не вправе руководить.

При этом я доложил, что дело о конфирмации названных лиц поступило к Ванновскому, когда генерал-губернатор Чертков находился в С.-Петербурге, откуда выехав, двумя депешами предложил мне явиться и сказать Ванновскому, что он, Чертков, находится в пути и конфирмацию по сему делу просит отложить до его прибытия в Киев и таковую принимает на себя, — о чем мною было докладываемо Ванновскому, который отозвался, что он не трус и принимает конфирмацию на себя, не ожидая прибытия Черткова, потому что таковая выпала на его долю.

Таким образом, приговор был утвержден Ванновским и приведен в исполнение до прибытия в Киев Черткова. По этому делу, я знаю хорошо, был запрашиваем Ванновский графом Лорисом, но какой ответ последовал со стороны Ванновского, мне неизвестно.

И, во-вторых, граф Лорис был против постановки на суд большого числа обвиняемых в государственных преступлениях, а стоял на стороне разрешения дел в административном порядке и вот почему, как он мне объяснял вопросом:

— А что скажет о России заграничная пресса? Если мы будем ставить на суд множество людей, то напишут, что у нас в России революция.

А потому он и предложил мне уменьшить числом предававшихся суду за государственные преступления; главных виновных, выдающихся своею преступною деятельностью, предать суду, а в отношении остальных принять административные меры, по соглашению с генерал-губернатором.

XVI
Еврейский погром в Киеве в 1881 г.

Еврейский погром в Киеве в 1881 году сопровождался полным разгромом еврейских квартир, уничтожением и грабежом их имуществ, главным образом в Подольском и Плоском полицейских участках и в пригородных местечках, входящих в городской район и черту города, Шулявке, Демиевке, Соломенке. Погром коснулся и Бульварного, Лыбедского и Старо-Киевского участков, а затем и перешел в уезды Киевской губернии. Погром продолжался трое суток в городе Киеве и днем и ночью, несмотря на значительное число войск киевского гарнизона, вызванных для прекращения погрома и грабежей еврейского имущества[301].

Погром был вызван общею историческою ненавистью русского населения к еврейскому и эксплуатациею еврейским населением русского по торговле и промышленности, но отнюдь не политическими причинами, что подтверждается тем, что в 1881 г. и в предшествовавшие годы политическое движение не сопровождалось большим участием евреев в политических делах; в последующие же годы за 1881-м процент участия евреев в политических делах увеличивался и рос заметно и пред 1905-м годом составлял уже до 95 процентов.

Евреи до 1881 года представляли из себя робкий, запуганный, тихий элемент, но с увеличением процента участников евреев в политических делах характер евреев совершенно изменился и они стали наглы, невежественны, решительны, злобны и смелы в своих предприятиях по политическим делам и при допросах вели себя назойливо-дерзко и вызывательно; не было пределов в их нахальных приемах и поведении, ничем невызываемых. Еврей, прежде боявшийся всякого оружия, стал вооружаться револьвером, ножом, кинжалом, и в общем евреи дошли до самообороны, вооружаясь огнестрельным оружием, и стали оказывать вооруженное сопротивление, имея, кроме револьверов, еще особые железные палки, наконечники которых заливались свинцом и представляли смертоносное холодное оружие при нанесении ударов.

Трехдневному погрому в Киеве и распространению его по уездам евреи безусловно обязаны были киевскому генерал-губернатору генерал-адъютанту А. Р. Дрентельну, который до глубины души ненавидел евреев, дал полную свободу действий необузданным толпам «хулиганов» и днепровским «босякам», которые громили открыто еврейское имущество, магазины и

лавки, базары, даже в его глазах и в присутствии войск, в наличности находившихся и вызванных для прекращения беспорядков. Войска становились лишь слепыми зрителями всех безобразий, бесчинств и грабежей еврейского имущества, были деморализованы настолько, что даже грабили еврейское имущество на базарах, очевидцем чего я был; офицеры и начальники частей войск при войсковых частях даже не находились и оставляли вверенные им части войск на произвол судьбы в ночное время. В конце второго дня погрома, о котором я доносил в С.-Петербург, я получил от Начальника Верховной распорядительной комиссии генерал-адъютанта графа Лорис-Меликова шифрованную телеграмму, которой он меня опрашивал, какие, по моему мнению, необходимо неотложно принять меры для прекращения в городе противоеврейских беспорядков. Я отвечал, что дело настолько далеко зашло, что приклад и штык уже помочь не могут, а необходимо нужно употребить огнестрельное оружие против толп.

На эту депешу я получил ответ графа Лорис-Меликова, чтобы воздействовать лично в этом смысле и направлении на генерал-губернатора Дрентельна.

В дни беспорядков я должен был по предписанию в телеграмме доносить депешами чрез каждые два часа графу Лорис-Меликову о ходе беспорядков, что мною и выполнялось, для чего я должен был безустанно разъезжать по всему городу, дабы составить себе ясное положение о ходе беспорядков и погрома.

Легко было графу Лорис-Меликову в телеграмме возложить на меня «воздействие в указанном смысле и направлении на генерал-губернатора», но не легко мне было это выполнить, взяв в расчет мое служебное положение и генерал-губернатора, его звание генерал-адъютанта, его чин полного генерала и мой — полковника, да еще зная ненависть Дрентельна к евреям и его взгляды на еврейский погром, выраженные мне в словах, что «пусть лучше и хорошенько их поколотят; нужно, чтобы осадить в них нахальство и жадность к наживе».

Однако же возложенное поручение на меня «в отношении воздействия» нужно было выполнить, и я решил внутренне произвести давление на Дрентельна чрез командира корпуса, впоследствии военного министра Ванновского, с которым Дрентельн, еще по гвардии, находился в близких отношениях, дружеских, на «ты», для чего и отправился к Ванновскому, у которого застал начальника кавалерийской дивизии, ныне члена военного совета, генерала Винберга. Ванновскому в присутствии его жены и Винберга я доложил о настоящем положении дела

еврейского погрома в городе, не скрыл пред ним содержание депеш гр. Лорис-Меликова, и просил его помочь мне в этом направлении по воздействию на принятие решительно настойчивых мер по прекращению погрома на Дрентельна. Ванновский ответил, что он действительно близок к Дрентельну, с которым на «ты» в частных беседах, но когда дело касается дела и службы, то он дисциплинарен до тонкости и никогда не решится рекомендовать ему каких бы то ни было мер, тем более, что не только ему, но и мне конечно известно, как Дрентельн относится ненавистно к «жидам», и что я, сегодня присутствуя вместе с ним у Дрентельна при сборе начальников воинских частей, не мог не слышать отданных им приказаний в таком духе и направлении, что он, Ванновский, уже отдал приказ по частям войск вверенного ему корпуса, вызванным для прекращения беспорядков, что, если кто осмелится действовать штыком, прикладом, а казаки — плетью, то он отдаст под суд на неисполнение его приказаний.

После этого я от Ванновского ушел ночью, конечно, ни с чем и поехал на Подол, где застал полное продолжение погрома. Части войск без офицеров, толпы хулиганов и босяков носили бревна, коими разбивали двери и входы в еврейские магазины и лавки при пении песни «Эй, березушка, ухнем», врывались в магазины и лавки и все еврейское имущество предавали частью уничтожению, а частью грабежу. Местности были оглушаемы криками и воплями евреев, кои попадались в руки толпы, которая била их беспощадно. Части войск были разбросаны и, кучками человек в 15–20, находились на улицах, смотрели как на театральное зрелище и абсолютно бездействовали. Полиция отсутствовала. Картины были поистине ужасающие. Под таким впечатлением я решился ехать с докладом ночью сначала к киевскому губернатору Н. П. Гессе, а затем к генерал-губернатору Дрентельну.

Приехав к губернатору Гессе, застал его спящим, просил разбудить. Выйдя в халате с извинением Гессе, просил меня сказать, что мне нужно. Я ему нарисовал картину продолжающегося погрома и грабежа в городе в самой яркой и действительной форме и обстановке, на что получил от него ответ, что он с одною полициею ничего сделать не мог и не может, в особенности при особом взгляде генерал-губернатора Дрентельна, который находит нужным бить жидов. Я ему на это ответил, что, по моему мнению, он, как губернатор-градоначальник, обязан принять сам меры к прекращению ночных грабежей по городу; причем добавил Гессе, что будет время когда он признается виновным по непринятию мер, как

градоначальник. Что и случилось, и я предугадал, что Гессе признан был виновным не только высшими петербургскими властями, но и даже и самим Дрентельном, по ходатайству которого Гессе был отчислен от должности губернатора, не получив другого назначения, и уволен был в отставку. В этом деле Дрентельн сильно погрешил по отношению к Гессе, быв виновным более последнего.

С губернатором Гессе я поехал вместе в коляске на Подол, где на Александровской улице толпы продолжали бесчинства и грабежи, но Гессе, как он говорил, не вправе считал себя принять какие-либо меры против насилий после невозможных, как он выразился, распоряжений со стороны Дрентельна, который отнял у него право воспользоваться войсками. Невдалеке от Братского монастыря, на Подоле же, я с Гессе подъехали к небольшому еврейскому дому, который толпа намеревалась громить. Я не выдержал, выйдя из коляски, в ней Гессе оставался, подошел к толпе и начал ее усовещивать, добавляя, что русский солдат во время войны был милостив к баши-бузукам, которые, бросаясь на колени, просили пощады, следовательно и вы, русские люди, должны быть милостивы к евреям, запершимся в доме и разумеется ожидающим вашей пощады. Слово мое не воздействовало на толпу, и все-таки дом разгромили, но при этом один из рабочих, с доскою в руках, обратился ко мне и сказал, что и «Вы заступаетесь за евреев, ведь они царя убили, а Гесса». (Это относилось к Гессе Гельфман[302], прикосновенной к делу 1 марта 1881 г., приговоренной судом к смертной казни, но помилованной вследствие ее беременности). Я, сказав толпе, кто я такой, добавив, что мне более чем им известно, кто убил государя императора Александра II, что убила не Геся Гельфман, а убил Гриневицкий[303] — поляк по происхождению из г. Вильно. После этого, толпа несколько смягчилась, обещала больше евреев не трогать и направилась в Плосский участок на Подолках, где опять принялась за разгромление и погром евреев.

С Подола я поехал вместе с губернатором Гессе с докладом к генерал-губернатору Дрентельну, что было во втором часу ночи. Приезжаем. Гессе не желает входить и отказывается от доклада Дрентельну, прося меня доложить все. Я настаиваю на входе и докладе Дрентельну. От последнего Гессе наотрез отказался, но решается только войти со мною. Входим в квартиру генерал-губернатора, все спит непробудным сном, бужу всех от сна, швейцара, дежурного в приемной комнате, подполковника Трепова, бывшего затем киевским губернатором, которого прошу разбудить Дрентельна; выходит Дрентельн от сна в халате, затем, увидев губернатора Гессе, извиняется, возвращается в кабинет,

выходит одетым в сюртук и выслушивает мой доклад, после которого приказывает запрячь лошадей в экипаж и предлагает мне следовать за ним на Подол. Гессе, оставшись наедине со мною, говорит, что он на Подол не поедет, а если о нем спросит Дрентельн, то чтобы я сказал, что он уехал на Демиевку, где происходят также беспорядки. Затем Гессе уезжает. Выходит Дрентельн из кабинета и спрашивает меня:

— Где же губернатор Гессе?

Я ответил, что поехал на Демиевку, где происходят беспорядки, по его, Гессе, словам.

Дрентельн ответил:

— Врет, поехал спать домой.

Поехали на Подол, где все доложенное мною подтвердилось вполне; войска, без начальников частей и офицеров, стоят посреди улиц и дремлют, толпы с бревнами переходят из одного магазина в другой, выбивают бревнами двери, вскакивают в магазины и отменно грабят все.

Я ехал в дрожках, позади Дрентельна; на Александровской улице в мою лошадь брошена была вывеска, лошадь, испугавшись, бросилась в сторону, и я с жандармом Ждановым едва успели соскочить с дрожек, а лошадь понеслась назад по улице; мы следовали пешком сзади экипажа Дрентельна и поотстали на порядочное расстояние от него. Как вдруг видим следующую картину: Дрентельн, выйдя из коляски, направился в разбитый только что в его глазах магазин и, войдя в двери магазина, с площадною руганью выгонял из магазина хулиганов и босяков, подняв руки в кулаках над своей головой; толпа хлынула из магазина, ее он удержать не мог, и толпа его смяла под ноги, опрокинув его на землю спиною. Я с жандармом Ждановым бросились в толпу и благодаря только атлетической силе жандарма Жданова пробились чрез толпу и подняли Дрентельна с земли из-под ног толпы и едва нашли его фуражку. Дрентельн был весь в земле и в песке, от коих его очистили, надели фуражку и запахнули в пальто. Через некоторое время он, придя в себя, благодарил, крепко пожимая мне руку и кивая благодарственно головою жандарму Жданову, которого потом наградил тремя сотнями рублей. Оправившись, Дрентельн пошел по Александровской улице, поддерживаемый под руки мною и жандармом Ждановым. Толпу мы гнали словом, причем я кричал, что если толпа не разойдется, то генерал-губернатор тотчас же прикажет стрелять, и толпа двигалась вперед скорыми шагами до мельницы Бродского, откуда разлилась по берегу реки Днепра.

Подполковник Трепов в это время бегал по магазинам, откуда выбивал погромщиков, от коих ему, как говорили, досталось

порядочно еще накануне.

Затем я с Дрентельном объехал весь Подол, всюду представлявший страшные картины разрушений. Возвращаясь в верхний город, на полугоре Дрентельн позвал меня к себе и сказал, что он очень сожалеет о том, что в первый же день не приказал стрелять по громилам, которые почти разрушили город. Разрушительная картина всего Подола отлично была видна с Александровской горы, так как в этот момент уже наступило утреннее апрельское солнце.

На следующий день Дрентельну уже не приходилось отдавать приказание о действиях против громил огнестрельным оружием, так как войска, находившиеся на Жилянской улице вблизи вокзала, сами, без всякого приказания даже своих непосредственных начальников, открыли огонь по толпе громил, которые обратились в бегство от пуль и казачьих нагаек; причем убитых и раненых оказалось 3–4 человека, но и то не из громил, а из числа любопытных из публики. И как только огласилась весть по городу, что войска стреляли, погромы по всему городу тотчас же прекратились и больше уже не возобновлялись нигде.

Этот факт истины.

Приехал на другой день рано утром к Дрентельну и доложил ему о прекращении беспорядков в городе, он очень усердно поблагодарив меня и выразив особую благодарность жандарму Жданову, сказал мне, что его очень помяла толпа, что он чувствует боль груди от навалившихся на него хулиганов; при чем добавил, что хорошо, что лицо его не пострадало и что он просит, чтобы о падении его я не доводил до сведения Петербурга. Вручил мне 300 р. для передачи жандарму Жданову, приказав последнему молчать обо всем виденном им.

Впоследствии в г. Киев был командирован, по высочайшему повелению, свиты его величества генерал-майор граф Кутайсов для исследования причин противоеврейских беспорядков и действий местных властей, что крепко сердило и возмущало генерал-губернатора Дрентельна, который видел в этом недоверие к нему.

XVII
Ф. Ф. Трепов. — Д. Ф. Трепов. — А. А. Потапов. — Гр. А. В. Левашов. — Н. Д. Селиверстов. — А. Р. Дрентельн. — Гр. Н. П. Игнатьев. — П. А. Черевин. — Гр. Д. А. Толстой

Изложу в нескольких видах не безынтересную характеристику бывшего обер-полицмейстера Царства Польского во время восстания 1864 г., а затем С.-Петербургского обер-полицмейстера же и градоначальника г. С.-Петербурга, генерал-адъютанта Федора Федоровича Трепова, которого по слухам я знал с 1875 г., а лично за десять лет последней его жизни во врьемя приездов его в Киев, в которой, прибывая на свидание к детям его и выражения памяти к умершей его жене, похороненной в Выдубецком монастыре, находящемся около г. Киева, всегда заезжал ко мне, едучи с могилы жены, и этим, как он высказывал, выражал мне особое внимание за несенную мною продолжительную и тяжелую службу в г. Киеве в смутное время.

После известного дела Засулич, стрелявшей в упор в Трепова, личный кредит Ф. Ф. Трепова как у государя Александра II, так и в обществе пал и, по слухам, государь возлагал на Шефа жандармов Мезенцева поручение собрать сведения о нажитых Треповым миллионах и, как говорили и приходилось мне слышать от высокопоставленных лиц, имение Треповым в несколько миллионов состояния подтвердилось и доходило до 3 миллионов руб. Объяснялось нажитие состояния Треповым от сумм, отпускавшихся в его распоряжение безотчетно по должностям обер-полицмейстера Царства Польского, градоначальника г. С.-Петербурга, от полученного им гонорара, куртажа за исходатайствование дополнительной сметы на постройку Литейного моста в С.-Петербурге, и от получения значительных сумм от императрицы Марии Александровны с специальною целью охраны личности императора Александра II. Устанавливать состояние Трепова я не берусь, но скажу верно то, что он мне сам лично рассказал в г. Киеве, где он болел и умер, что он спокойно умирает, обеспечив всех своих 9 человек детей ежегодным доходом каждого от 13 до 15 тыс. руб. в год и вручил уже подлежащие доходные имущества детям при жизни. Сколько же, сверх этих состояний, он имел капиталов при себе, он мне не говорил, но они должны были находиться у него, ибо он по своей

крайней и выходящей из ряда обыкновенных скупости не мог расстаться со всем своим состоянием и наличными капиталами.

Детей Трепова я знал лично и хорошо. Феодор, ныне член государственного совета, бывший киевский губернатор, человек, хотя не умный, но сумевший увеличить свое состояние покупкою при посредстве, конечно, евреев имения в Киевской губернии, за которое заплатил 100 тыс. руб., а продал его за 200 тыс. руб., о чем он сам рассказывал волынскому губернатору барону Штакельбергу; он располагал еще купить имение в Киевском уезде с помощью киевского земельного банка, с целью выгодной распродажи земли крестьянам и леса, чему воспротивился и не допустил управляющий киевскою казенною палатой Самохвалов, состоявший от министерства финансов членом названного банка, без согласия которого купля Ф. Треповым этого имения состояться не могла, о чем мне рассказывал названный Самохвалов. Этот Ф. Трепов сумел настолько подделаться к министру фон-Плеве, что получил, как мне говорили, единовременное денежное пособие в 7 тыс. руб. Отец его несколько раз мне говорил, чтобы я подвинул его сына хотя к какому-либо чтению, добавляя, что сын его рассчитывает быть губернатором, а не читает даже местных газет и журналов губернского правления во время состояния его в должности чиновника особых поручений при киевском генерал-губернаторе А. П. Игнатьеве, который Федора Трепова назвал прямо глупым.

Ф. Трепов, заведуя санитарною частью армии во время войны России с Японией, по отзыву главного контролера армии Смирнова, почтенного человека, и других лиц, был крайне не только непопулярен, но нелюбим в армии за вмешательство его в неподлежащие ему дела и доносы неправдивого и интригантского свойства главнокомандующему армии Куропаткину[304], около которого Трепов постоянно и в ненужное время вертелся, постоянно оставляя санитарную часть, ему вверенную, в стороне его прямой заботливости.

Дмитрий Трепов, бывший Московским обер-полицмейстером, а затем товарищем министра внутренних дел, командиром корпуса жандармов, заведывающим полициею и дворцовым комендантом, известен мне был с обер-офицерских чинов со стороны и лично. Особыми дарованиями ума он вовсе не обладал, как равно и познаниями по полицейской части и об общереволюционном движении и ходе его по всей России. Во время состояния в должности начальника московского охранного отделения Зубатова, последний всецело был подчинен обер-полицмейстеру Д. Трепову, которого Зубатов совершенно свободно обходил, пользуясь совершенным незнанием Трепова

всех махинаций революционеров, революционного движения и даже полицейской службы, провокаторствовал вовсю, в особенности в Москве, сплочая и организуя рабочих, подобно попу Гапону в С.-Петербурге, в кружки, знакомя рабочих с забастовками и стачками, каковые кружки впоследствии обратились во вполне готовые революционные организации, ставшие кадром московского вооруженного восстания. Д. Трепов, совершенно не только не знал, но и совершенно не понимал действий Зубатова, который обошел и августейшего Московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича[305], которого Трепов не оберег от покушения на его жизнь, как равно и самого даже себя. Дмитрий Трепов всецело обязан своим повышением по службе безвременно погибшему от убийства великому князю Сергею Александровичу, а уже Федор Трепов обязан всецело своему незаслуженному ничем повышению, до члена государственного совета включительно, брату своему Дмитрию Трепову. На Д. Трепова воздействовало влияние, воспитание и образование по политической части безусловно Зубатова, чем я и объясняю заявление Д. Трепова в момент его сильного влияния в придворных сферах об образовании кадетского министерства и о введении автономии в университетах, столь пагубно отразившейся на университетах, где свободно происходили народные митинги и сборища революционеров-рабочих, являвшихся по нескольку тысяч в здания университетов с революционными целями, что не только допускалось Д. Треповым, бывшим товарищем министра внутренних дел по полицейской части, но видимо даже поощрялось, так как он распоряжениями своими не только парализовал высшие местные административные власти, но уничтожал всякое их местное значение по отношению к местным университетам. Подобные действия Д. Трепова я вовсе не отношу к политической его неблагонадежности и направлению, но отношу к совершенному его непониманию дел и революционного движения в России в особенности. Дмитрий Трепов, достигший большого влияния в административных правительственных сферах, был в высшей степени не только не популярен в провинции в среде истинно-русских людей, но даже ненависть нему явно и публично устанавливалась и была даже среди революционно-прогрессивных партий, несмотря на проведение им министров из кадетов и на введение автономии в университетах. При состоявшемся назначении Д. Трепова С.-Петербургским генерал-губернатором с предоставлением ему особых прав и полномочий, в провинции совершенно гласно и публично высказывалось полное недовольство со стороны даже

истинно русских людей, которые говорили вслух, что одно назначение Д. Трепова на такой пост может повести истинно русского монархиста сделаться революционером.

Бывший еще в должности министра финансов С. Ю. Витте[306], для характеристики Дмитрия Трепова, рассказывал такой бывший случай в С.-Петербурге, свидетельствовавший о недалекости этого Трепова.

Когда тело в бозе почившего императора Александра III, скончавшегося в Ливадии, было привезено в С.-Петербург для погребения, то вся процессия следовала от вокзала железной дороги по Невскому проспекту, где стояли войска гвардии шпалерами и в том числе лейб-гвардии конный полк, эскадроном которого, кажется вторым, командовал Д. Трепов, сидя на лошади верхом перед эскадроном, за гробом же императора следовали министры и другие высшие чины. Поровнявшись с Д. Треповым, министры, в том числе С. Ю. Витте, видят подбоченившегося пред эскадроном Д. Трепова, который, обращаясь к солдатам, в строю находившимся, выкрикивает:

— Эй, ребята, смотри бодрее, веселее, веселее, веселее.

Подобное обращение к солдатам в таких словах радости и веселья, конечно, Д. Трепов вовсе не желал допустить, но это содержание обращения свидетельствует о такой ненаходчивости слов обращения к нижним чинам в данный момент горя и печали, вызванных в русском народе всюду преждевременной и неожиданной кончиной любимого царя-миротворца.

Третий сын Трепова, Александр[307], известен мне еще со времени состояния его в должности личного адъютанта в чине поручика в г. Киеве при командире корпуса бароне Таубе; человек без всякого образования, ограниченный, и на вид был замарашкою; две дочери его покушались на самоубийство, одна, бросившись под поезд железной дороги, другая — выстрелом в грудь из револьвера; обе остались живы. По циркулировавшим слухам в обществе, покушение на самоубийство было вызвано романическою историею из-за любви обеими одного лица, по другим же слухам — будто бы знакомством и соотношениями с революционеркою, прибывшею в С.-Петербург из-за границы, Леонтьевою[308], добивавшеюся личного представления императрице Марии Федоровне через Д. Трепова и у которой оказались при обыске разрывные бомбы.

Александр Трепов достиг высшей службы и придворного звания, конечно, не через заслуги, а безусловно через протекцию.

Генерал-адъютант Федор Федорович Трепов болел последние годы своей жизни в Киеве, где и умер. Я его посещал и весьма продолжительно иногда беседовал с ним. Этот человек был

большого природного ума, но образования и воспитания не нес в себе, но был человек по душе добрый и всегда готовый выполнить просьбу каждого к нему обратившегося, какого бы он звания, происхождения и народности ни был, и во многом успевал ходатайствами и связями своими в С.-Петербурге.

Многое из своей службы Ф. Ф. Трепов рассказывал мне, и я однажды ему сказал, почему он не составит записок из своей продолжительной службы, каковые были бы весьма ценны для истории; на что он мне ответил отрывисто и коротко, что он «не письменный человек». Говорили, что Трепов в одном слове, состоящем из трех букв, «еще», делал ошибок более числа букв в этом слове, а именно «еще» писал так — «эсчо»[309].

Один из рассказов Ф. Ф. Трепова был настолько интересен, что я его изложу. Рассказ касается бытности его в должности с.-петербургского обер-полицмейстера.

Император Александр II, по словам Трепова, очень ценил его службу и относился к нему всегда при личных докладах милостиво и внимательно. Но вдруг, беспричинно, стал к нему сух и выражал недовольство, причины которого однако долгое время не высказывал ему, что страшно терзало внутренне Трепова, и он решился при докладе спросить императора, что за причины выраженного государем недоверия и недовольства. Государь, находясь в отдалении от него, выразил Трепову, что он был передатчиком императрице сношений и свиданий его с княжною Долгорукою[310]. Это настолько возмутило Трепова, так как сообщение государю об этом было ложно и несправедливо, что он, Трепов, «наступая» на государя, оправдывался энергично и высказал следующее:

— Неужели вы, государь, изволите думать, что вы, выходя из Зимнего дворца по вечерам с приподнятым воротником шинели и следуя по Дворцовой набережной в Мошков переулок в дом Алексеева, при входе к квартиру, освещаемую красным, овальной фигуры темным стеклом, остаетесь незамеченным и неузнаваемым встречающими вас лицами?

Далее Трепов высказал государю, что он по своей должности обязан охранять его жизнь на улицах и знать, где государь находится в столице в каждый момент, а потому государя сопровождают каждый раз его, Трепова, агенты-охранники, которым вручается всецело жизнь государя. После этого и других доводов Трепова, опровергающих дошедшее до сведения государя ложное сведение о докладе и сообщении им императрице, — государь смягчился настолько, что извинился, обнял и поцеловал Трепова, после чего немилости более не выражал при докладах.

При этом Ф. Ф. Трепов рассказал также мне, что он не только

знал время посещения государем квартиры г-жи Шебеко в Мошковом переулке в доме Алексеева, у которой жили две сестры княжны Долгорукие, но даже времяпрепровождение государя во всех подробностях. Это обстоятельство меня заинтересовало, и я просил Ф. Ф. Трепова объяснить мне, как он достигал этого. Простым, прямым языком Ф. Ф. Трепов рассказал мне, что в Петербурге жил аристократ, имевший большие придворные связи и входы и знакомства, но прожившийся и нуждавшийся в деньгах, граф Комаровский, которого Трепов взял и склонил на свою сторону деньгами и платил ему 20 тыс. руб. в год и через него все знал, что делается и творится в придворных сферах, что граф Комаровский близок был с названною мадам Шебеко, от которой все знал — и время бытности государя в квартире мадам Шебеко, и то, как проводил время государь в квартире мадам Шебеко, а государь даже не знал, что было так, что рядом с комнатою, в коей находился государь, находился в соседней комнате граф Комаровский вместе с мадам Шебеко, которая обо всем сообщала графу Комаровскому, а последний передавал обо всем Трепову, который об этом государю не доложил, а продолжал пользоваться услугами графа Комаровского за деньги.

О посещении государем квартиры мадам Шебеко и я знал вот из какого случайного источника.

В этом же доме жил, нанимая квартиру, генерал-адъютант М. И. Чертков, у которого был камердинером Трубецкой. Этот Трубецкой, как рассказал мне М. И. Чертков, однажды, придя к нему в кабинет, докладывает, что в этом доме Алексеева бывает в квартире мадам Шебеко, примыкающей почти к квартире Черткова, государь, и что, Трубецкой сказал об этом дворнику дома, на что последний ему ответил:

— А если знаете, то можно только знать, но нужно молчать, о чем знаете.

Когда генерал-адъютант Ф. Ф. Трепов умер, в г. Киеве, то дети его, во главе со старшим сыном Федором Треповым, просили меня присутствовать при бальзамировании тела их отца, с целью удостоверения о нахождении внутри тела покойного пули Засулич, так как по их словам в обществе циркулировали слухи о том, что пулею Засулич Трепов не был даже ранен, и пуля миновала туловище Трепова, заявление которого о ранении пулею было лживо.

Эти циркулирующие слухи были безусловно ложные, распускаемые революционерами. Трепов, действительно, был ранен пулею в левую сторону груди, и пуля по временам опускалась все вниз, по направлению к мочевому пузырю, через что Трепов, в особенности в последние годы, чувствовал

сильнейшие боли, от коих он избавлялся несколько только тем, что по совету известного итальянского хирурга носил сделанную этим же хирургом подвязку, каковая, удерживая пулю от опущения вниз, ослабляла давление пули на нервные узлы, отчего он и терпел невероятно мучительные боли, о чем мне и передавал.

На присутствование при бальзамировании тела Трепова я согласился; бальзамировал тело профессор Киевского университета Бец при помощи одного университетского лаборанта. Профессор Бец установил безусловно присутствие в теле Трепова пули, которая опустилась до мочевого пузыря, оставив за собою незаросшую дорожку. Профессор Бец, проколов видимый простым глазом шов, где обозначалось место ранения пулею, опускал свободно по незаросшей дорожке металлические ножницы, концы коих ударялись о пулю, находившуюся на мочевом пузыре, что предоставлял и мне делать.

Шеф жандармов Потапов представлял небойкого по уму и развитию человека, при этом невоздержанною жизнью износившегося, через что впал в слабоумие и затем в помешательство, которое было лишь замечено при сопровождении им императора Александра II в Крым. По дороге он заарестовал многих жандармских офицеров беспричинно, а затем на пароходе, в присутствии государя и свиты, бросился на колени и стал молиться богу, выражая ненормальное состояние умственных способностей; а затем, по удалении от должности впал в сумасшествие, сопровождаемое онанизмом, как мне говорил об этом состоявший при нем для попечения бывший юрист-консульт Яковлев. Потапов, после потери смертью жены его, имел неотступное желание жениться на графине Тышкевич, польке, католичке, на развод которой с мужем папа Пий IX не изъявил согласия.

Во время состояния генерал-адъютанта О. Л. Потапова в должности шефа жандармов он однажды поехал в Алексеевский равелин Петропавловской крепости, где содержались государственные преступники Нечаев и Ишутин. Нечаев резко, дерзко отвечал на вопросы шефа Потапова, причем неожиданно приблизившись, нанес Потапову удар по лицу. Это было в камере заключенного Нечаева, который тотчас же был подвергнут телесному наказанию розгами. Это — факт, рассказанный мне состоящими при Потапове лицами, в том числе юрист-консультом Яковлевым, на попечении коего и состоял Потапов, впавший в безумие впоследствии.

Товарищи шефа жандармов, граф Левашов и генерал-лейтенант Селиверстов были полнейшие самодуры, крайне

невоздержанного характера и скупости, несмотря на имевшиеся у них богатства, непомерной и выдававшейся. Когда они оставались исполнять обязанности шефа жандармов, то управлявший III отделением собственной его величества канцелярии А. Ф. Шульц, безусловно умный, воздержанный, по характеру мягкий, предупреждал начальников жандармских управлений, чтобы они, получая распоряжения в депешах от графа Левашова и Селиверстова, отнюдь не приступали к выполнениям, не снесясь предварительно с ним.

Отец графа Левашова[311], тоже самодур по характеру, был киевским генерал-губернатором и, находясь в дурных личных отношениях с проживавшим в Киеве корпусным командиром графом Остен-Сакеном и зная, что любимым местом прогулки его по утрам была Липкинская аллея, приказал в ночь пожарным изрубить эту аллею; на что Сакен жаловался государю. И император Николай I, сделав выговор графу Левашову, уволил затем его от должности генерал-губернатора. Липкинская аллея дерев в городе Киеве, бывшая украшением города, так и погибла.

Генерал Селиверстов, по вступлении в должность шефа жандармов Дрентельна, был уволен, и в последние годы своей жизни был вовсе не при делах и проживал в одиночестве в качестве частного человека в Париже в гостинице, занимая особый апартамент, где и был убит выстрелом из револьвера вошедшим в номер в отсутствие камердинера революционером Подлевским[312], поляком, по найму, который получил за убийство Селиверстова 400 руб. от революционерки Янковской[313], сожительницы варшавского эмигранта-революционера Мендельсона[314], умершего в Лондоне. Янковская, рожденная Залесская, была женою крупного киевского землевладельца Янковского, убийство Селиверстова в Париже, хотя и было построено на политической подкладке, но на самом деле этого не было. Селиверстов вызвал убийство его тем, что он, проживая в Париже совершенно в качестве частного человека, отправился в 1884 году в парижский суд для слушания проходившего на суде дела о приготовлении в Париже разрывных снарядов, предназначавшихся для отправления в С.-Петербург, — и революционная партия и эмигранты сочли, что присутствие Селиверстова на суде было обставлено возложенною на Селиверстова политическою миссиею от русского правительства, чего в действительности вовсе и безусловно не было.

Шеф жандармов Дрентельн был во всецелом подчинении у начальника III отделения собственной с. в. канцелярии Шмидта, избранного им самим на эту должность с должности ярославского губернатора, которого он знал еще по совместному служению в

гвардии. Выбор был во всех отношениях не удачен. Шмидт проводил время с женщинами, на которых тратил громадные деньги. В III отделении был многое число лет казначеем действительный статский советник Васильев — почтеннейший старик, который при появлении моем к нему, нисколько не стесняясь, называл Шмидта государственным вором, который за короткое время украл 700 тыс. руб. и кончил печально свою жизнь, быв уволенным от должности графом Лорис-Меликовым. Прожив все состояние, Шмидт, состоя сенатором, однажды зашел в С.-Петербурге в баню, где занял отдельный номер, покушался на самоубийство через кровопускание посредством надреза, но был предупрежден банщиком, который вынул его из кровяной ванны, чем и спас жизнь, каковая продолжалась недолго, — он вскоре умер своею смертью.

Дрентельн до конца жизни своей в Киеве высказывал особую ненависть к графу Лорис-Меликову, отнявшему от него должность шефа жандармов и к б. с.-петербургскому генерал-губернатору Гурко, который даровал жизнь Мирскому, покушавшемуся в 1879 году на жизнь Дрентельна в С.-Петербурге, и который, быв приговоренным к смертной казни через повешение, помилован был Гурко, вследствие поданного ему прошения Мирским с раскаянием в проступке.

Дрентельн по поводу этого помилования рассказывал мне в Киеве, что он был с государем Александром II в поездке в Крым, откуда возвращаясь, в Москве доложил государю о предстоящей казни Мирского в Петербурге и просил государя остаться в Москве на неделю или более, чтобы смертная казнь Мирского была приведена в исполнение без присутствия государя в столице, на что государь и согласился, признавая неудобным въезд свой в столицу обставлять казнью, как вдруг совершенно неожиданно для него, Дрентельна, была получена телеграмма из С.-Петербурга о помиловании Мирского Гурко, чего он никак не ожидал и чего Мирский совершенно не заслуживал.

Бывший министр внутренних дел, шеф жандармов генерал-адъютант граф Н. П. Игнатьев 1-й был недолгое время в этих должностях и не сохранил о себе никакой доброй памяти в жандармском корпусе. О нем мне известно следующее: о неудачном назначении в 1881 г. им производящим дознания о государственных преступлениях по высочайшему повелению по всей России прокурора киевского военно-окружного суда генерала Стрельникова[315], убитого в Одессе революционером Желваковым[316], при содействии Халтурина, сделавшего взрыв в Зимнем дворце, и о выходе закона об евреях в 1882 г. лишившего их прав проживательства в деревнях и арендования земель. О

генерале Стрельникове я изложу ниже.

В 1881 г. было произведено покушение на жизнь товарища шефа жандармов генерал-адъютанта Черевина[317] Санковским[318] в С.-Петербурге. Генерал Черевин, по душе, добрейший человек и очень умный, пользовавшийся особым доверием и любовью императоров Александра II и Александра III, коими отнюдь не злоупотреблял, после покушения на его жизнь, крайне взволнованный, прибыл в с.-петербургское губернское жандармское управление, куда был доставлен Санковский, и имел намерение наказать Санковского розгами, — но начальник жандармского управления генерал Оноприенко воздержался от этого. Граф Игнатьев доложил об этом государю, но в извращенном, неправдивом виде; узнав это, Черевин сделался ненавистником графа Игнатьева и, как мне говорили, доложил государю, что граф Игнатьев перед самым обнародованием вышеприведенного закона об ограничении прав евреев на арендование земель, телеграммою своему главноуправляющему настаивал о неотложном заключении контрактов на отдачу своих земель евреям в аренду до выхода этого закона, что и послужило причиною увольнения графа Игнатьева от должности министра внутренних дел и шефа жандармов, совершенно неожиданно для него и других[319]. Телеграмма Черевиным была доложена в копии, приобретенной им из телеграфного департамента, после чего граф Игнатьев лишился всякого доверия государя и впал в немилость. Черевин же до конца жизни своей оставался на посту и во главе охраны государей и в столице, и в поездках.

Министр внутренних дел и шеф жандармов граф Дмитрий Андреевич Толстой, отличавшийся особой стойкостью и настоятельностью, по моему личному убеждению принадлежал к числу шефов жандармов почтеннейших, к числу которых я отношу и графа П. А. Шувалова, Н. В. Мезенцева, И. Н. Дурново[320] и И. Л. Горемыкина[321]. Хотя граф Д. А. Толстой всеми и вся, кроме классиков, проклинался за введение классического образования в России, каковое стоит вне моей компетенции, но я представление о деятельности Д. А. Толстого вынес из продолжительных с ним неоднократных объяснений при докладах о политических делах. Сверх того, я был личным свидетелем, как он через своего секретаря Романченко отказал в приеме и личных объяснениях всем наехавшим к нему в приемную курляндским и лифляндским баронам, разодетым в придворных костюмах и фраках с белыми галстухами, которые возымели желание объясниться с министром графом Толстым об обособленности Остзейского края, порицая всякую русификацию этого края.

В день похорон в С.-Петербурге известного писателя Шелгунова, к графу Д. А. Толстому приехал при мне с.-петербургский градоначальник Грессер и доложил министру, что собравшаяся огромная толпа за гробом Шелгунова намеревается устроить после похорон, идя с кладбища, манифестацию по Невскому проспекту и другим главным улицам С.-Петербурга со знаменами, значками и факелами в воздание памяти Шелгунову, как административно потерпевшему от правительства.

Граф Д. А. Толстой, ответив Грессеру коротко и ясно в таком смысле, что пока он состоит в должности министра, он не допустит никаких уличных манифестаций в «столице», предложил Грессеру воспользоваться для усиления полиции казачьими войсками. Градоначальник Грессер взял в помощь полиции несколько сотен лейб-гвардии казачьего и атаманского полков и при помощи их с кладбища разбивал толпу на части в 10–12 человек и направлял части в глухие улицы города, и толпа разошлась спокойно и без всяких инцидентов.

XVIII
С. В. Зубатов

Крупная промышленность в России в последние годы хотя и увеличивала рост рабочей силы быстро, но рабочий вопрос, выдвинувшийся со стороны революционной партии образованием в 1895 году «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», все-таки не стоял так остро до тех пор, пока департамент полиции, во главе с Зубатовым, представил, при содействии его розыскных средств и агентов, организацию в среде фабричных и заводских рабочих особых «союзов» легализаторов, «независимых» и т. д., задуманных и рассчитанных Зубатовым для разрешения столь сложной социально-политической задачи полицейским порядком и устройством репетиций стачек, забастовок и массовых уличных беспорядков в крупных городах России. В этом он, Зубатов, жестоко обманывал и обманул высшие власти, не понявших еще и того, что в лице Зубатова был злейший противоправительственный деятель социал-революционер и безусловный террорист, организовывавший политические убийства через своих агентов, состоявших на большом жалованьи у департамента полиции. При содействии Зубатова начальники жандармских управлений совершенно были за последние годы отстранены не только от всякого участия в розысках по политическим делам, но совершенно даже игнорированы от дел и прав, предоставленных им законом, через что ненависть и злоба не только начальников жандармских управлений, но и вообще офицеров корпуса жандармов, дошла до ужасающих пределов и ненависти к своему шефу и департаменту полиции, образовавшему филиальные жандармские управления в губерниях в лице ненавистных охранных отделений. Это Зубатову необходимо нужно было сделать, дабы потрясти службу в офицерах корпуса жандармов, большинство которых однако в особенности преданных беззаветно государю императору и правительству отлично знало действия Зубатова и понимало его, как врага отечества. Многие из жандармского корпуса, не разделяя систему Зубатова по ведению розыскного дела, оставили службу потому, что состояние на службе при таких условиях было равносильно нарушению присяги и долга службы. Бывший начальник петроградского охранного отделения Сазонов, как циркулировали слухи по корпусу жандармов, доложил бывшему командиру корпуса жандармов генерал-лейтенанту фон-Валю[322] о провокаторских действиях Зубатова, его полной политической

ненадежности и, тогда генерал-лейтенант фон-Валь настоял на увольнении Зубатова, чем избавил Россию от великого внутреннего врага и несчастья. Ныне члена государственного совета генерал-лейтенанта фон-Валя чины корпуса жандармов и поныне глубоко чтут за его мужество, настойчивость, проявленную в громадной услуге государю императору и отечеству при отстранении Зубатова от деятельности и службы, при продолжении коей еще большие несчастья были бы накинуты на Россию Зубатовым.

Вот краткая личная характеристика Зубатова, которого отлично я лично знал и безусловно понимал, зная его систему, направление и организацию розыска, каковых он держался, и не мог не знать, стоя во главе руководителей дознаний при производстве политических дел, кои мне вверялись к производству и [при] которых я не мог не знать и не соприкасаться с действиями розыскных зубатовских агентов и его самого.

Во многих заграничных революционных изданиях статьи о Зубатове достаточно известны содержанием всем и каждому, но они слишком бледны [по сравнению] с деятельностью его потому, что его революционная партия далеко и очень еще далеко не знает всей его террористической деятельности, а когда узнает, то безусловно будет боготворить его как революционера и активного участника политического террора.

Надворный советник С. В. Зубатов, бывший простой внутренний секретный агент при московском охранном отделении, затем был сделан начальником этого отделения, впоследствии заведывал всею розыскною частью в России, состоя начальником особого отдела департамента полиции, числясь чиновником при министре внутренних дел фон-Плеве.

Зубатов, после обучения в прогимназии, поступил в 1870 году в 5-ую московскую гимназию, где организовал значительный кружок с библиотекою по так называемой развивательной программе, стал во главе этого кружка и, как представитель оного, вошел в сношение с местной московской революционной партиею. Зубатов, представляя начитанную личность, серьезного, скрытно-молчаливого деятеля, обладающего талантом пропагандиста, уже в 1882–1883 году составил деятельный кружок, выйдя из гимназии, не окончив курса, и пользовался в этом кружке большим авторитетом и значением. Личность Зубатова, наружным видом не только не привлекательная, но и отталкивающая, оставляла за собой следы проникнутой до глубины души революционным делом и сознанием; никогда не улыбавшийся, с вечно нахмуренным и недовольным видом на все

его окружавшее, говорил толково, серьезно, но поддельно; в общем представлял из себя могилу человеческой жизни и затаенной скрытной деятельности и замкнутости. Зубатов не переносил жандармских офицеров, ознакомленных с революционным движением, шедших честным путем на пресечение сего движения в правительственных видах и целях, и выставлял за лучших офицеров мало развитых, не знавших и не подозревавших всех махинаций его преступной деятельности, потому что они не могли мешать таковой, и вооружался жестокими приемами мести против всех офицеров корпуса, непоколебимых ничем в идеях преданности.

Быв в Москве обысканным, арестованным и привлеченным в качестве обвиняемого к делу политического агента, Зубатов вскоре поддался раскаянию наружному, сознательному и вступил на путь раскаявшегося чрез выдачу ничтожных по деятельности и положению революционных своих товарищей и по гимназии и по общественной жизни, а затем сделался секретным агентом за деньги московского охранного отделения, начальником которого был подполковник Бердяев, умственно совершенно не развитой и предававшийся кутежам.

Зубатов настолько обошел Бердяева и должен был его обойти вследствие необразованности последнего и других недостатков, что сделался сначала его помощником, а затем и начальником московского отделения с таким треском, что убил совершенно всю службу Бердяева, с которым он ходил совместно на провокаторские дела, но действуя в духе революционного начала и пользы. При этом Зубатов временем приобрел неограниченное доверие департамента полиции, ведал в Москве летучими отрядами департамента, которых рассылал по России без всякого предупреждения о сем начальников жандармских управлений. Что в это время творилось, один бог только знает, да Зубатов.

Большинство начальников управлений совершенно прекратили фактическое исполнение службы и все бросили, лишь бы не иметь неприятностей от департамента полиции. Зубатов относился еще вначале церемонно и боязливо к г. Киеву, боясь меня, как решительного человека, но ненавидел меня до великой глубины души. Это знал весь корпус жандармов. Затем он перешел со своими летучими отрядами и агентами-провокаторами и в Киев.

Когда для меня еще стали яснее и прозрачнее действия розыска Зубатова, то я, прибыв в Петербург в начале 1902 года, когда был товарищем министра внутренних дел, командиром корпуса и заведующим департаментом полиции генерал-лейтенант князь Святополк-Мирский[323], доложил его

сиятельству, что положение становится в общем невозможное от системы, приемов и направлений розыска по политическим делам Зубатова и директора полиции, на что получил такой ответ, врезавшийся у меня в память:

— А вы думаете, что я их более чествую, чем вы? Когда они являются ко мне с докладом, я с омерзением подаю им руку, которую в частной жизни я никогда не протянул бы им. Но я уверен, что вы сумеете с ними справиться.

Дальнейшее меня уже более чем убедило в том, что все происшедшие в период 1901–1902-1903 гг. уличные демонстрации с красными флагами и с надписью: «долой самодержавие», сходки, забастовки, беспорядки рабочих и мастеровых, с вооруженными нападениями на полицию и войска в городах Баку, Одессе, Киеве, Харькове, Екатеринославе и др., были подставляемы, организованы и производимы агентами Зубатова, распространявшими в массах прокламации, печатавшиеся в зубатовских же типографиях, на денежные средства департамента полиции. Все движения фабрично-заводского населения свелись к волнениям в крупных городах и в особенности в столицах, и стал вырастать и шириться особого рода охранно-полицейский социализм, выдвинувший ряд организаций в рабочей среде с такими опытными и энергичными революционными деятелями, как Зубатов, Меньщиков[324], Вильбушевич[325], Волин[326], Шаевич[327], Гапон[328] и др., состоявшими на большом жалованьи у департамента полиции и обладавшими нечистыми, нечестными революционными приемами и средствами. И таким образом в России искусственно создался в самом остром, жгучем виде за 1901–1903 гг. рабочий вопрос, выдвинувшийся во всей своей силе несравненно в более резкой форме, чем создали бы его революционеры, медленным весьма путем шедшие, осуществляя цели «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Это может подтверждаться сведениями, имеющимися в министерстве финансов и полученными от чинов фабричной инспекции, в особенности фабричного инспектора г. Одессы Петрова. Было бы еще хуже, если бы фабричную инспекцию изъяли из ведения министерства финансов и отдали ее окончательно в распоряжение министерства внутренних дел, как это предлагалось. Фабричная инспекция положительно в открытую вела борьбу с агентами-провокаторами Зубатова, защищая и отстаивая рабочих от влияния провокаторов.

Преступная деятельность Зубатова, Гапона и К°, руководителей народного и рабочего главным образом движения, выразилась в массовых стачках рабочих, в каковых они отнюдь не

преследовали ни блага России, ни блага рабочих, а между тем были руководителями покровительствуемых департаментом полиции легальных рабочих организаций, кои подготовлялись осторожно, а затем повели к стачкам, обманув своею благонамеренностью министра фон-Плеве и директора департамента полиции Лопухина[329], заполучая при этом в больших размерах денежные вознаграждения от департамента же.

Этим агентам-подстрекателям (agent provocateur), работавшим во тьме, величайшей карой является свет, проливаемый на их дела, и они, дошедшие до нравственного падения, не могут возбуждать к себе ничего кроме чувства глубочайшего сожаления и презрения. Если газетный слух верен, что на запрос с.-петербургской консистории департамент полиции ответил, что Гапон ныне не находится в пределах России, то это устанавливает то, что священник Гапон был несомненно агентом департамента, получавшим денежное содержание, в противном ж случае незадержание такой личности после и в момент бывших беспорядков в Петербурге 9 января, свидетельствует о полной несостоятельности розыскной части департамента полиции и охранного отделения.

Гапон был несомненно активным участником и подстрекателем в деле убийства в г. Полтаве секретаря местной консистории Комарова, в каковом преступлении обвинялись братья Скитские, а Гапон по этому делу остался в стороне, ибо следствие не было направлено с розыскной стороны на Гапона, который возымел личную злобу против Комарова за то, что тот не соглашался дать удовлетворительный отзыв о нравственных качествах Гапона при запросе о последнем из Петербурга. Об участии Гапона в деле убийства Комарова циркулировали слухи среди духовенства, и об этом мне говорил епископ полтавский Иларион, из боязни мести к нему не заявивший об этом в особенности тогда, когда Гапон приобрел силу в Петербурге и сделался влиятельным лицом на министра фон-Плеве и департамент полиции.

Московское охранное отделение, когда во главе его стоял Зубатов, действовало, как говорится, во всю своими провокаторскими действиями по всей России и плодило массы недовольных лиц правительством. Недовольство это еще более было поддержано кишиневским еврейским погромом. Насколько справедливы были и есть слухи о том, что погром был при участии правительственной власти, с целью воздержать евреев и воздействовать на них за участие в революционном движении, я утверждать сего не берусь, но вот факт: во время проезда директора департамента полиции Лопухина чрез Киев в г.

Кишинев для исследования происшедших беспорядков я на киевской станции, войдя в разговор по поводу этого, сказал, что киевское местное еврейское население находится в необыкновенно возбужденном состоянии и, между прочим, спросил Лопухина, были ли в департаменте полиции сведения из Кишинева о готовившихся убиениях евреев в Кишиневе, дававшие возможность предупредить погром, на что г. Лопухин мне ответил, что были — и были получены от губернатора, начальников охранного отделения и начальников жандармского управления.

Но почему же не были рекомендованы местной администрации меры к предупреждению беспорядков, которые в какой бы форме ни проявлялись? Грабежи с насилием людей и над их имуществом всецело ознакомляют народ с духом революционных начал и движений, что и доказали и установили бывшие уличные беспорядки в городах, при учинении которых народ не только ослушивался высшую административную и полицейскую власти, но и не проявил не только подчинения, но и шел на нее с вооруженным нападением, устраивая баррикады. Это плоды воспитания фабрично-заводских рабочих и мастеровых, вверенного Гапону, Зубатову и др. представителям полицейского розыска департамента полиции, в основе которого стоял карьеризм, но не живое дело розыска.

По расследовании беспорядков в Кишиневе и Одессе директором департамента полиции Лопухиным были признаны виновными кишиневский губернатор и одесский градоначальник, удаленные от должностей, а Зубатов и его компания остались в стороне, продолжая действовать по той же системе в С.-Петербурге, столице, где довели движение рабочих уже до невозможных пределов — и стачки и забастовки в губерниях, до сих пор продолжавшиеся, коснулись всего, что только возможно, и закончились забастовками занятий в учебных заведениях.

До чего действия департамента полиции и розыска в последние годы дошли, подтверждаю сохранившимся у меня письмом ко мне одного из видных начальников жандармского управления, который писал мне:

«…От души радуюсь, что вы назначены в комиссию, где будут разрабатываться вопросы столь важные для нас — чинов губернских жандармских управлений — и что вы не дадите нас в руки чиновников охранных отделений, которым хочется все и всех взять в свои руки и свести положительно на нет самостоятельность и деятельность жандармских управлений. Да, вы только и в состоянии отстоять и поднять значение и положение наших управлений».

К сожалению я ничего сделать не мог, как будет изложено ниже.

Во время производимых мною дел и поручений политического характера, возлагавшихся специально на меня, розыскная часть была и шла от департамента полиции и система этой части конечно мне была известна, и хотя я на розыски никаких денежных средств не получал, но все-таки я имел и ныне даже имею немало сторонников, близко стоявших к глуби революционного дела, и оно совершенно понятно. Двадцатипятилетнее пребывание мое в Киеве в должности начальника управления, провело чрез мои руки массу, тысячи людей, привлекавшихся к делам, положение которых в делах мною многим облегчалось, в особенности тогда, когда я видел неустой в человеке по молодому возрасту и раскаяние. Я таких лиц немало передал родителям, многих и очень многих устраивал на места, обеспечивавшие их существование, и затем ходатайствовал о принятии вновь в учебные заведения под личную мою ответственность, в чем всегда успевал, за многих даже уплачивал за право учения и слушание лекций. Это факт неопровержимый и известный многим из местной учившейся молодежи. Многие из этих лиц без всякого даже вознаграждения денежного являлись ко мне добровольно и снабжали меня полезными сведениями, касающимися политического движения, и в большинстве эти сведения всегда подтверждались действительностью при поверке таковых.

В этих лицах я имел большой противовес к сведениям, шедшим ко мне из департамента полиции и розыскных органов последнего.

Не одно личное мое знакомство с Зубатовым привело меня к заключению, что в лице его скрывался затаенный революционный террорист и ненадежный человек, а получавшиеся мною из революционной среды сведения через вышеупомянутых лиц, преданных мне, но не успевших еще отбиться от этой среды, отстать от нее, что не ставилось им в вину, ибо они приносили полезные сведения.

От этих лиц я получил следующие сведения: что Зубатов и его агенты чрез образованные ими организации, союзы среди фабрично-заводского населения и среди городских мастеровых и рабочих [ведут] противоправительственную пропаганду, направляют рабочих к устройству стачек, забастовок, уличных демонстраций, что беспорядки в Баку, Екатеринославе, Одессе, Киеве безусловно организовались агентами Зубатова, которые и распространяли среди рабочих в массах прокламации, изготовлявшиеся в зубатовских типографиях.

Что Зубатов хорошо знал о готовящемся покушении на жизнь министра Сипягина[330] и он же допустил организацию его убийства через своих злоумышленников, Мельниковым[331], который скрылся из г. Саратова, ранив задерживающего его филера, и известного организатора политических убийств Гершуни[332], который направлял Григорьева[333] на убийство во время похорон Сипягина обер-прокурора Победоносцева и статс-секретаря фон-Плеве. Затем по прошествии значительного времени Зубатов предательски направил Мельникова в Киев, где он и был арестован при таинственно-загадочной обстановке клевретом его, начальником киевского охранного отделения Спиридовичем[334], получившим чин подполковника за это задержание и большую денежную награду. Вот как щедро Зубатов вознаграждал своих клевретов.

Гершуни же Зубатов не арестовал вместе с Мельниковым, тогда как он был также в это время в Киеве, а оставил его на свободе для организации убийства уфимского губернатора Богдановича[335] за Златоустовское дело[336]. Это не простое, ординарное убийство, а двойное по цели Зубатова; первая цель — поддерживать террор убийством Богдановича, а вторая цель — сделать угодное министру фон-Плеве, чем овладеть последним окончательно.

Губернатора Богдановича я знал лично многое число лет. Он был человек более чем скрытный, робкий, нерешительный, носивший глубокую печаль по жизни своей, сложившейся и сопровождавшей его не по его вине, а со стороны его жены, которая находилась в любовной связи с давних пор с В. К. фон-Плеве, который двигал по службе Богдановича, чем заглушал в нем нерасположение к себе. Зубатов знал об этой связи и не мог не знать, так как многим чиновникам департамента полиции эта связь была известна, и Зубатов воспользовался ею, конечно, без согласия на это убийство со стороны В. К. фон-Плеве[337].

Убийство Богдановича было также организовано тем же Гершуни в г. Уфе, откуда по выезде чрез продолжительное время, Гершуни также как и Мельников был Зубатовым предан и арестован в г. Киеве тем же подполковником Спиридовичем и при более еще таинственной обстановке, чем Мельников. В Москве один из членов судебного ведомства, встретившись со мною, сказал мне, что в Москве циркулируют рассказы, что Гершуни был арестован в Киеве при загадочной обстановке, на что я ему ответил утвердительно, так как это судебное лицо тоже понимало Зубатова, как и я.

Пред выездом моим из Киева в Петербург, еще до задержания Гершуни, я получил в Киеве указание из моего секретного

источника, положительно и настоятельно указывавшее о нахождении Гершуни в Киеве, о розыске и задержании которого был особый циркуляр департамента полиции и по общей полиции; я пригласил к себе одновременно начальника охранного отделения Спиридовича и заведующего розыском по уголовным делам в Киеве Рудого и сказал им о полученном мною указании на присутствие Гершуни в Киеве и предложил усиленный розыск и задержание его. Пристав Рудой ответил мне, что и по полученным им сведениям Гершуни должен быть в Киеве, и что он примет все меры к задержанию его, и вышел, а подполковник Спиридович выразил мне, что по обстоятельствам общерозыскным задержание Гершуни еще преждевременно. Такой ответ мне показался странным и совершенно расходящимся с настоятельным требованием департамента полиции о задержании Гершуни. Затем я выехал в С.-Петербург и по прошествии времени получилась депеша об убийстве губернатора Богдановича, который революционной партии вовсе не был нужен. А вслед за убийством Богдановича последовало задержание Гершуни в Киеве при той обстановке, как сказано было выше, и производством было установлено, что Гершуни в Киев следовал из Уфы, где он и организовал убийство Богдановича.

Арест Гершуни был произведен после выезда моего из Киева в С.-Петербург.

В день получения в Петербурге депеши об убийстве Богдановича я прибыл в департамент полиции, где один из служащих, понимавших Зубатова, как и я, сказал мне, указывая на квартиру министра фон-Плеве:

— Не легко будет вот кому дышаться, ведь вы несомненно все знаете и о махинации всего дела Зубатова.

Затем Зубатов был, по настоянию генерала фон-Валя, изгнан не только из департамента полиции, но и со службы, с отдачею под гласный надзор полиции. Изгнание Зубатова несомненно сопровождалось раскрытием, наконец, его изменничества и провокаторства.

Зубатов пользовался большим доверием министра фон-Плеве, а уж директор департамента полиции Лопухин, по неопытности и незнанию революционного дела, весь был в руках Зубатова. Вся нить розыска была у Зубатова, который поставил так дело розыска, что совершенно уничтожил начальников жандармских управлений, обезличив их совершенно. Департамент полиции совершенно отшатнул начальников жандармских управлений от дела и службы прекращением с ними всяких сношений и презрительным отношением к ним, тогда как только начальники жандармских управлений одни и могли сильно помогать общему

делу розыска по всей империи, лично соприкасаясь по существу самого дела с лицами революционного дела, но не одной бумажной стороны дела.

Какое участие мог принимать Зубатов в деле убийства министра фон-Плеве, которым Зубатов был в несколько часов изгнан из департамента полиции, а следовательно и удален от дела руководителя розыском по всей империи, я не даю себе права ничего ныне пока сказать, но считаю необходимым к убийству этому дополнить следующий факт, действительность которого может быть признана имеющейся перепискою в департаменте полиции.

Дело касается сильнейшего взрыва, происшедшего в Северной гостинице в С.-Петербурге, при котором погиб человек, быв разорванным на мельчайшие части кроме ступней ног, сохранившихся в номере, занимаемом в сказанной гостинице, и оказавшийся бывшим студентом киевского университета Покотиловым[338], личность которого была установлена по пуговицам, оказавшимся на оставшихся в целости кальсонах, на каковых значилось «Монтре, Швейцария», а затем и по фотографической карточке, препровожденной мною в департамент полиции при особом сообщении о Покотилове.

Во время сильных и выдававшихся внутренних студенческих беспорядках в здании киевского университета, принимал в них, между другими, выдающееся участие названный студент Покотилов, который, быв исключенным из университета (был) отдан под гласный надзор полиции в г. Полтаве, откуда постоянно отлучался без разрешения в Киев. Получив сведения из секретного источника, вполне достоверного, что Покотилов, бывая в Киеве, постоянно находится в сношениях с выдававшимися революционною деятельностью лицами, а также сообщается с местным сообществом социал-революционеров, в основании программы коих состоит террор, и что затем Покотилов без разрешения тайно скрылся из Киева за границу, я об этом сообщил г. директору департамента полиции с препровождением и фотографической карточки Покотилова, которой и была установлена (его) личность после последовавшего взрыва в Северной гостинице.

Этот взрыв предшествовал убийству фон-Плеве и ясно и очевидно указывал, что покушение готовилось на жизнь статс-секретаря фон-Плеве, проезд которого мимо Северной гостиницы ожидался на панихиду в Александро-Невскую лавру по покойном убитом министре Сипягине в годовщину смерти последнего. Но, как известно, этому делу не дано было никакого развития от розыскной части департамента полиции, который не придал

никакого значения и моему сообщению о Покотилове и выезду его за границу, где Покотилов не разыскивался, и заграничная наша агентура не была, по всему вероятию, поставлена в известность проследить деятельность и сношения Покотилова с эмиграционным кружком в Швейцарии. Насколько мне известно, хотя опять-таки из секретного источника, в то время, когда я уже не состоял на службе, по делу убийства статс-секретаря фон-Плеве пребывание Покотилова было установлено в Белостоке, откуда и привезены были разрывные снаряды в С.-Петербург для убийства министра фон-Плеве.

Изложенное подтверждает, насколько департамент полиции игнорировал, презирал и топил сообщения начальников жандармских управлений, касающиеся розыскной части. Вот отчего и естественно начальники жандармских управлений отшатнулись от дел в последние годы и перестали сообщать департаменту полиции все, что касалось розысков, а иногда и во многом эти сообщения могли бы быть очень полезны. Иногда случалось устанавливать убийства по одной какой-либо незначительной и сжатой приписке в письме, находящемся при деле, чего ныне уже не делается с такою внимательностью. Подтвержу это следующим делом.

Мне было передано министерством юстиции дело об убийстве Никонова в г. Ростове-на-Дону, заподозренного революционной партиею в том, что он состоит агентом жандармских чинов, чего в действительности не было. Никонов был расстрелян среди белого дня шестью пулями. При деле находилось письмо неизвестного автора любовного содержания женщины, подписанное буквою Е, адресованное на [завод] Фронштейна, на имя лица, скрывшегося с завода после убийства и служившего на заводе с подложным документом, ведшего пропаганду среди рабочих. В этом письме сделана была сбоку краткая приписка: «у Саши родился ребенок, которого крестил столяр». Перебрав в киевской консистории все списки родившихся за последнее время, я установил записью, что Александра Ивичевич родила сына, которого крестил столяр Наддачин, ведший пропаганду в Киеве среди рабочих. По предпринятому розыску установилось, что близким человеком к семье Ивичевичей была Евгения Калиновская, которая была автором письма и любовницей Ивичевича, по фотографической карточке установили, что последний и жил на заводе Фронштейна с подложными документами и был убийцею Никонова.

В это время существовало III отделение собственной его величества канцелярии, которое уважительно относилось к

начальникам жандармских управлений, и во время существования III отделения и образования при нем секретной части секретного отделения в С.-Петербурге и агентуры и помину не было о провокаторстве со стороны III отделения, при котором я служил почти в течение восьми лет. Начальники жандармских управлений даже не понимали значения слова «провокатор», а между тем в последние годы агентство-провокаторство со стороны розыскной части департамента полиции развилось до беспредельности под руководством Зубатова, который безусловно шел на возбуждение рабочей среды, не только под покровительством, но и направлением департамента полиции, сначала главным образом в Москве, а затем перешел в С.-Петербург и перенес в провинцию чрез своих сторонников, клевретов, агентов и эмиссаров, ходивших в экскурсии по устройству организаций рабочих, стачек, забастовок, и таким образом рабочие фабрик и заводов, а также и городские рабочие и мастеровые как раз попадали в руки революции.

Насколько я знаю положительно и точно, министр фон-Плеве имел личную охрану под руководством д. с. с. Скандракова[339], бывшего адъютанта моего и затем начальника с.-петербургского и московского охранных отделений, офицера корпуса жандармов, но охрана эта отнюдь не была отделена от общей политической охраны департамента полиции и не могла быть отделена уже по одному тому, что Скандраков, как мне известно, жил даже в одной квартире с Зубатовым, о чем он мне сам говорил в бытность в Петербурге, добавляя, что он имеет мало надежных охранников. Я тогда же, с разрешения командира корпуса жандармов князя Святополк-Мирского телеграммою вытребовал из Киева несколько самых лучших, опытных по наблюдательной части офицеров, которые, к сожалению, были через несколько месяцев возвращены мне, и, как я думаю, по настоянию Зубатова, узнавшего, что в числе охранников министра фон-Плеве находятся киевские жандармы, преданные мне и верные во всем, и могут сообщить мне сведения, нежелательные для Зубатова.

Ряд убийств, из политических видов и целей совершенных, в последние годы, почти из года в год, гг. министров Боголепова[340], Сипягина, Плеве, генерал-губернатора Бобрикова[341], губернатора Богдановича, прокурора финляндского сената[342] и непредупрежденные совершенные покушения на других лиц точно свидетельствуют и безусловно верно устанавливают, что охранительной способности департамент полиции положительно в себе не включает, людей способных вести розыскное дело в департаменте нет и быть не может, потому что ведение розыска вверяется и распадается

среди чиновников, которые совершенно розыском не занимались, не имели дела, так сказать, с живыми существами, а только с бумажною мертвечиною.

Я, например, познакомился с одним служащим в особом отделе департамента полиции, в коем сосредоточивается розыскная и самая секретная части; я, разговаривая с ним, между прочим, спросил, где он получил образование, видя в нем совершенно молодого господина; получил ответ, что прошел несколько классов кадетского корпуса, откуда вышел по болезни. Правду нужно сказать, что он произвел на меня впечатление, по-видимому, надежного человека, но ведь представляет из себя совершенно ребенка по понятиям, воззрениям и знаниям. Вот почему и по делу взрыва в Северной гостинице деятельность предупредительных мер розыска и не была принята.

Убийство в Москве его императорского высочества великого князя Сергия Александровича среди дня произвело на все русское общество потрясающее впечатление, соединенное с глубоким сожалением и печалью.

Не может же это ужасающее преступление не подтвердить, что полиция политического розыска, находящаяся в руках департамента полиции, не только вызывает, но и требует реорганизации в серьезном смысле этого слова. В противном случае политические убийства и покушения будут продолжаться. Невозможно никого уверить в том, чтобы при тех денежных средствах, коими обладал и обладает ныне департамент полиции и распоряжается таковыми, невозможно было иметь внутренних надежных секретных агентов из сообществ тех, кои ведают убийц и постановляют убийства. Подтвержу лишь одним только примером, хотя отдаленного времени 1884 года.

В Киеве был задержан делегат, прибывший из Парижа, по указаниям внутреннего агента под именем Тейши оказавшийся по установлении Карауловым[343], для восстановления местной революционной партии, ослабевшей в своих действиях после задержания многих выдававшихся революционеров-террористов. Караулову в то время было более сорока лет, и, несмотря на такой зрелый, сознательный возраст, он был доведен допросами до откровенных показаний, в которых сознался и собственноручно написал, что он был в С.-Петербурге председателем исполнительного революционного комитета, утверждавшего смертные приговоры, и распределителем освобождения из Сибири политических ссыльных и преступников, которых снабжал литературою, на что имел средства от революционеров значительные, как о том свидетельствовали записи, взятые у него обыском.

При этом Караулов показал, что он утвердил приговор комитета об убийстве инспектора секретной полиции подполковника корпуса жандармов Судейкина, которого должен был убить агент его Дегаев[344], и когда об этом было объявлено упомянутым комитетом Дегаеву, то последний предложил услуги комитету, куда он был вызван, убить сначала великих князей до государя императора и министра графа Толстого, а затем Судейкина, к которому он близко стоя, может совершить эти убийства без особых затруднений. Но комитет отверг это предложение Дегаева и постановил совершить сначала убийство Судейкина, что и было сделано. Активные убийцы были вызваны из Киева — Конашевич[345] и Стародворский[346], взявшиеся за дело при содействии Дегаева. Между тем Конашевич и Стародворский были намечены к аресту в Киеве по развившемуся наблюдению, которое приходилось ликвидировать еще до убийства Судейкина, но инспектор секретной полиции Судейкин, которому были предоставлены права инструкциею останавливать действия начальников жандармских управлений, телеграммою меня просил приостановиться в действиях в виду соображения его по общему розыску в губерниях и того, что за этими лицами наблюдают агенты летучего отряда. И таким образом Конашевич и Стародворский, оставаясь на свободе, проникнули в С.-Петербург, где и совершили убийство Судейкина в квартире агента Дегаева. Это устанавливает, насколько вредна централизация всех розыскных дел в Петербурге, и департамент полиции не в состоянии предупредить всех дел, возникающих из провинциальных розыскных средств. Для охраны личности министра графа Толстого были также командированы жандармы — офицеры из Киева. Все это возможно проверить фактически в делах департамента полиции, где находятся подлинные рукописные показания Караулова и мои сообщения о Конашевиче и Стародворском. Конашевич, заарестованный в Киеве с разрывными снарядами, на которого мною были сделаны указания, как на одного из лиц, принимавших активное участие в убийстве Судейкина, возвращался ко мне обратно с сообщением, что даже требование его в Петербург не устанавливалось и, наконец, после неоднократных и настойчивых моих сообщений о том же, Конашевич был вновь препровожден в Петербург, где только в марте 1885 года сознался вместе со Стародворским, что они были активными убийцами Судейкина, раскрыв всю странную картину убийства ломами. А дело состояло в том, что Конашевич и Стародворский подкрашивали волосы и вооружали глаза очками, через что их личности менялись и не были признаваемы дворником за жильцов, а когда они, сознавшись в

совершенном преступлении, объяснили о краске волос и ношении очков, то дело восстановилось, и они оказались проживавшими в С.-Петербурге под чужими фамилиями с подложными документами и видами.

В 1902 г. я был вызван телеграммою министра фон-Плеве в г. Харьков, где возложено было на меня руководительство над всеми политическими делами, возникшими в Харьковской и Полтавской губерниях при совершении насильственных грабежей имущества местных землевладельцев крестьянами сих губерний[347]. Статс-секретарь фон-Плеве оказал мне большое внимание и доверие и настолько, что рекомендовал меня своему сыну, ныне камер-юнкеру императорского двора фон-Плеве[348], как старого сослуживца своего, друга и товарища. Это внимание и доверие ко мне столь были очевидны, что упомянутый сын его и бывший правитель канцелярии Арбузов просили меня воздействовать на министра в милостивом смысле на службу одного из генералов корпуса жандармов.

Статс-секретарь фон-Плеве в продолжительных беседах со мною по политическим делам сказал мне, что он совершенно временем отстал от политических дел, не знает еще настоящего внутреннего политически-революционного положения в России, с каковым и просил меня ознакомить. Насколько смог и умел, я доложил все, что только мог, и не доложил только о том, чего не знал. При этом я обратил внимание его на действия Зубатова, московского охранного отделения и политического провокаторства в рабочей среде, ненадежности его в смысле тесно-политическом и ведении розыскного дела приемами и способами, чрез летучие отряды, влекущие за собою большое недовольство в обществе чрез массовые аресты. На это мне министр ответил, что он все примет к сведению и «перелому» направления розыскной части департамента и тем более признает возможным легко ныне это сделать, что он, бывши в Москве, успел переговорить об этом с великим князем Сергием Александровичем, который просил выразить свое согласие на приостановку Зубатовым воздействий в отношении московского фабрично-заводского населения.

В города Харьков и Полтаву статс-секретарь фон-Плеве приезжал без всякой личной охраны, каковая была по просьбе его установлена мною и в Харькове и в Полтаве. Напутствовал меня г. министр фон-Плеве на возложенные им на меня поручения самыми добрыми пожеланиями.

В 1903 г. я вызван был министром в С.-Петербург по делам службы; явясь к нему, я уже встретил совершенно другой прием, причем статс-секретарь фон-Плеве выразил мне свое

неудовольствие в резкой форме в том, что будто бы я противодействую розыскной части и приемам департамента полиции, исходящим от него, на что я отвечал в отрицательной форме, доложил, что я никогда, по врожденной у меня дисциплинарности, не давал бы себе права, стоя во главе управления, чему-либо противодействовать, исходящему от высшего моего начальства, но что внутренне безусловно не разделяю приемов и системы департамента полиции и Зубатова, потому что глубоко убежден в ненадежности его, и уверен, что система Зубатова доведет до крайних пределов и последствий и отразится на общем недовольстве общества правительственной властью и главным образом особенно остро на фабрично-заводском населении, которое ведется зубатовскими агентами и пособниками к уличным демонстрациям, стачкам, забастовкам и организации в среде рабочих каких-то союзов, никем и ничем не санкционированных, и распространению среди тех же рабочих и городских рабочих и мастеровых прокламаций преступного содержания, печатаемых в зубатовских типографиях, помещаемых в провинциальных городах с ведома департамента полиции, но без всякого поставления об этом в известность начальников жандармских управлений, которые не знают, как относиться и вчинять ли производства по таким делам, какие заведомо создаются чинами департамента полиции провокаторскими способами, ведущими к террору и убийствам.

Результатом объяснения моего с статс-секретарем фон-Плеве было оставление мною службы, и я подал в отставку 1 июня 1903 года, оставил службу 13 октября 1903 г., а министр фон-Плеве был убит 15 июля 1904 года.

В 1902 году определились окончательно планы Зубатова по рабочему вопросу, одобренные в принципе министром фон-Плеве, и решено было организовать рабочих по этому плану по всей России с политическими программами и не только проповедывать, но и приводить их в исполнение внезаконным путем, нелегальным порядком. То, что делалось в Москве Зубатовым и в других городах России агентами Зубатова же, шло в разрез с законом о личном найме с уставом о промышленности и с уставами о предупреждении и пресечении преступлений, что и породило безусловно все беспорядки, стачки, забастовки в южных городах России и в особенности в Киеве, Одессе, Николаеве, Харькове, Баку и др.

Учрежденному «Обществу взаимного вспомоществования рабочих по механическому производству» было отпущено несколько десятков тысяч рублей от казны в виде поощрения и воспособления и, хотя в уставе этого общества и указывается, что

оно имеет целью выдавать пособия членам во время безработицы, но Зубатов и К° толковали рабочим, что под этим словом следует разуметь только забастовки, и что деньги с этой целью и отпущены, к каковым забастовкам свободно и легко агитаторы вели рабочих.

Несомненно то, что поворот министра фон-Плеве против меня последовал через Зубатова, которому фон-Плеве передал рассказ мой об его действиях по розыску, имея от меня представленные министру подлинные прокламации к рабочим, отпечатанные в зубатовских типографиях, от чего вероятно Зубатов отрекся, доложив дело в извращенном виде, чему министр фон-Плеве поверил, а затем и вверился в его правительственную деятельность, в чем жестоко ошибся, изгнав впоследствии его от себя, удалив из С.-Петербурга под надзор полиции, но уже было поздно, ибо зубатовщина пустила в рабочую среду глубокие корни зла с противоправительственным направлением во всем, а уж пособники Зубатова вели агитацию среди рабочих самыми бесцеремонными приемами и способами, дойдя до пределов устройства организаций, союзов и сходок на виду и глазах полиции и начальников жандармских управлений, имея за собою Зубатова и защиту департамента полиции, который был безусловно порабощен Зубатовым, видя в лице его спасителя России, министра и самого департамента полиции.

После доложенного мною министру о действиях Зубатова, подтвержденного мною фактическими доказательствами врученных прокламаций, я приобрел в личности Зубатова злейшего и непримиримейшего врага одного из всех начальников жандармских управлений, решившегося доложить министру, потому что возлагавшиеся на меня дела по югу и западу России несомненно верно и безошибочно ознакомили меня с делом ведения розысками департамента полиции, имевшими преступный провокаторский характер.

До чего дошла злоба Зубатова на меня, что он, безусловно он печатал в революционных изданиях, за границей издающихся и распространяющихся в массах в пределах России, о моих служебных неспособностях, о том, что я ведаю в Киеве делами тайного разврата и с утра до ночи неразрывно беседую с Бахусом, богом растительной силы в природе, особенно вина, что пьянствую с утра до вечера. Против подобных обвинений нет оправданий и оправдываться унизительно, но не могу не сказать того, что прочтение подчиненными мне чинами статьи в упомянутых изданиях возбуждало смех, а революционеры всегда обходили г. Киев, боясь быть в нем обнаруженными и задержанными. Наконец, на неспособного начальника

жандармского отделения, предававшегося пьянству, не возлагали бы из года в год дел для производства, выходивших из ряда обыкновенных.

С моей стороны подобные обвинения возбуждали презрение, но однако же наговоры на меня Зубатова имели последствием выход в отставку преждевременный и притом неполучение мною ордена за мою столь продолжительную, более 30 лет сряду, тяжелую службу в корпусе жандармов, на каковой я вправе был рассчитывать и надеяться при выполнении мною особых дел и поручений, не входивших в круг прямых и непосредственных моих обязанностей по должности начальника одной киевской губернии и в виду того, что за выполнение сих дел и поручений особых денежных дополнительных содержаний по должности не получал.

Прочтя в газетах изложение отчета заседания комитета министров 11 февраля и объявление товарища министра внутренних дел Дурново, касающееся положения об усиленной охране 1881 г., о том, что местная администрация из предоставленных ей полномочий пользовалась на практике главным образом воспрещением отдельным лицам пребывания в данной местности и административною высылкою неблагонадежных лиц в определенную местность Европейской или Азиатской России, и что усиленные аресты и обыски искусственно поддерживают раздражение в обществе, я к этому объяснению г. сенатора Дурново считаю не лишним добавить, как было и есть применение в данных случаях положения об охране: все не только высылки неблагонадежных в определенную местность, но и воспрещение пребывания отдельным лицам в данной местности шли всегда по предварительном сношении генерал-губернаторов с министром внутренних дел, а губернаторов по сношению с департаментом полиции.

Не только усиленные аресты и обыски, но и обыкновенные шли исключительно распоряжениями департамента полиции, но не начальников местных жандармских управлений, от которых была отнята секретными циркулярами и особыми секретными распоряжениями департамента полиции всякая инициатива обысков и задержаний по охране; в последние же годы департамент полиции обыски и задержания производил чрез начальников местных охранных отделений, прекратив всякие сношения даже с начальниками жандармских управлений, что безусловно подрывало в основании действующий закон об охране, и обыски и аресты чрез это поддерживали и поддерживают действительно искусственно сильное раздражение в обществе.

Опытный начальник жандармского управления хорошо

сознает, что неправильно и неосновательно направленный им обыск порождает личное недовольство к нему же, так как является мерою страшно тяжелою, в особенности для семейных людей; начальники же охранных отделений, обществу местному даже неизвестные, притом молодые, совершенно неопытные люди, ломят обыски и аресты, как говорится, во всю, так как они прикрываются начальниками жандармских управлений, которые только подписывают постановления об арестах, а местное общество, зная лишь действующий закон, а не секретные распоряжения департамента полиции, не оглашенные, все приписывают местному начальнику жандармских управлений, против которых и идет недовольство, совершенно ими незаслуженное.

Начальники жандармских управлений, поставленные в необходимость по секретным циркулярам и распоряжениям в департаменте полиции предварительно сноситься с последним о производстве обыска по охране, не могут этими обысками достигать каких бы то ни было успешных результатов, потому что сношения требуют времени и времени продолжительного, которое унесет за собою весь результат обыска. Если начальник управления употребит во зло или неумелое пользование добросовестно правом и оказанным ему доверием закона об охране, то он должен быть удален, но право, предоставленное охраною ему, если он представляется собственником службы жандармского офицера, не может быть парализовано и отнимаемо от него неоглашенным распоряжением департамента полиции. Как бы несоответственным службе в корпусе жандармов начальник управления ни был, он все-таки представляет по знаниям и опытности менее вредное лицо, чем начальник охранного отделения, назначаемый на эту должность из совершенно молодых и неопытных офицеров корпуса жандармов и из чиновников департамента полиции, которые и ввели усиленные аресты и обыски и тем действительно искусственно породили недовольство и раздражение в обществе.

Неоднократно бывали случаи, когда начальники охранных отделений производили обыски по охране чрез чинов общей полиции без всякого ведома начальников жандармского управления, причем по их указаниям полиция, в подобных случаях ничего не найдя при обыске, не составляла даже протоколов об обыске и исчезала, не оставляя за собою никакого следа произведенного следственного действия. Это одна из причин особой ненависти и нерасположения полиции к чинам охранного отделения. Чины полиции, быв обязанными распоряжением губернаторов выполнять положительно все

требования, исходящие от начальников охранных отделений, от которых стоит в зависимости даже их служба, поневоле и из страха ради идут на все требования и на всякое выполнение, лишь бы не потерпеть на службе, что фактически верно и достоверно.

Не вдаваясь в обсуждение общих причин, вызвавших настоящее смутное внутреннее состояние России, я позволяю себе твердо стоять на том и утверждать, что настоящему смутному положению отечества беспощадно содействовала провокаторская агитация, соединенная с революционным подстрекательством рабочих и политическим развращением учащейся молодежи, а затем и народных масс, в лице вышеупомянутых агентов-провокаторов — Зубатова, Гапона и других революционных подстрекателей, которые несомненно и теперь ведут ту же агитационную деятельность, оставляя оставшиеся кадры Зубатова, Гапона в стенах департамента полиции.

Эта провокаторская агитация на глазах моих, в последние дни службы моей, подрывала в губерниях значение всякой власти, установленной и держащейся законом, уничтожала право охраны полициею общества, стоящего в зависимости от департамента полиции, губила, парализовала власть и довела власть, без которой существование государства немыслимо, до совершенного упразднения в губерниях, представителями в которых стояли, несомненно, люди не стойкого характера.

Как русский человек и патриот и до мозга костей преданный престолу и верный заветам родной старины, невыразимо желаю, чтобы мои опасения не оправдались, но желаю искренно того, чтобы опыт и способы, имеющие столь тяжелые последствия, не повторялись чрез кадры Зубатова, Гапона и др. и чрез охранные отделения и летучие отряды филеров департамента полиции, которые по моему убеждению безусловно и бесповоротно подлежат подчинению во всем местным начальникам жандармских управлений, служебная и законная деятельность которых должна быть восстановлена и не должна парализоваться неоглашенными циркулярами и распоряжениями и совершенно ненормальными отношениями департамента полиции к ним, убивающими не только служебное, но и человеческое достоинство представителя службы и власти известного учреждения, поставленного в ответственность за действия по закону в том внимании, что централизация дел в департаменте полиции принесла только вред во всей России.

Невозможно даже придумать, чтобы департамент полиции имел такие секретные сведения по политическим делам, коими бы он не мог делиться с начальниками жандармских управлений.

Ведь не заглушил же департамент полиции действий по России агентов-подстрекателей. Об этом знали и сознавали это все жандармские чины и не знали об этом только те, которые не хотели об этом знать.

Корпус жандармов представляет из себя сильно сплоченную, компактную массу консервативного направления и убеждения людей, преданных беззаветно государю императору, охраняющих престол и сохранение государственного и общественного строя и восстановление известных учреждений прошлого, и, главным образом, верных заветам исторически родной старины, а потому поддержание корпуса в законом установленных его правах не может не входить в интересы правительства, и не могут действия чинов корпуса парализоваться неоглашенными распоряжениями департамента полиции.

notes

Примечания

1

В Петербурге подобный орган «преждевременно» возник еще в 1866 году, вне зависимости от III отделения, при канцелярии обер-полицмейстера. — *Прим. автора.*

Беренштам В. Л., статский советник, учитель Киевской военной гимназии, был казначеем украинской «Старой Громады». Когда в 1876 г. деятельность кружка была прекращена, Б. был выслан из Киева. Прибыв в Швейцарию, Б. принимал деятельное участие в устройстве Женевской типографии и в издании журнала «Громада».

З

Вержбицкий Анатолий Францевич (1875–1922). В 1895 г. жил в Швейцарии, поддерживая сношения с П. Б. Аксельродом и др. с.-д. В марте 1898 г. был арестован в числе других членов киевского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»; с 11 марта по 18 авг. 1898 г. сидел в тюрьме, а затем выслан из Киева под надзор полиции на 2 года вне университетских городов и фабричных районов. В дальнейшем работал в качестве агронома.

4

Драгомиров Михаил Иванович (1830–1905), ген.-адъютант, ген. от инфантерии. Известный военный писатель. В 1877–1878 гг. участвовал в русско-турецкой войне. В 1878–1889 гг. занимал должность начальника Академии Генерального штаба, а затем был назначен командующим войсками Киевского военного округа. В 1898–1904 гг. был киевским, подольским и волынским генерал-губернатором. В 1903 г. назначен членом Гос. совета.

5

Бердяев Николай Александрович, публицист, философ. Род в 1874 г. В 90-х годах принимал участие в с.-д. движении в Киеве. После ареста в 1898 г. был исключен из студентов Киевского ун-та и сослан в 1900 г. в Вологодскую губ. на 3 года. Уже тогда Бердяев начал отходить от марксизма, перейдя сначала к идеализму, а затем к мистицизму. В 1922 г. выслан за границу.

6

Относительно повода к арестам Водовозов ошибается: о первом съезде (начало марта) власти узнали гораздо позже и общие, захватившие всю Россию, аресты были вызваны тем, что к тому времени наблюдением была выяснена широкая сеть с.-д. организаций и входящих в их состав лиц. К дознанию по Киеву было привлечено сто человек, среди которых были руководители тогдашнего с.-д. движения в Киеве, как Б. Эйдельман, Л. Тесслер и др.

7

Зубатов Сергей Васильевич (1864–1917). Не окончив гимназии, поступил на службу в почтово-телеграфное ведомство. В 80-х годах был членом московского народовольческого кружка. В 1885 г. З. вошел в сношения с начальником московского охранного отделения Бердяевым, работая в качестве секретного сотрудника. С раскрытием его секретного сотрудничества, З. перешел на службу охранного отделения, сначала в качестве филера, а потом чиновника особых поручений при департаменте полиции и был назначен заведывающим особым отделом. 17 сентября 1903 г. был уволен от службы. В марте 1917 г. покончил жизнь самоубийством. О Зубатове см. еще в тексте, глава XVII.

8

Луначарский Анатолий Васильевич. Род. в 1875 г. в Полтаве. В с.-д. движении принимает деятельное участие с 1897 г. Сотрудничал в целом ряде большевистских органов («Вперед», «Пролетарий», «Новая Жизнь»). В эпоху реакции примыкал к группе «Вперед». В 1917 г. был в организации межрайонцев, вместе с которыми во время VI съезда вошел в партию большевиков. С октябрьской революции стоит бессменно на посту народного комиссара просвещения. Известен своими многочисленными работами по искусству и литературе, а также как драматург.

9

Ратнер Марк Борисович (1871–1917). Публицист, народник и общественный деятель. По окончании Киевского ун-та работал в качестве присяжного поверенного. Видный сотрудник «Русского Богатства» и других изданий, помещал статьи по марксизму, аграрному вопросу и рабочему законодательству. В своих статьях Ратнер с 1903 г. начал уделять внимание еврейскому вопросу и был одним из главных публицистов социалистической еврейской рабочей партии (так наз. «СЕРП»).

10

Тарле Евгений Викторович, академик, историк, род. в 1874 г. Профессор Ленинградского ун-та. Известен своими работами по истории рабочего класса во Франции в эпоху французской революции и позднее, а также исследованиями по истории континентальной блокады и новейшей истории Зап. Европы.

11

Благодаря моему отсутствию во время обыска обыскивавший мою квартиру частный пристав украл у меня 50 руб. Произошло это следующим образом. Прислуга открыла двери; вошла целая орава полицейских; у них в руках было, по словам прислуги, «богато ключей». Прислугу они отослали в кухню и с помощью подобранных ключей открыли стол. В ящике были деньги. Только после этого сочли они нужным позвать домохозяина. В качестве понятого, частный пристав вынул из кармана деньги и предложил хозяину пересчитать их. Денег оказалось 108 руб.; так это и было записано в протокол, который подписал домохозяин. Между тем денег было на 50 руб. больше. Жаловаться, разумеется, было невозможно. — *Прим. автора*.

12

Милюков Павел Николаевич. Род. в 1859 г., историк и политический деятель. Лидер конституционно-демократической партии. В 1886–1895 гг. приват-доцент Московского ун-та; в связи с делом о союзе землячеств был уволен из числа преподавателей, уехал в Рязань и оттуда в Болгарию, заняв кафедру русской истории при Софийском ун-те, где пробыл до 1899 г. Редактировал центральный орган конституционно-демократической партии газету «Речь» с 1906 г. Член Гос. думы III и IV созывов. После Февральской революции — министр иностранных дел Временного правительства. В настоящее время живет в Париже, редактирует русскую эмигрантскую газету «Последние Новости».

13

«Русь» — общественно-политическая и литературная газета. Издавалась А. А. Сувориным под редакцией Изнара. Закрылась в 1908 г.

14

Цитирую по «Товарищу», № 353, 24 августа 1907 г. — *Прим. автора.*

15

Эта поздравительная прокламация была перепечатана в выходившем тогда за границей социал-демократическом журнале «Искра», № 33, откуда я ее и беру. Подлинная прокламация у меня не сохранилась, но перепечатка вполне точна. — *Прим. автора.*

16

Чертков Михаил Иванович (1829–1905), ген.-адъютант, ген. от кавалерии. В 1868–1873 гт. наказной атаман войска Донского, в 1877–1881 гг. киевский ген.-губернатор и команд. войсками Киевского военного округа, с 1881 г. член Гос. совета; в 1901–1905 г. варшавский ген.-губернатор.

17

Шувалов Петр Андреевич, граф (1827–1889), Пб. обер-полицмейстер; затем директор департамента общих дел, остзейский ген.-губернатор и в 1866–1874 гг. шеф жандармов. Член Гос. совета.

18

Об убийстве Гейкинга см. еще в тексте и примеч. 138.

19

О покушении на убийство Котляревского см. еще в тексте и примеч. 135.

Фигнер Вера Николаевна. Род. в 1852 г. В 1872 г. поступила на мед. фак-т Цюрихского ун-та, а также вступила в студенческий революционный кружок. В дек. 1875 г. вернулась в Россию; в 1877–1878 гг. работала в самарском и саратовском землевольческих поселениях. В 1879 г. примкнула к исполнит. комитету «Народной Воли». В 1880 г. участвовала в приготовлениях к взрыву царского поезда на Одесской жел. дор. В июле 1880 г. возвратилась в Петербург и принимала участие в образовании военной организации партии «Народной Воли». В мае 1881 г. уехала на юг России с целью организации покушения на генерала Стрельникова. С июня 1882 г. оставалась единственным уцелевшим членом исполнит. комитета. Выданная С. Дегаевым, В. Н. Фигнер 10 февр. 1883 г. была арестована в Харькове. В сент. 1884 г. приговорена Спб. военно-окруж. судом к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. Заключена в Шлиссельбургскую крепость, где пробыла до 29 сент. 1904 г. В настоящее время живет в Москве.

Ивичевич, Иван см. примеч. 133.

22

Иванченко Григорий («Роман») Род. в 1856 г., херсонский мещанин, рабочий-модельщик. Входил в одесский кружок Заславского. Участвовал в подкопе под здание харьковской тюрьмы с целью освобождения Фомина. Арестован в Киеве после вооруженного сопротивления на Жилянской улице 11 февр. 1879 г. Во время перестрелки с жандармами И. был ранен в голову. На допросе и суде отказался назвать свою фамилию, а потому получил наименование «неизвестный, раненый в голову». Киевским военно-окружным судом 4 мая 1879 г. был приговорен к 14 годам и 10 мес. каторги. За побег из Иркутской тюрьмы в 1880 г. было прибавлено 5 лет и 2 мес. Просидев 10 лет, подал прошение о помиловании и в 1889 г. отправлен на поселение в Забайкальскую область.

23

Убийство шпиона Тавлеева в Одессе было произведено 5 сент. 1876 г.

24

Об Я. Стефановиче, Л. Дейче, И. Бохановском и В. Дебагории-Мокриевиче см. примеч. 121, 128,181,113.

25

Гольденберг Григорий Давыдович (1855–1880). Первые связи Г. с революционным движением в Киеве относятся к 1873–1874 гг. В авг. 1875 г. поступает в Пб. в слесарную мастерскую рабочим. В 1876 г. был арестован и выслан в Киев. В 1877–1878 гг. принимал активное участие в работе киевских революционеров. Будучи заподозрен в покушении на жизнь тов. прокурора Котляревского, Г. был арестован и в апр. 1878 г. выслан в г. Холмогоры Архангельской губ., оттуда бежал, перейдя на нелегальное положение. 9 февр. 1879 г. Г. убивает Харьковского ген. губернатора кн. Кропоткина. Затем принимает участие в Липецком съезде. Участвовал в переговорах в Харькове для организации покушения на Александра II. Отправившись за динамитом в Одессу для московского подкопа, на обратном пути 14 ноября 1879 г. арестован в Елисаветграде. В Одесской тюрьме был доведен до сознания и до убеждения, что выдачею всего ему известного он сможет прекратить правительственный террор. Тогда он написал обширное заявление, давшее правительству ряд сведений о составе и деятельности «Народной Воли» и других кружков. 15 июля 1880 г. покончил самоубийством, убедившись, что он был обманут следственными властями.

26

Соловьев Александр Константинович (1846–1879). Учился на юрид. фак-те Пб. ун-та. Работал у Н. Н. Богдановича в с. Воровине, близ Торопца, в кузнечной мастерской, служившей сборным пунктом революционеров-пропагандистов, затем на поселениях в Нижегородской губ. во Владимире, в Самарской, Воронежской, Тамбовской и Саратовской губ. В конце декабря 1878 г. возвратился в Пб. с решением совершить цареубийство. 2 апреля 1879 г. стрелял в Александра II близ Зимнего дворца, но промахнулся и был задержан. 28 мая был казнен.

Гартман Лев Николаевич. Род. 1850 г. в Архангельской губ. Начало революционной деятельности Г. относится к 1876 г. В Ростове на Дону Г. вместе с Емельяновым организовали кружок; из-за доноса ему пришлось бежать и перейти на нелегальное положение. Ведя пропаганду среди крестьян, был арестован на Кубани. Выпущенный через год на поруки, скрылся. В 1878 г. в Саратове вступил в кружок сестер В. и Е. Фишер. Служил волостным писарем в Саратовской и Тамбовской губ. В 1879 г. Г. вместе с С. Перовской был хозяином дома, откуда шел подкоп под полотно Московско-Курской жел. дор. с целью взорвать царский поезд. 19 ноября взрыв произошел во время следования свитского поезда, который был принят за царский, прошедший за полчаса раньше. Г. благополучно перебрался за границу, в Париж, где явился заграничным представителем «Народной Воли». Русское правительство потребовало выдачи его. Г. был арестован, но под влиянием общественного мнения освобожден. Отправившись в Лондон, он пользовался здесь поддержкою Маркса.

28

Лорис-Меликов Михаил Тариелович (1825–1888), граф, ген.-адъютант. Во время войны 1877–1878 гг. командовал корпусом на азиатском театре военных действий. В янв. 1879 г. назначен врем. ген.-губернатором Астраханской, Саратовской и Самарской губ., а 5 апр. в Харькове врем. ген.-губернатором 6 губерний с особыми полномочиями; 12 февр. 1880 г. — нач. Верховной распорядительной комиссии, а с ее упразднением, 6 авг. т. г. министром вн. дел. В мае 1881 г. Л.-М. оставил пост министра вн. дел и уехал за границу. 20 февр. 1880 г. на жизнь его было произведено неудачное покушение И. О. Млодецким, который 22 февр. 1880 г. был повешен.

29

Ланганс Мартын Рудольфович (1853–1884). Был членом кружка Ф. Волховского. За распространение нелегальной литературы среди крестьян Екатеринославской и Херсонской губерний был арестован, после 3½ лет заключения судился в 1877 г. по процессу 193-х, и был оправдан. В 1879 г. был снова арестован в Киеве и выслан в Пруссию. В середине 1880 г. нелегально возвращается в Пб. и примыкает к партии «Народная Воля». После 1 марта 1881 г. Л. уехал в Киев, где 21 апр. был арестован. В 1882 г. Л. был предан суду, по процессу 20-ти приговорен к бессрочной каторге и заключен в Алексеевский равелин, где и скончался от чахотки.

30

Морейнис (Муратова) Фанни Абрамовна. Род. в Николаеве в 1860 г. В янв. 1878 г. тайно от родных уехала в Одессу, где занялась сапожным мастерством. В 1879 г. поступила работницей на канатный завод, а затем помощницей фельдшерицы в еврейскую больницу. Перейдя на нелегальное положение, уехала вместе с Н. Н. Колоткевичем в Пб. и поселилась на конспиративной квартире вместе с Н. Кибальчичем и А. В. Якимовой. На этой квартире вырабатывался нитроглицерин и другие материалы, предназначенные для покушения на Александра II. В марте 1881 г. М. уехала, и была арестована в Киеве 21 апр. В апр. 1883 г. Одесским военно-окруж. судом была приговорена к 4 г. каторжных работ и отправлена на Кару. По отбытии срока наказания отправилась на поселение в Читу.

31

Якимова Анна Васильевна (по мужу Диковская). Род. 12 июня 1856 г. 12 мая 1875 г. была арестована за распространение среди крестьян запрещенных изданий. Около года пробыла в Вятской тюрьме, а затем была отправлена в Пб., где судилась по процессу 193-х, была оправдана и уехала в Вятскую губ. В апреле 1878 г. с целью пропаганды среди крестьян отправилась по Тверской, Ярославской, Костромской и Нижегородской губ. Устроилась чернорабочей на Сормовский завод. В 1879 г., прибыв в Пб. вошла в террористическую группу «Свобода или смерть». Принимала участие в организации покушения на жизнь Александра II под Александровском и Одессой. В декабре 1880 г. перешла с Богдановичем в помещение на М. Садовой, где они поселились под фамилией Кобозевых, ведя работу по устройству подкопа. 3 марта 1881 г. уехала из Петербурга и была арестована в Киеве. Судилась по процессу 20 народовольцев в 1882 г. и приговорена к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. В авг. 1883 г. отправлена в Сибирь. Каторгу отбывала в Карийской и Акатуевской тюрьмах. Окончила каторгу по манифесту 1899 г. и отправлена на поселение в Забайкальскую обл. В авг. 1905 г. была арестована в поезде жел. дор. на ст. Орехово-Зуево. В сентябре 1906 г. была приговорена за самовольную отлучку из Сибири к 8 мес. тюремного заключения. 7 июня 1907 г. вышла из Читинской тюрьмы.

Плеве Вячеслав Константинович (1846–1904). Выдвинулся, участвуя в дознаниях по политическим делам в должности прокурора варшавской и петербургской судебных палат. В 1881 г. директор департамента полиции. В 1884 г. сенатор и тов. министра вн. дел. В 1894 г. госуд. секретарь и управляющий кодификационной частью при Гос. совете. В 1896 г. статс-секретарь. В 1899 г. министр и статс-секретарь вел. кн. Финляндии. В 1902–1904 гг. министр вн. дел. Убит 15 июля 1904 г. по постановлению боевой организации партии с.-р. Е. Сазоновым.

33

Никвист Александр, наборщик типографии Шеперсона в Пб. на Васильевском острове. По поручению партии «Народной Воли», вместе с С. А. Андржейковичем принимал участие в устройстве тайной типографии в доме № 30 по Ковенскому переулку и печатании революционных изданий. Арестованный 31 авг. 1883 г., выслан под надзор полиции в Зап. Сибирь на 5 лет.

Ентыс Александра (по мужу Булгакова), одна из виднейших членов партии «Пролетариат». Арестована в Варшаве на почте 17 сент. 1883 г. Административно выслана в Зап. Сибирь на 5 лет.

35

Бардовский Петр Васильевич (1847–1886). В 1880–1884 г. мировой судья I участка г. Варшавы. Принимал участие в работе партии «Пролетариат», хотя членом ее не был. Квартира Бардовского служила местом собраний Центрального комитета «Пролетариата». Бардовский организовал склад изданий партии, хранил у себя кассу последней и стремился к организации революционной пропаганды в армии. Арестован в 1884 г. Варшавским военно-окруж. судом 23 ноября. 20 дек. 1885 г. приговорен к смертной казни, приведенной в исполнение 16 янв. 1886 г.

36

Оссовский Михаил, сапожник. Член партии «Пролетариат». По поручению Центрального комитета «Пролетариата» убил предателя Скжипчинского. Варшавским военно-окруж. судом 20 декабря 1885 г. приговорен к смертной казни, последовавшей 16 января 1886 г.

Петрусинский Ян, ткач, член партии «Пролетариат». Обвинялся вместе с Блиох в убийстве предателя Гельшера в Згерже. Обвинение было построено на ложном показании Пацановского, оговорившего многих из своих товарищей. Несмотря на заявление другого обвиняемого, Поплавского, что убийство совершено им, Варшавский военно-окруж. суд 20 дек. 1885 г. приговорил Петрусинского к смертной казни.

38

О Дурново П. Н. см. примеч. 69.

39

Оржевский Петр Васильевич, сенатор, ген.-лейтенант, в 1882–1887 гг. тов. министра вн. дел и командир корпуса жандармов. До назначения на эту должность Оржевский был начальником Варшавского жандармского управления.

Квятковский Сигизмунд Иосифович, поручик 47 пехотного Украинского полка. Окончил в 1886 г. Киевское пехотное училище.

Доморацкий Степан Иванович.

42

Бык Павел Семенович, столяр. С 1891 г. был разведчиком киевской группы.

43

Ванновский Петр Семенович (1822–1904), ген.-адъютант, ген. от инфантерии. В 1881–1898 гг. — военный министр, с 1883 г. член Гос. совета. В 1889 г. В. было поручено расследование причин студенческих беспорядков, происходивших в том же году. До апреля 1902 г. — министр народного просвещения.

44

Покушение на ген. Новицкого было произведено 27 мая 1903 г. членом партии с.-р. Ф. М. Фрумкиной, за покушение осужденной на 11 лет каторги, которую отбывала в Горном Зерентуе.

45

Оноприенко Виктор Иванович, начальник Пб. губ. жандармского управления.

Веледницкий Василий, чиновник киевской контрольной палаты, предатель. Член киевского революционного кружка. В своих откровенных показаниях осветил работу киевских революционеров, а также организации украинофилов, начиная с 1873 г.

Лизогуб Дмитрий Андреевич (1850–1879). Учился в Пб. Ун-те. В 1874 г. бросил ун-т, посвятив себя делу революционной пропаганды, отдав все свои большие средства на революционные нужды. Пробыв некоторое время за границей, Л. поселился у себя на родине в дер. Листвине. В 1878 г. после процесса Ковальского приехал в Одессу, где был арестован; Одесским военным окруж. судом приговорен к смертной казни и повешен 10 авг. 1879 г.

48

Барклай де Толли Михаил Богданович (1761–1818), князь, ген.-фельдмаршал, был главнокомандующим одной из армий в войну 1812 г.

49

Бенкендорф Александр Христофорович (1783–1844), граф, ген. от кавалерии, ген.-адъютант; первый начальник III отделения, в устройстве которого был ближайшим помощником Николая I.

50

Общество [Любителей] древней письменности и искусства основано в 1877 г. кн. П. П. Вяземским и гр. С. Д. Шереметьевым. Одна из основных задач о-ва — это воспроизведение в виде факсимиле старинных рукописей, преимущественно лицевых.

51

Казаки говорили, что «русским может быть каждый, а казаком нужно родиться». — *Примечание автора.*

52

Милютин Дмитрий Алексеевич (1816–1912), граф, ген.-адъютант, ген.-фельдмаршал. В 1858–1881 гг. военный министр и главный деятель военных преобразований. При Александре III и Николае II не принимал активного участия в государственных делах, оставаясь членом Гос. совета.

53

Граббе Павел Христофорович (1787–1875), ген.-адъютант. Член Гос. совета. Донским войсковым атаманом был в 1865–1866 гг.

54

Платон (Николай Иванович Городецкий) (1803–1891). В 1867–1877 гг. архиепископ Донской, в 1877–1882 гг. архиепископ Херсонский и Одесский и с 1882 г. митрополит Киевский и Галицкий.

55

Барятинский Александр Иванович (1814–1879), князь, ген.-адъютант, ген.-фельдмаршал. С 1836 г. был назначен состоять при наследнике (впоследствии Александре II), дружеским расположением которого он пользовался всю жизнь. В 1856–1862 гг. команд. Кавказским корпусом и наместник Кавказа. С 1862 г. не занимал ответственных должностей и проживал большей частью за границей.

56

Михаил Николаевич (1832–1909), вел. князь, ген.-фельдмаршал, четвертый сын Николая I. В 1853 г. назначен ген.-фельдцехмейстером. В 1863–1881 гг. был наместником на Кавказе. В войну 1877–1878 гг. главнокомандующий армией на азиатском театре военных действий.

57

Николай Николаевич (старший) (1831–1891), вел. князь, третий сын Николая I. В русско-турецкую войну 1877–1878 гг. главнокомандующий на европейском театре военных действий. После войны произведен в фельдмаршалы.

Числова Екатерина Гавриловна. В середине 60-х годов брат Александра II, вел. князь Николай Николаевич, вступил в связь с балетной артисткой Е. Г. Числовой. Связь эта продолжалась около 10 лет и имела характер брака. У нее было от вел. князя 6 человек детей. Против Числовой при дворе велась кампания, результатом чего было решение насильственно разорвать эту давнюю связь. Когда Николай Николаевич находился на Кавказе, 9 ноября 1875 г. Числова была выслана в г. Венден Лифляндской губернии и отдана под гласный надзор полиции.

59

Трепов Федор Федорович, ген.-адъютант, ген.-лейтенант. В 1864 г. варшавский обер-полицмейстер, затем Пб. обер-полицмейстер и Пб. градоначальник; см. еще в тексте.

Волнения в Харькове начались 17 апр. по незначительному поводу. Были вызваны войска, которые убили несколько человек из толпы. Убитых стали демонстративно носить по городу, затем толпа при участии революционеров напала на полицейское управление. Губернатор и полиция бежали из города, который три дня находился в руках народа.

61

Кропоткин Дмитрий Николаевич (1836–1879), ген.-майор, харьковский военный губернатор.

Писарев Николай Сергеевич, прокурор Харьковской судебной палаты.

63

Карцов Александр Петрович (1817–1875), ген. от инфантерии, ген.-адъютант, команд. войсками харьковского военного округа с 1869 г.

Нектарий (Николай Самойлович Надеждин) (1819–1874). В 1851 г. ректор Киевской духовной академии и епископ. В 1860 г. назначен архиепископом Нижегородским, а затем Харьковским.

Прожанский Александр Яковлевич, харьковский полицмейстер.

Мезенцев Николай Владимирович (1827–1878). ген.-адъютант, шеф жандармов. Убит 4 августа во время прогулки на Михайловской площади в Пб.

Кравчинский Сергей Михайлович (1850–1894). Получил образование в Михайловском артиллерийском училище. Прослужив недолго на военной службе в провинции, поступил вольнослушателем в Московский ун-т. В 1872 г. по приезде в Пб. поступил в Лесной ин-т, а также стал деятельным членом кружка чайковцев. В качестве члена кружка вел пропагандистскую работу среди рабочих. В 1874 г. К. вместе с Дм. Мих. Рогачевым отправились в Тверскую губ. для работы среди крестьянства, были арестованы сельскими властями, но бежали. К. удалось затем пробраться за границу, где он увлекся литературной деятельностью. Живя в Италии, Кравчинский близко сошелся с Бакуниным и итальянскими социалистами. Весной 1878 г. К., приехав в Пб., примкнул к «Земле и Воле». 4 авг. 1878 г. на Михайловской площади убил шефа жандармов ген. Мезенцева и потом уехал за границу. Здесь он занимался, главным образом, литературными работами. Известны его работы: «Подпольная Россия», «Домик на Волге», «Штундист Павел Руденко», «Андрей Кожухов», «Царь-Чурбан», «Царь-Цапля», а также статья политического характера в газетах.

Иванов Аполлон Викторович (1842–1909).

69

Дурново Петр Николаевич. Род в 1845 г. В 1899–1905 гг. тов. министра вн. дел. В 1905–1906 гг. министр вн. дел, член Гос. совета.

Половцев Александр Александрович (1832–1909). В 1873 г. назначен сенатором и в 1880–1882 гг. ревизовал Киевскую и Черниговскую губ. В 1883 г. статс-секретарь. В 1892 г. назначен членом Гос. совета.

Дурново Петр Павлович, ген.-адъютант, харьковский губернатор, затем директор департамента уделов мин-ва двора. Член Гос. совета. В 1905 г. Московский ген.-губернатор, затем гласный Пб. городской думы и ее председатель.

Игнатьев Николай Павлович (1832–1908), граф, ген.-адъютант. С 1855 г. на дипломатической службе. 19 февр. 1878 г. заключил Сан-Стефанский договор. В 1881 г. назначен министром гос. имуществ, а затем министром вн. дел. С 1882 г. не у дел, после попытки предложить созыв Земского собора.

73

Игнатьев Алексей Павлович (1842–1906), граф, ген.-лейтенант. В 1885–1889 гг. иркутский ген.-губернатор. В 1889 г. назначен киевским ген.-губернатором. В 1896 г. член Гос. совета. В 1905 г. председатель особого совещания, образованного на основании указа 12 декабря 1904 г. Убит в Твери 9 дек. 1906 г. в губернском земском собрании Ильинским.

Клейгельс Николай Васильевич, ген.-адъютант, ген.-лейтенант. Варшавский полицмейстер. С 1895 г. Пб. градоначальник. После ухода Драгомирова киевский, подольский и Волынский ген.-губернатор до апреля 1905 г.

Гурко Иосиф Владимирович (1828–1901), ген.-адъютант, ген.-фельдмаршал. Один из главных участников русско-турецкой войны 1877 г. В 1879–1880 гг. Пб. временный ген.-губернатор. В 1882 г. назначен врем. ген.-губернатором в Одессе и команд. войсками округа. В 1883 г. варшавский ген.-губернатор и команд. войсками Варшавского военного округа. В 1884 г. произведен в ген.-фельдмаршалы с увольнением с должности, с оставлением в звании члена Гос. совета.

Имеретинский Александр Константинович (1837–1900), светл. князь, ген.-адъютант, ген. от инфантерии, член Гос. совета. Участник русско-турецкой войны 1877 г. В 1879 г. назначен начальником штаба Пб. военного округа, в 1897 г. варшавским ген.-губернатором.

Шувалов Павел Андреевич (1830–1908), ген.-адъютант, ген. от инфантерии, член Гос. совета. Принимал участие в Крымской войне. Затем начальник штаба Пб. военного округа. В 1885–1894 гг. посол в Берлине. Возвратясь в Россию, назначен варшавским ген.-губернатором и команд. войсками до 1896 г., затем одесский и московский градоначальник. Убит 28 июня 1905 г. членом боевой организации партии с.-р. П. Куликовским.

Зубов Платон Александрович (1767–1822), граф, ген.-адъютант, ген.-фельдцехмейстер. Последний фаворит Екатерины II. Принимал участие в убийстве Павла I.

Валентинович Фекла Игнатьевна, дочь литовской помещицы. Супружество П. А. Зубова с 19-летней Валентинович продолжалось недолго, не прошло и года, как Зубов умер.

Каракозов Дмитрий Владимирович (1840–1866). В 1861 г. поступил в Казанский ун-т, откуда был исключен за участие в студенческих волнениях и выслан из Казани, в сент. 1863 г. был принят обратно в Казанский ун-т. В 1864 г. перешел в Московский ун-т, откуда исключен в 1865 г. за невзнос платы. В Москве вошел в кружок Н. А. Ишутина. Прибыв в Петербург, 4 апреля стрелял в Александра II у Летнего сада. Задержанный на месте, Верховным уголовным судом приговорен к смертной казни. Повешен 3 сентября 1866 г.

81

Берлинский конгресс был созван для пересмотра условий Сан-Стефанского договора (1878 г.), вследствие требовании Австрии и Англии. Конгресс открылся 1 июня 1878 г. По постановлению Берлинского конгресса Болгария была разделена на три части — Вассальское княжество Болгарию, Восточную Румелию и Македонию. Последние две части остались под турецким владением. Босния и Герцоговина были отданы во временное управление Австрии. Размер военной контрибуции был уменьшен до 300 млн., но взамен условленной суммы Россия получила Карскую область и Батум.

82

Для подчинения хивинцев России в 1873 г. были отправлены в Хиву русские войска под начальством ген. Кауфмана, которые в мае достигли Хивы. Оседлое население подчинилось русской власти, за исключением туркменов. Для подчинения туркменов и уплаты контрибуции, в июне был отправлен отряд полковника Ломакина в г. Хозавату. По окончательном замирении края, в г. Хиве был заключен мир, по которому Хива подчинялась России, уплачивала военные издержки и уступала территорию по правую сторону р. Амударья и Аральского моря.

83

Вел. княгиня *Мария Александровна*, дочь Александра II.

84

Принц *Альфред*, герцог Эдинбургский, второй сын английской королевы Виктории, впоследствии герцог Саксен-Кобург Готский.

85

Тимашев Александр Егорович (1818–1893), ген.-адъютант, ген. от кавалерии. В 1856 г. начальник штаба корпуса жандармов и управляющий III отд. собств. е. и. в. канцелярии, затем ген.-губернатор Казанской, Пермской и Вятской губ. В 1867 г. министр почт и телеграфа. В 1868–1877 гг. министр вн. дел.

86

Толстой Дмитрий Андреевич (1823–1899), граф, обер-прокурор Синода в 1865–1866 гг., министр народного просвещения в 1866–1880 гг., министр вн. дел с 1882 г., член Гос. совета, президент Академии Наук и почетный ее член.

87

Секта пашковцев возникла в 70-х годах XIX века. Свое название пашковцы получили от имени отставного полковника гвардии Василия Александровича Пашкова, последователя английского проповедника лорда Редстока. Пашковцы отрицали иконы, святых, таинства и церковную иерархию.

88

Секта штундистов появилась на юге России в 60-х годах XIX века. В первое время появления секты правительство относилось к ней снисходительно и допускало свободное устройство молитвенных собраний. В 1894 г. министр вн. дел признал секту вредною и не разрешил устраивать общественные и молитвенные собрания штундистов. Штундисты отрицали иконы и таинства, хотя часть из них признавала крещение и причащение.

89

Слезкин Иван Львович, на службе в корпусе жандармов с 1848 г., нач. московского губ. жандармского управления с 1867 г.

90

Потапов Александр Львович (1818–1886), ген.-адъютант, ген.-майор. В 1860–1861 гг. московский обер-полицмейстер. В 1850–1864 гг. начальник штаба корпуса жандармов и III отделения. В 1868 г. виленский ген.-губернатор. В 1874–1876 гг. — шеф жандармов.

91

Нечаев Сергей Геннадиевич (1847–1882). Вольнослушатель Пб. ун-та. Принимал участие в студенческих волнениях 1868–1869 гг. С конца янв. 1869 г. жил в Москве, Киеве, Одессе. 4 марта 1869 г. уехал в Женеву, где сошелся с Бакуниным. Возвратившись в Москву 3 сент. 1869 г., через студента П. Г. Успенского познакомился со студентами Московской земледельческой академии, с которыми в окт. 1869 г. сорганизовал кружок общества «Народной Расправы», 21 ноября 1869 г. вместе с П. Успенским убил студента Иванова, после чего выехал в Пб., а оттуда за границу. 14 августа 1872 г. был арестован в Цюрихе и выдан русскому правительству как уголовный преступник. 19 окт. 1872 г. перевезен в Пб. и заключен в Петропавловскую крепость. 8 янв. 1873 г. Московским окруж. судом за убийство студента Иванова приговорен к каторжным работам в рудниках на 20 лет и поселение в Сибирь навсегда. 28 янв. заключен в Алексеевский равелин Петропавловской крепости. В конце 70-х годов, распропагандировав команду Алексеевского равелина, вошел в сношение с народовольцами. Сношения были раскрыты благодаря предательству Л. Мирского. Умер 21 ноября 1882 г. в Алексеевском равелине.

92

Ишутин Николай Андреевич (1840–1879). Вольнослушатель Московского ун-та. Находился в сношениях с обществом «Земля и Воля» 60-х годов. Основатель и глава общества «Организация» и «Ад». Арестован в апреле 1866 г. после каракозовского выстрела. Преданный Верховному уголовному суду по делу Каракозова, был приговорен к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. Умер от чахотки на Каре 5 января 1879 г.

93

Кропоткин Петр Алексеевич (1842–1921), князь, теоретик анархизма, географ. По окончании Пажеского корпуса служил офицером в Амурском казачьем войске. В 1867–1871 гг. был секретарем Географического общества. В 1872 г. отправился в Бельгию и Швейцарию, примкнул к I Интернационалу. В 1873 г. К. сделался одним из деятельных членов кружка чайковцев, состоя его казначеем. В 1874 г. К. был арестован. 30 июня 1876 г. бежал из Николаевского военного госпиталя, уехал за границу и поселился в Швейцарии, но в 1881 г. был оттуда выслан. До революции 1917 г. К. большую часть времени прожил в Лондоне, принимая деятельное участие в делах русских анархистских групп. После Февральской революции приехал в Россию. Умер в г. Дмитрове.

Рогачева Вера Павловна (урожд. Карпова, по второму мужу Свитыч), судилась по процессу 193-х, оправдана, но выслана затем в Вологодскую губ. в начале 80-х годов добровольно последовала за мужем Дм. Мих. Рогачевым на Кару. Умерла в Якутске в 90-х годах.

Никифораки Антон Николаевич, ген.-майор.

Клеменц Дмитрий Александрович (1848–1914). Будучи студентом Пб. ун-та. примкнул к кружку чайковцев. Впоследствии был одним из редакторов «Общины» и «Земли и Воли». В январе 1879 г. был арестован и сослан в административном порядке в Восточную Сибирь, где пробыл до 90-х годов. Живя в Сибири, много работал над изучением страны в области этнографии и географии. По возвращении из ссылки в Петербург работал по организации этнографического отдела Русского музея, а также служил в Этнографическом музее Академии Наук.

Чайковский Николай Васильевич (1850–1926). Видный член кружка чайковцев, названного по его имени. Деятельность Чайковского обратила внимание властей и ему пришлось скрыться за границу. Прожив несколько лет в Америке, в 1879 г. вернулся в Европу и обосновался в Лондоне, принимая участие в заграничн. отд. Красного Креста «Народной Воли» и в фонде Вольной русской прессы. В 1917 г. после Февральской революции вернулся в Россию и после Октябрьской революции стал вести активную борьбу против советской власти. В 1919 г. стоял во главе белогвардейского Северного правительства в Архангельске, потом жил в эмиграции.

Низовкин Александр Васильевич, деятель пропаганды среди рабочих в Петербурге в первую половину 70-х годов. Затем — предатель. Судился по процессу 193-х, но был оправдан.

Рогачев Дмитрий Михайлович (1851–1884). По окончании артиллерийского училища служил до 1873 г. Выйдя в отставку в 1873 г. с чином поручика, поступил рабочим на Путиловский завод. В 1873 г. отправился с Кравчинским в Тверскую губ. для пропагандистской работы среди крестьян. После этого бурлачил на Волге, оттуда перебрался на Дон в Ростов, где жил среди босяцкой артели. Несколько раз во время своих странствований Рогачев был арестован, но всякий раз ему удавалось бежать, благодаря силе и ловкости. Наконец, в 1876 г. был арестован, судился по процессу 193-х и был приговорен к 10-ти годам каторжных работ. До октября 1880 г. содержался в Новоборисоглебской центральной тюрьме. На Кару прибыл в конце февраля 1882 г.

100

Указание Новицкого, что Дм. Рогачев казнен, ошибочно, так как Дм. Рогачев умер от воспаления легких в ссылке на Каре. Новицкий спутал Дм. Рогачева с его младшим братом Ник. Мих. Рогачевым (1856–1884), членом Центрального военного кружка «Народной Воли». Преданный Дегаевым, он был арестован в Москве в апреле 1883 г. и Пб. военным судом по процессу 14-ти был приговорен к смертной казни, приведенной к исполнению 10 октября 1884 г.

101

Фишер Василий Федорович, студент Мед. — Хир. академии, а затем Киевского ун-та. В 1874 г. был арестован и судился по процессу 193-х. По приговору суда сослан на поселение в вологодскую губ. с воспрещением заниматься фельдшерской практикой.

Брешковская Екатерина Константиновка (урожд. Вериго), род. в 1848 г. Играла видную роль в революционном движении с 1873 г. Арестована в 1874 г. в Тульчине. Судилась по процессу 193-х и осуждена на 5-летнюю каторгу. Прибыла на Кару в декабре 1878 г. В 1879 г. каторга заменена поселением в Баргузине Забайк. обл., откуда летом 1880 г. бежала с тремя товарищами. Весной 1881 г. была арестована и осуждена на 4 года каторги. Прибыла вторично на Кару в 1882 г. В 1884 г. на поселении в Селенгинске Забайк. обл. В 1896 г. переехала в Европ. Россию и с образованием партии с.-р. примкнула к ней. С мая 1903 г. жила за границей, 22 сент. 1907 г. была арестована в Симбирске и заключена в Петропавловскую крепость. В 1910 г. сослана по суду в Сибирь. Февральская революция 1917 г. застала ее в Минусинске. После октябрьской революции вела активную борьбу с советской властью, участвуя в работах Самарского Учред. собрания. В настоящее время находится за границей.

103

Иванова Ольга Константиновна. Умерла до начала крупных арестов 70-х годов.

Бенецкий Василий Александрович. В 1874 г. арестован и судился по процессу 193-х, но был оправдан.

105

Судзиловский Николай Константинович. Род. в 1850 г. Будучи студентом V курса мед. фак-та киевского ун-та, отправился в Самарскую губ. для революционной пропаганды в народе. В 1874 г. эмигрировал за границу, в Румынии сдал экзамен на врача и жил под фамилией д-ра Рееселя, оказывая постоянную помощь русским революционерам. Перебравшись в Америку в Сан-Франциско, работал в качестве врача. Здесь он выдержал упорную борьбу с епископом Алеутским и Аляскинским Владимиром, разоблачая его деятельность. Будучи затем на Гавайских островах, принял там участие в первых политических выборах, был избран гавайским сенатором, а затем председателем сената. Во время русско-японской войны переехал в Японию и издавал там для русских военнопленных газету «Япония и Россия».

Филипп Александра Ильинична. Двоюродная сестра Е. Брешковской, получившая в наследство от дяди имение Горяны Полоцкого уезда Витебской губ.

107

Каблиц (Юзов) Иосиф Иванович (1848–1893). Играл большую роль в народническом движении. Вначале бакунист, впоследствии перешедший к правому крылу легального народничества. Учился в киевском ун-те, курса не окончил. Был привлечен к процессу 193-х, бежал за границу и по возвращении в Россию несколько лет жил нелегально в России. После издания своей книги об «Основах народничества» (1882) получил возможность легализироваться и писать под своим настоящим именем. Продолжением этой работы была другая книга «Интеллигенция и народ в общественной жизни России» (1885 г.).

108

Тетельман Лазарь Абович. Приехал в Киев из Петербурга с целью организовать помощь заключенным в киевской тюрьме. Будучи арестован, заболел в тюрьме, после чего был освобожден и 25 ноября 1877 г. умер.

109

Чернышев Иван Яковлевич. Был товарищем Каблица по Киевскому ун-ту и входил в его кружок. Во время арестов членов кружка успел скрыться за границу, в Цюрих. Был лавристом, но по возвращении из-за границы стал бакунистом.

110

Стронский Николай Яковлевич. Умер в Петербурге в тюрьме в 1875–1876 гг.

Дробыш-Дробышевский Алексей Алексеевич. Студент Пб. ун-та и член пб. революционного кружка. В 1873 г. приехал в Киев и поселился в «Коммуне». Ходил в народ вместе с Гориновичем. Когда начались аресты 1874 г., Д. был отправлен в Борзенский уезд, дер. Плиски, предупредить Трезвинского и Ходько об угрожавших им арестах. На обратном пути в Киев был арестован и отправлен в Нежин, где содержался при полиции. Там Д. завязал сношения со Смирновым, арестованным за неимение вида на жительство, и предложил последнему вступить в число членов «Киевской революционной организации». Когда Смирнов согласился, Д. дал ему письма к Чернышеву, Бенецкому и др. Смирнов обманул доверие Д., передал письма властям и тем способствовал разгрому «Киевской коммуны». Судился по процессу 193-х. Приговорен к ссылке в отдаленные губернии кроме сибирских. После кратковременного ареста в марте 1878 г., во время стачки рабочих на новой бумагопрядильне, скрылся.

Фрост Константин. Входил в кружок С. Ковалика. Умер до начала крупных арестов.

113

Дебагорий-Мокриевич Владимир Карпович (1848–1926). Учился в Киевском ун-те. В 1873 г. будучи в Швейцарии, сблизился с Бакуниным, по возвращении в Россию сделался убежденным пропагандистом. Осенью 1873 г. поселился в «Киевской коммуне». Во время арестов пропагандистов, судившихся впоследствии по делу 193-х, Д.-М. удалось скрыться за границу. Вскоре возвратился в Киев, но, разыскиваемый полицией, вынужден был перейти на нелегальное положение. 11 февр. 1879 г. арестован в Киеве и по приговору киевского военно-окруж. суда осужден на 14 лет и 10 мес. каторжных работ. По дороге на каторгу около Иркутска ему удалось бежать в Москву, куда прибыл в февр. 1881 г., а затем Швейцарию. Здесь отрешился от прежних народнических взглядов, сделавшись конституционалистом. Принимал участие в журнале «Самоуправление» (1887–1888 гг.), а также в 1889 г. вместе с В. Бурцевым выпустил три номера «Свободной России». Написал «Воспоминания».

Братья *Левенталь* Найхман и Лейзер, входили в кружок киевских чайковцев. В 1874 г. эмигрировали за границу.

115

Аксельрод Павел Борисович (1850–1928). Поступив в 1872 г. в Киевский ун-т, с осени того же года завязал сношения с рабочими, ведя среди них революционную пропаганду. Был членом кружка чайковцев в Киеве. В 1874 г. летом во время арестов бежал за границу. Сотрудничал в органе бакунистов «Работник», после этого был одним из основателей и редакторов «Общины» (1878). В 1879 г. вернулся в Россию и примкнул к «Черному Переделу». В 1883 г. совместно с Дейчем, Плехановым и Засулич основал группу «Освобождение труда». Находясь за границей, знакомит Западную Европу через иностранную прессу с русским революционным движением. В 1890 г. после основания газеты «Искра» и журнала «Заря» принимает участие в редакционной работе обоих изданий. На втором съезде РСДРП Аксельрод занял позицию меньшинства и стал главным теоретиком в области тактики меньшевиков. Вернулся в 1917 г. в Россию, но вскоре уехал и умер эмигрантом, одним из ожесточеннейших противников Советской России.

116

Лурье Семен, род. в 1853 г. В 1873–1874 гг. студент Киевского ун-та и секретарь киевского кружка чайковцев. Арестован 6 авг. 1874 г. После 1½-годичного заключения бежал при содействии Л. Дейча из тюрьмы и уехал за границу. Окончил университет в Генуе. Умер в начале 1890-х годов в Швейцарии.

117

Каминер Надежда Исааковна, вместе с сестрой Августиной входила в киевский кружок чайковцев. В 1874 г. бежала из Киева за границу, скрываясь от преследования по делу о распространении революционных книг; жена П. Б. Аксельрода. Каминер Исаак Абрамович служил земским врачом в дер. Танаевке, Нежинского уезда, Черниговской губ.

118

Коленкина Мария Александровна, по мужу Богородская, род. в 1850 г. Училась на акушерских курсах в Киеве. Занималась пропагандой среди крестьянства. Избежав ареста, не была привлечена к процессу 193-х. Одно время принадлежала к кружку Дебагория-Мокриевича. Намеревалась убить тов. обер-прокурора уголовного кассац. деп-та Сената В. А. Желиховского, обвинителя по процессу 193-х, поехала к нему, но он ее не принял. В октябре 1878 г. была арестована вместе с А. Малиновской, под фамилией М. И. Федоровой, оказав вооруженное сопротивление. Судилась в процессе Веймара и приговорена к каторжным работам на 10 лет. Прибыла на Кару в феврале 1881 г., а в 1886 г. отправлена на поселение в Иркутскую губернию.

119

Ильясевич Василий. Во время арестов 1874 г. не был привлечен к процессу 193-х из-за обнаружившейся психической болезни.

Волкенштейн Алексей Алексеевич. Врач, муж Людмилы Александровны Волкенштейн. Будучи студентом Киевского ун-та, близко стоял к киевским кружкам лавристов, но затем постепенно отдалился от революционной деятельности. Привлеченный по процессу 193-х, был оправдан. После освобождения своей жены из Шлиссельбургской крепости в 1896 г. отправился с ней на Сахалин.

Стефанович Яков Васильевич (1853–1915). Будучи студентом Киевского ун-та, скрылся вследствие грозившего ему ареста из-за сношения с Жебуневым и перешел на нелегальное положение. Зимой 1875 г. С. познакомился в Киеве с Чигиринскими крестьянами и решил принять участие в Чигиринских волнениях (см. в тексте о Чигиринском деле). Составил от имени царя «тайную грамоту», в которой призывал крестьян собраться тайно от властей, составить «тайную дружину». Явившись в качестве «государева комиссара» под именем Дмитрия Найды, занялся организацией «тайной дружины». Правительство через доносы узнало о существовании среди крестьян революционной организации. Были произведены массовые аресты крестьян, а 3 сент. 1877 г. в дер. Талалаевке был задержан и С. с Дейчем и Бохановским. Посаженные в киевскую тюрьму, они все трое бежали в мае 1878 г. при помощи М. Фроленко. Будучи принят в «Землю и Волю», он после распадения последней примкнул к «Черному Переделу», а после 1 марта 1881 г. примкнул к «Народной Воле». Арестован в Москве в 1882 г., был приговорен по процессу 17-ти в 1883 г. к каторжным работам на 8 лет. С 1883 по 1890 г. пробыл на Каре, после чего ушел на поселение в Якутскую область. В 1906 г. издал «Дневник Карийца». В 1915 г. умер у себя на родине.

122

Ларионов Петр Федорович, бывший юнкер. Судился по процессу 193-х. Сослан в Тобольскую губернию с лишением всех прав и преимуществ. Умер в Тюмени 11 сент. 1878 г.

123

Горинович Николай Елисеевич, бывший юнкер. Осенью 1874 г. был арестован. На допросе дал откровенные показания, получил благодаря этому свободу, через год после освобождения явился в Елисаветград. Появление Г. сочтено было опасным для революционной организации и его решено было убить. Исполнение приговора было поручено Л. Дейчу и В. Малинке. Но Горинович остался жив, будучи изуродованным.

Польгейм Идалия Осиповна, попала в число членов «Киевской коммуны» случайно. Ее встретил в лесу П. Б. Аксельрод. Из рассказа П. выяснилось, что она ушла от родителей вследствие расхождения во взглядах. По предложению Аксельрода П. отправилась с ним в «Коммуну», где и поселилась. Судилась по процессу 193-х, но была оправдана. Обвинения обитателей «Киевской коммуны» в безнравственном поведении главным образом основаны на показаниях П.

125

Трезвинский Иван Дмитриевич, сельский учитель в селе Плиски Борзенского уезда; имел сношения через Дробыш-Дробышевского с «киевской коммуной», а также с одесскими пропагандистами. Судился по процессу 193-х и по приговору суда подлежал гласному надзору полиции на 3 года. Умер в дек. 1878 г.

Ковалик Сергей Филиппович (1846–1926). В 1869 г. окончил Киевский ун-т. В 1871 г. избран мировым судьей. Не получив утверждения в должности председателя съезда, К. в том же году уехал в Пб. и с осени 1873 г. всецело отдался революционному движению. Завязав сношения с Ф. Лермонтовым, Ковалик по его предложению уехал в конце 1873 г. в Швейцарию к М. Бакунину. В начале 1874 г. организовал один кружок в Пб., а другой в Харькове. В мае 1874 г. был арестован. Судился по процессу 193-х и был приговорен к 10 годам каторжных работ. В 1898 г. ему разрешено было возвратиться в Европ. Россию.

127

Рабинович Моисей Абрамович. Входил в пб. кружок Ф. Лермонтова, по поручению которого ездил в 1873 г. в Киев для устройства книжной агентуры. Участник процесса 193-х. Выдал властям главных участников процесса. По приговору суда сослан в Иркутскую губернию на 2 года. Заболев психически, в июне 1880 г. был помещен в Иркутскую больницу, а в 1881 г. в Казанскую лечебницу для душевнобольных.

128

Дейч Лев Григорьевич. Род. 1855 г. Будучи вольноопределяющимся Херсонского полка в Киеве, в 1876 г. принимал участие в освобождении из тюрьмы студента Лурье, покушении на Гориновича, Чигиринском деле (см. примеч. 116, 121, 123). Примкнул в 1879 г. к «Черному Переделу». В 1883 г. вместе с другими основал группу «Освобождение Труда». В марте 1884 г. случайно был арестован в Германии в Фрейбурге и выдан русскому правительству под условием судить его как уголовного за покушение на убийство Гориновича. Одесским военно-окруж. судом в 1884 г. приговорен к 13 годам и 10 мес. каторги. Отбывал наказание на Каре, куда прибыл в 1885 г. В 1897 г. на поселении в Сретенске. В 1901 г. бежал из Благовещенска, примкнул к «Искре», после второго съезда меньшевик. В 1917 г. редактировал вместе с Г. В. Плехановым газету «Единство».

129

Давиденко Иосиф Яковлевич (1856–1879), студент Пб. ун-та. Будучи гимназистом был заключен в тюрьму за хранение нелегальной литературы. В 1876 г. снова привлечен к следствию по делу о покушении на Гориновича и пропаганде в Екатеринославе. Затем его разыскивали по Чигиринскому делу, но он успел бежать в Одессу, перейдя на нелегальное положение. В 1879 г. был предан одесскому военно-окруж. суду по делу Чубарова и Лизогуба и приговорен к смертной казни. Повешен 10 августа 1879 г.

Костюрин Виктор Федорович (Алеша Попович) (1853–1919), студент Новороссийского ун-та, принадлежал к кружку Волхонского, затем присоединился к киевскому кружку Дебагория-Мокриевича. В 1877 г. был арестован, но бежал из одесского губ. жанд. управления при помощи М. Фроленко. Вскоре был вновь арестован в Херсоне. Судился по делу 193-х и по делу о покушении на Н. Гориновича. Одесским военно-окруж. судом 3 дек. 1879 г. приговорен к 10 годам каторги.

131

Малинка Виктор Алексеевич (1853–1879). Учился в Киевском ун-те. Входил в кружок Дебагория-Мокриевича. Принимал участие вместе с Л. Дейчем в покушении на Гориновича. Был арестован в Полтаве, предан одесскому военно-окруж. суду, 3 дек. приговорен к смертной казни и повешен 7 дек.

Павлов Александр Спиридонович. ген.-майор, начальник киевского жандармского управления.

133

Ивичевич Иван. Входил в «Южно-российский рабочий союз» Заславского в Одессе, а затем член кружка В. Осинского и киевского исполнительного комитета. Вместе с Осинским участвовал в покушении на тов. прокурора Котляревского. На квартире у Ив. Ивичевича в Киеве (в д. Коссоровской по Жилянской ул.) произошло 11 февр. вооруженное сопротивление. Во время перестрелки с жандармами Ив. Ивичевич был тяжело ранен. Умер в больнице 19 февр. 1879 г. И*вичевич* Игнат. Входил в «Южно-российский рабочий союз» Заславского в Одессе, а затем член кружка Осинского и Киевского исполнит. комитета. Был арестован при вооруженном сопротивлении вместе со своим братом Иваном на квартире последнего 11 февр. 1879 г. Раненый смертельно во время перестрелки с жандармами умер 16 февр. 1879 г.

Обращаем внимание читателей, что историю с письмом, благодаря которому была установлена личность убийцы Никонова Ив. Ивановича, Новицкий на стр. 216–217 передает несколько иначе: там говорится не о смерти, а о рождении ребенка.

Брантнер Людвиг. Принадлежал к Харьковскому революционному кружку. Во время вооруженного сопротивления в Киеве 11 февр. 1879 г. на Жилянской улице Брантнер получил две раны — одну в поясницу, а другую в руку. По приговору Киевского военно-окружного суда повешен 14 мая 1879 г.

135

Котляревский Михаил Михайлович, тит. советник, тов. киевского губернского прокурора.

136

Осинский Валериан Андреевич (1853–1879). Учился в Пб. инте путей сообщения. Оставив институт, уехал в Екатеринославскую губернию, поступил секретарем земской управы, затем в Ростов на службу в городской думе. В 1875 г. вступил в кружок лавристов, в 1876 г. примкнул к «Земле и Воле», где явился провозгласителем новых террористических тенденций, действовал в Киеве от имени Исполнительного комитета, организовал освобождение из тюрьмы Стефановича и его товарищей, с Ив. Ивичевичем и др. совершил нападение на тов. прокурора Котляревского. 24 янв. 1879 г. был арестован, предан вместе с товарищами киевскому военно-окруж. суду и 14 мая повешен. На стр. 102 Новицкий ошибочно приписывает Осинскому участие в убийстве Мезенцева и авторство «брошюры» «Смерть за смерть». Автором последней был убивший Мезенцева Кравчинский.

137

Медведев Алексей Федорович (Фомин), род. в 1852 г. служил почтальоном, затем конторщиком. 1 июня 1879 г. участвовал в попытке освобождения Войнаральского. 2 июня был арестован, предан Харьковскому военно-окруж. суду, приговорен к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. Содержался в каторжных тюрьмах, в Петропавловской крепости и на Каре. По манифесту 1891 г. был отправлен на поселение в Читу.

138

Гейкинг Густав Эдуардович. Умер 29 мая 1878 г.

139

Диковский Сергей Дорофеевич. Род. в 1857 г., учился в Новороссийском ун-те. Арестован в 1880 г. в Киеве и судился по процессу М. Попова, Иг. Иванова и др. Был приговорен к каторжным работам на 20 лет. После манифеста в 1892 г. выехал на поселение в Якутскую обл., а оттуда в 1898 г. в Иркутскую губ.

140

Убийство бар. Гейкинга совершил 25 мая 1878 г. Попко Григорий Анфимович (1852–1885), студент Новороссийского ун-та. Сблизившись с организатором Южно-российского союза Заславским, становится деятельным его помощником. По приезде в Киев вошел в кружок Осинского. В авг. 1878 г. был арестован в Одессе в одной из пивных. Одесским военно-окруж. судом в 1879 г. был приговорен к бессрочной каторге и отправлен на Кару.

Избицкие Владислав Иосифович и Генрих Людвигович. По пути на каторгу Владислав И. бежал, но погиб в дороге.

142

Беверлей Николай, студент, член кружка И. М. Ковальского. Арестован по подозрению в участии в покушении на тов. прокурора Котляревского в 1878 г. Убит при попытке побега из Киевской тюрьмы 29 авг. 1878 г.

143

Лопухин Александр Алексеевич.

Ковалинский Дмитрий Михайлович, ген.-майор.

145

Войнаральский Порфирий Иванович (1844–1898). Будучи студентом Московского ун-та, в 1861 г. выслан в Архангельскую губ. за участие в студенческих волнениях. В начале 70-х годов возвратился на родину в Пензенскую губ., избран мировым судьей, но не был утвержден в этой должности. Один из главных деятелей эпохи «хождения в народ». В июле 1874 г. арестован в Самаре. Судился по делу 193-х и был приговорен в 1877 г. к каторжным работам на 10 лет. Отбывал их в Ново-Борисоглебской центральной тюрьме, в 1882 г. переведен на Кару, а в 1894 г. выпущен на поселение в Верхоянский округ Якутской области. В 1897 г. вернулся в Европ. Россию.

146

Судейкин Георгий Порфирьевич. В июне 1878 г. после убийства барона Гейкина назначен адъютантом Киевского губ. жанд. управления, где обнаружил свои полицейские дарования. С 1882 г. инспектор секретной полиции, развивший исключительную систему сыска и предательства. Убит 16 дек. 1883 г. на квартире С. П. Дегаева народовольцами Н. П. Стародворским и В. Конашевичем.

147

Волошенко Иннокентий Федорович (1848–1908). Студент Новороссийского ун-та. Впервые был арестован 24 янв. 1879 г. вместе с В. Осинским и С. Лешерн. По приговору Киевского военно-окружного суда 1 мая 1879 г. присужден к 10 годам каторжных работ. В янв. 1880 г. бежал из Иркутской тюрьмы, но был задержан. За побег прибавлено 11 лет каторги. В ноябре 1180 г. прибыл на Кару. В сент. 1890 г. вышел в вольную команду, в 1905 г. вернулся в Европ. Россию.

Лешерн-фон-Герцфельд Софья Александровна (1840–1898). В 1873–1874 г. вступила в кружок Ф. Лермонтова. Затем в роли пропагандистки отправилась в Саратовскую губ. и в 1874 г. там же была арестована. Судилась по процессу 193-х и приговорена к ссылке в Тобольскую губ., но по ходатайству ее матери оставлена в Пб. Переехав в Киев, вошла в близкие сношения с кружком Вал. Осинского, была арестована в феврале 1879 г. и приговорена киевским военно-окруж. судом к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. Прибыла на Кару в начале 1880 г., в сент. 1890 г. выпущена в вольную команду. Умерла на поселении в Селенгинске Забайк. обл.

149

Засулич Вера Ивановна (1851–1919). В 1868 г. приехала в Пб. и вошла в кружок Нечаева. В 1869 г. была арестована, освобождена, затем в марте 1871 г. выслана в Тверь, в 1872 г. переведена в Солигалич и в дек. 1873 г. в Харьков, где оставалась под надзором до сент. 1875 г. Летом 1877 г. узнав о наказании розгами в ДПЗ по распоряжению пб. градоначальника Ф. Ф. Трепова студента Боголюбова (Емельянова), осужденного по делу о казанской демонстрации 1876 г., отправилась в Петербург и 24 января 1878 г. стреляла в Трепова. Суд присяжных оправдал В. Засулич, после чего она уехала за границу. Заведывала вместе с П. Л. Лавровым заграничным отделом Красного Креста «Народной воли». В 1883 г. вошла в группу «Освобождения Труда». В конце 1900 г. состояла членом редакции «Искра». В 1903 г. после второго съезда РСДРП перешла к меньшевикам. Умерла в Петрограде.

150

Стеблин-Каменский Ростислав Андреевич (1858–1894). Учился в Харьковском ветеринарном ин-те. Судился по делу 193-х, был подвергнут 5-ти мес. тюремному заключению и одному мес. по приговору суда. Арестован в Киеве 11 февр. 1879 г., после вооруженного сопротивления в доме Коссоровской. Приговором киевского военно-окруж. суда осужден на 10 лет каторжных работ. Прибыл на Кару в марте 1880 г. В 1885 г. поселился в Якутской обл.

Орлов Павел Александрович (1856–1890). Войдя в оренбургский революционный кружок, сделался деятельным пропагандистом. В 1874 г. был арестован, судился по процессу 193-х, был оправдан и выслан в Архангельскую губ. После побега прибыв в Киев, 11 февр. 1879 г. был арестован после вооруженного сопротивления в доме Коссоровской. По пути на Кару пытался бежать, но неудачно. По отбытии каторги в 1887 г. был поселен в Якутской обл. В 1890 г. убит близ Якутска разбойником-якутом.

Позен Николай Павлович, род. в 1850 г. Студент, сельский учитель. Был арестован 11 февр. 1879 г. при вооруженном сопротивлении в доме Коссоровской. В январе 1880 г. бежал из Иркутской тюрьмы, но неудачно. За побег прибавлено 14 лет. На Кару прибыл в ноябре 1880 г. В мае 1890 г. подал прошение о помиловании и поселился в Забайк. обл. В 90-х годах вернулся в Европ. Россию.

153

Феохари Степан Ильич, род. в 1858 г. Учился в школе рисования Одесского общества изящных искусств. В 1876 г. вошел в рабочий кружок, но активного участия в работе кружка не принимал. В начале янв. 1879 г. уехал в Киев и 11 февр. 1879 г. был арестован. Через два месяца по приговору Киевского военно-окружного суда был осужден на 14 лет и 10 мес. каторги, по конфирмации срок уменьшен до 5 лет 4 мес., и отправлен на Кару. По окончании срока каторги поселился в Якутской области в Мегинском улусе. В 1890 г. был отправлен, как иностранный подданный, за границу. Поселился в Константинополе, где работал в качестве столяра, а затем печника. В 1895 г. получил разрешение вернуться в Россию.

Иванченко Григорий. См. примеч. 22.

155

Свириденко Владимир (Антонов). Живя в Одессе, Харькове и Николаеве, принимал участие в революционных кружках, был членом кружка Ковальского. В г. Николаеве занимался пропагандой, гл. обр. среди матросов Черноморского флота, затем сошелся с террористами и примкнул к Киевскому Исполнительному комитету. Арестованный на улице, оказал вооруженное сопротивление и назвал себя вымышленной фамилией Антонова с единственной целью, чтобы его мать, находившаяся в Симферополе, не узнала об его участи. Повешен 14 мая 1879 г.

Ковалевская Мария Павловна (урожд. Воронцова) (1849–1889). Захваченная революционным движением, К. оставляет семью и посвящает себя революционной деятельности. Арестована 11 февр. 1879 г. во время вооруженного сопротивления в доме Коссоровской. Осужденная на 14 лет и 10 мес. каторги, в 1889 г. во время Карийской трагедии играла решительную роль. После телесного наказания Н. К. Сигиды Ковалевская вместе с Калюжной и Смирницкой не в силах были пережить это поругание и отравились.

157

Сарандович Екатерина Петровна. В июле 1879 г. приехала из Одессы в Киев, училась на акушерских курсах. Арестована 11 февр. 1879 г. После осуждения прибыла на Кару в 1880 г., а 3 апр. 1882 г. на поселение в Забайк. обл., в 1883–1889 в Якутск. обл. Летом 1889 г. поселилась в Минусинске Енисейской губ.

Армфельд Наталья Александровна (по мужу Комова) (1848–1887). Принадлежала к московскому кружку чайковцев. Впервые была арестована за пропаганду в 1875 г., затем 11 февр. 1879 г. после вооруженного сопротивления в доме Коссоровской. Сослана на Кару. По окончании срока каторги была выпущена в «вольную команду», где и умерла.

159

Потылицына Александра Эммануиловна. Участия в революционном движении не принимала. В начале февр. 1879 г. прибыла из Одессы к Е. Сарандович. Последняя пригласила П. 11 февр. к Ив. Ивичевичу в дом Коссоровской, где она и была арестована. Обвинялась в укрывательстве революционеров. После осуждения содержалась в красноярской тюрьме, а с марта 1882 г. в Минусинске.

160

Ниточаева Екатерина. Вдова лекаря, жила с лета 1878 г. в доме Коссоровской и занималась отдачей комнат в наем. Обвинялась в укрывательстве революционеров.

161

Васильева Вера. Обвинялась в недонесении властям на проживающих в квартире ее сестры Ниточаевой революционеров.

162

Ключников Петр. Служил матросом во 2-ом Черноморском флотском экипаже и распространял пропаганду среди матросов. Бежал из экипажа в 1878 г. в Киев. Будучи арестован в Киеве, дал откровенные показания.

163

Гобст Арон (Анисим Федоров) (1848–1879). Служил унтер-офицером в Замостском пехотном полку. Вел революционную пропаганду среди солдат и, будучи замечен в этом, бежал в 1877 г. Был руководителем революционного кружка рабочих в Петербурге на Новой бумагопрядильне во время известных стачек 1878 г. В Киеве продолжал революционную работу. Был арестован в 1879 г. во время обыска на квартире Предтеченского. Судился под именем Анисима Федорова и по приговору киевского военно-окруж. суда в 1879 г. повешен.

Бубновский Николай Николаевич (нелегальный Федор Предтеченский), род. в 1853 г. Работал на фабриках в Одессе и занимался пропагандой среди рабочих. Привлеченный по делу Южно-русского рабочего союза, успел скрыться, перейдя на нелегальное положение, работал в железнодорожных мастерских и на фабриках в Полтаве, Харькове, Киеве, Одессе и Вильне, продолжая революционную пропаганду, в 1876 г. возвратился в Киев. Арестованный в 1879 г. вместе с Гобстом и Красовским, П. был приговорен киевским военно-окруж. судом к каторжным работам на 20 лет, после приговора срок был сокращен до 12 лет. Каторгу отбывал на Каре. В 1890 г. поселен в Чите.

165

Красовский Владислав. Род. в 1849 г., рабочий-слесарь. Вместе с Предтеченским и Гобстом (Федоровым) занимался в Киеве приготовлением взрывчатых снарядов. Кружок Красовского, Предтеченского и Гобста находился в тесной связи с одесским кружком Чубарова. Арестованный в 1879 г. Красовский был приговорен к смертной казни, замененной бессрочной каторгой.

166

На Жилянской улице, в помещении, занимаемом Иваном Ивичевичем.

Кобылянский Людвиг Александрович (1859–1886). Во время пребывания в Варшаве знакомится с нелегальной литературой и завязывает связи с польскими революционерами. В 1878 г. бежит за границу. По возвращении в Россию, завязав сношения с киевскими революционерами, К. исполняет некоторые их поручения, так например, 9 февр. 1879 г. принимает участие в убийстве кн. Кропоткина. 21 авг. 1879 г. арестован в Киеве. Судился в Пб. военно-окружным судом по процессу 16 народовольцев (Квятковского, Преснякова и др.) и был приговорен к каторжным работам на 20 лет. После осуждения был заключен в Петропавл. крепость, где содержался до перевода на Кару, куда прибыл в февр. 1882 г. Летом того же года перевезен в Петропавловскую крепость. 1 авг. 1884 г. перевезен в Шлиссельбургскую крепость, где вскоре умер.

Фон-Мерклин Август Евгеньевич, полковник.

169

Козакевич Константин Филиппович, унтер-офицер, затем становой пристав. Будучи арестован за покушение на ограбление почты и денежного ящика Курского пехотного полка, Козакевич по приговору киевского военно-окруж. суда был присужден к каторжным работам. После содержания в политических тюрьмах на Каре, в ноябре 1883 г. доставлен в Якутскую обл. и жил в Баягинском улусе. В 1892 г. переведен на жительство в Якутск и приписался к мещанскому обществу. В 1907 г. вернулся в Европ. Россию.

Зундштрем Роман. Учился в Пб. ун-те, но курса не кончил. В 1864 г. поступил на военную службу унтер-офицером и уволен в 1867 г. подпоручиком.

171

Кречетович Илья Данилович. Род. в 1847 г. Учился в Киевском юнкерском училище. Обвинялся в распространении прокламаций по поводу убийства кн. Кропоткина, после осуждения киевским военно-окруж. судом прибыл на каторгу в 1880 г., а в 1883 г. ушел в Верхоянск Иркутской губ., а затем в Красноярск.

Богряновский Корнелий Феликсович. В 1878 г. был привлечен к делу Зубржицкого и с того времени находился под надзором полиции. После осуждения киевским судом, прибыл на Кару в 1880 г., а в 1884 г. вышел на поселение. В 1897 г. застрелился.

173

Строганов Севастьян Федорович. Слесарь. На суде дал откровенные показания, раскрыв всех участников убийства Курилова.

Горский Платон Григорьевич (1851–1879). По ремеслу переплетчик. Был одним из деятельных членов революционного кружка в Житомире, руководимого быв. студентом-технологом Басовым. По приговору киевского военно-окруж. суда за убийство шпиона Курилова повешен 18 июля 1879 г.

Бильчанский Иосиф Иванович (1858–1879). Арестован в 1879 г. Был приговорен киевским военно-окруж. судом в том же году к смертной казни. Повешен 18 июля 1879 г.

Овчинников Александр Семенович. Род. в 1861 г. в Киеве. Находясь в тюрьме по обвинению в мошенничестве, подпал под влияние политических заключенных и по выходе из тюрьмы вращался в революционных кругах. Арестован в 1879 г. После осуждения киевским военно-окруж. судом на 20 лет каторжных работ, отправлен на Кару, куда прибыл в марте 1880 г. В 1886 г. выдал властям сведения об остатках подкопа, устроенного в 1882 г. для побега заключенных. Из карийской тюрьмы переведен в Александровскую центральную тюрьму, а в 1888 г. поселился в Якутской области.

177

Давиденко Филипп Яковлевич. Род. в 1860 г. Воспитывался во 2-ой киевской гимназии и в киевской военно-фельдшерской школе, где курса не окончил. Арестованный по делу Горского и Бильчанского в 1879 г. был приговорен киевским военно-окруж. судом на 12 лет и отправлен на Кару. За подделку документа для одного из бежавших из иркутской тюрьмы ему было прибавлено еще 3 года. В 1888 г. вышел в вольную команду. В 1893 г. отправлен на поселение в Иркутскую обл., в 1899 г. в Читу, а затем в Иркутск.

Зубржицкий Ян Фаддеевич (1861–1925), крестьянин жмудин. Служил в качестве слесаря на жел. дор. и вел пропаганду в киевских слесарных мастерских. Арестованный в 1879 г. в Житомире, З. по пути в участок пытался убить сопровождавшего его полицейского, намереваясь бежать, но револьвер дал осечку. Преданный киевскому военно-окруж. суду, в том же году был приговорен к 20-ти годам каторги. Прибыл на Кару 8 марта 1880 г. 24 апр. 1892 г. отправлен на поселение в Якутскую обл., где и умер.

179

Богданович Флориан Григорьевич. Род. в 1849 г. в Варшаве. Приват-доцент Львовского ун-та по химии. Занимался пересылкой в Россию нелегальных революционных изданий. Был арестован в 1876 г., но в следующем году выпущен на поруки. Снова арестован в Киеве в 1879 г. и осужден на 4 года каторжных работ. Прибыл на Кару в 1880 г. На поселение вышел в 1883 г. Умер в 90-х годах, оставив записки, напечатанные за границей по-польски.

Прядко Фома. Крестьянин с. Шабельники Чигиринского уезда. Пользовался среди односельчан большой популярностью и был ими послан к царю ходоком, в числе семи выборных. Шесть ходоков вскоре были арестованы и возвращены этапным порядком обратно, а Фоме Прядко удалось избежать ареста. Явившись нелегально в село, Прядко объявил, что видел царя, который принял требования крестьян и обещал им свое содействие. Власти, узнав об успехе агитации Фомы Прядко решили его арестовать, но в течение долгого времени это не удавалось сделать, так как он несколько раз удачно избегал ареста. В конце концов его все же арестовали и отправили в киевскую тюрьму.

181

Бохановский Иван Васильевич. Участник организации Чигиринского восстания. Арестованный почти одновременно с Дейчем и Стефановичем в 1877 г. и заключенный в киевскую тюрьму, он вместе с ними бежал 27 мая 1878 г. при содействии Флоренко. Живя затем за границей, вступил в партию с.-р.

Олейник Ефим Алексеевич. Был избран атаманом «Тайной Дружины» чигиринцев. У Дейча и Я. Стефановича во время ведения агитации среди чигиринцев возникало опасение, что при аресте или других подходящих обстоятельствах О. всех выдаст властям. Это и подтвердилось. Во время допросов он показал, что у него часто являлось желание выдать организацию «Тайная Дружина», но не было подходящего случая. После осуждения Олейник был сослан в Якутскую область (1881–1883), затем был переведен в Верхоянский уезд Иркутской губ.

183

Писковой Иван Иванович, помощник атамана Олейника. С 1881–1883 гг. был в ссылке в Якутской обл. Живя в Бутуринском улусе, летом 1883 г. переведен в г. Верхоянск Иркутской губ.

Тененик Лазарь. За участие в крестьянских волнениях Т. вместе с другими крестьянами был выслан из с. Шабельники под надзор полиции в Киев. Здесь с ним познакомился Я. Стефанович и сделал его своим сообщником по сношению с чигиринцами. После ареста членов «Тайной Дружины» Т. на допросе дал откровенные показания о своей деятельности в организации.

185

Гудзь, быв. волостной старшина, пользовался влиянием среди крестьян. Противился массовому вступлению крестьян в «Тайную Дружину». Под влиянием слуха, что кто к 1 октября не запишется в Дружину, тот останется за панами, деревня потребовала немедленного присоединения к Дружине и заставила Гудзя на сходке прочесть устав и привести к присяге.

Прудский Кузьма, староста в организации «Тайной Дружины», считался одним из наиболее преданных делу. После ареста Олейника и Пискового и др. чигиринцев некоторое время скрывался, но был арестован.

187

Малавский Владимир Евгениевич, род. в 1853 г., студент Киевского ун-та. Арестован на квартире, где Я. Стефанович имел сношения с чигиринцами. В Чигиринском деле Малавский не принимал участия и даже не знал о нем. Был присужден киевской судебной палатой к 20-ти годам каторги. За попытку к побегу прибавлено 15 лет. Прибыл на Кару осенью 1881 г., а летом 1882 г. увезен в Петропавловскую крепость, 4 августа 1884 г. в Шлиссельбургскую крепость, где умер 16 марта 1885 г.

188

Стефанович Михаил Васильевич, род. 12 марта 1857 г. Студент Киевского ун-та. Обвинялся, как и брат его Олимпий, в укрывательстве Л. Дейча и Я. Стефановича. На допросе заявил, что отправился в Роменский уезд к Николаю Полетика получить у него место домашнего учителя.

189

Круковская Юлия Осиповна, род. в 1846 г. Служила надзирательницей в детском доме в Киеве. Арестована в 1877 г. по Чигиринскому делу. Киевской судебной палатой 7–9 июня 1879 г. и Сенатом 5 мая 1880 г. приговорена к 12 годам 8 мес. каторги. Прибыла на Кару в феврале 1882 г. В 1885 г. переведена в «вольную команду», в 1886 г. вышла замуж за Бубновского.

190

Шеффер Георгий Иванович, род. в 1858 г. Был уволен из 7 класса Киевской гимназии. По Чигиринскому делу киевской судебной палатой приговорен к 2 годам 8 мес. каторги. В февр. 1882 г. прибыл на Кару, а в 1883 г. ушел на поселение в Забайк. обл.

191

Богуславский Арсений, семинарист. Несколько лет вращался среди деятелей «Старой Громады». Благодаря настояниям Стрельникова и В. Д. Новицкого был приговорен к смертной казни. Когда этот приговор состоялся, они потребовали от него «откровенных признаний», которые он и дал. Но на суде, несмотря на заданные ему прокурором Стрельниковым вопросы, молчал. Умер в тюрьме.

Розовский Иосиф Исаакович (1861–1880). Студент Киевского ун-та. Выданный Ив. Родионовым, арестован в 1879 г. При обыске у Р. были найдены прокламации «Народной Воли». По приговору киевского военно-окруж. суда казнен 6 марта 1880 г.

193

Родионов Иван Васильевич. Расклеивал прокламации Исполнительного комитета «Народной Воли» на станциях Ольшанка и Здолбуново Киево-Брестской жел. дор. Будучи арестован, на допросе сознался, что прокламации были ему даны Розовским. Киевским военно-окруж. судом Р. был приговорен к смертной казни, замененной шестилетними каторжными работами на заводах. С каторги был доставлен в 1885 г. в Якутскую область и водворен в Баяганском улусе. В 1887 г. психически заболел.

Лозинский Мелентий Платонович (1856–1880). Воспитывался в Каменец-Подольской духовной семинарии, откуда был уволен. Во время войны Сербии с Турцией служил волонтером. В 1877 г. был взят в солдаты и в 1879 г. произведен в унтер-офицеры. Будучи на военной службе, продолжал вести пропаганду в войсках и народе, распространяя прокламации. Одну из прокламаций Л. вручил полицейскому уряднику. Урядник передал прокламации исправнику, а затем вскоре удалось раскрыть и личность Лозинского. После ареста бежал, но был задержан. Преданный киевскому военно-окруж. суду в 1880 г. был приговорен к смертной казни и 6 марта казнен в Киеве.

195

Андрузский Андрей Федорович, род. в 1857 г. в Полтавской губ. Студент Киевского ун-та, затем поступил в юнкерское училище, откуда был исключен и послан вольноопределяющимся в Лифляндский пехотный полк. Осужден киевским военно-окруж. судом 25 февр. 1880 г. к 4 годам каторги «за дерзкие речи в киевском военном госпитале». Прибыл на Кару 16 окт. 1880 г., а в 1883 г. на поселение в Петровский завод Забайк. обл.

Иванов Павел Осипович (1854–1894). Студент Киевского ун-та. Принадлежал к организации Южно-русского рабочего союза (1880–1881) и занимался агитацией среди рабочих. В апр. 1881 г. во время анти-еврейских беспорядков в Киеве, Иванов написал воззвание, в котором призывал к избиению не евреев, а всех эксплуататоров, к какой бы национальности они ни принадлежали. Печатая воззвание в подпольной типографии, он тут же выбрасывал их из окна, благодаря чему был арестован. Преданный киевскому военно-окруж. суду в 1881 т. по процессу Н. Щедрина, Е. Ковальского и др., И. был приговорен к 20 годам каторги. Прибыл на Кару в 1883 г. В 1890 г. был переведен в Акатуйскую тюрьму. В 1891 г. был выпущен в «вольную команду» и жил в Кадае. Иванов занялся медицинской практикой, заразился тифом и умер в с. Алгачи.

197

Арестован 4 января 1881 года; оказался студентом Харьковского университета Преображенским, прикосновенным к делу убийства харьковского губернатора князя Кропоткина. — *Примечание автора. Преображенский* Алексей Иванович, род. в 1852 г. в Курской губ. Студент Харьковского ун-та. Член организации «Земля и Воля». Один из главных деятелей харьковского революционного кружка, в который входили Сыцянко, Буцинский и др., принимал участие в Воронежском съезде и после раскола «Земли и Воли» вошел в «Черный Передел», затем примкнул к Южно-русскому союзу в Киеве, в 1880 г. В 1881 г. был арестован по делу союза и киевским военно-окруж. судом приговорен 29 мая 1881 г. к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. Прибыл в февр. 1882 г. на Кару. В 1890 г. выпущен в «вольную команду», в 1896 г. — на поселение в Читу, где служил на жел. дор. В 1902 г. умер в Иркутске.

Забрамский Леонтий. Крестьянин Кременецкого уезда, Вишневецкой волости, дер. Муховец. Принимал участие в киевском рев. кружке, после ареста в своих показаниях раскрыл деятельность кружка, выдав его участников. Выпущенный на свободу, сделался агентом полк. Судейкина. До покушения Поликарпова, Забрамский был невольным провокатором и часто обманывал Судейкина и только после покушения Поликарпова, нуждаясь в покровительстве жандармского управления, дал подробные сведения о кружке М. Р. Попова.

199

Ромасев (Ромас) Михаил Антонович. Ж.-д. рабочий, смазчик. Завязав связи с ж.-д. рабочими по линии жел. дор. от Киева до Жмеринки, распространял революционную литературу. Привлекался к дознанию в Киеве в 1879 г. и был выслан в Вологодскую губ., где оставался до 1886 г.

200

Козловский Владислав Станиславович. Студент киевского ун-та. Арестован по обвинению в сношениях с В. Осинским, С. Лешерн фон Герцфельд и В. Дебагорием-Мокриевичем, а также с Поповым, Ивановым, Голубовым и Жуковым.

201

Тесленко-Приходько Константин Васильевич. Служил рядовым в 36 пехотном полку. Во время производства дознания в начале 1880 г. по делу о киевском революционном кружке находился в административной ссылке в Вост. Сибири.

Голубов Лейзер Моисеевич, мещанин г. Речицы Минской губ. В 1877 г. привлекался к дознанию по делу о революционной пропаганде. Выслан в Шенкурск Архангельской губ. В 1878 г. бежал, но был задержан в Москве. Привлечен к дознанию в 1880 г. о тайном сообществе, обнаруженном в Харькове. По отбытии наказания был выслан в Якутскую область, где пробыл с 1883 по 1885 гг.

203

Попов Михаил Родионович (1851–1909). В 1872 г. поступил в Мед. — Хир. академию, вел пропаганду среди колпинских рабочих. В 1876 г. вошел в «Землю и Волю». Уехал в Астраханскую губ., а затем в Ростов на Дону, ведя пропаганду среди крестьян и рабочих. Зиму 1877–1878 г. провел в Пб., занимаясь пропагандой среди рабочих. Принимал участие вместе с представителями Народной Воли в Одессе, В. Фигнер, Н. Колоткевичем и Кибальчичем. 28 февраля 1880 г. был арестован в Киеве. Киевским военно-окруж. судом 26 июля был приговорен к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. Прибыл на Кару в феврале 1881 г., а 17 сент. 1882 г. был доставлен в Пб. и заключен в Петропавловскую крепость. 2 августа 1884 г. переведен в Шлиссельбургскую крепость. Освобожден 28 ноября 1905 г.

Иванов Игнатий Кириллович (1859–1886). Студент Киевского ун-та, один из деятельных членов кружка М. Р. Попова. Арестован 25 февр. 1880 г. на улице с бомбой в руках. Киевским военно-окруж. судом 26 июля 1880 г. был приговорен к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. Отправлен на Кару, куда прибыл в феврале 1881 г. Летом 1882 г. отвезен в Спб. в Петропавловскую крепость, а 6 июля 1883 г. перевезен в Казанскую лечебницу для умалишенных, в октябре 1884 г. в Шлиссельбургскую крепость, где и умер.

205

Юрковский Федор (1851–1896). Студент Мед. — Хир. академии, в которой он курса не окончил. С 1870-х годов принимал участие в революционной пропаганде. В 1879 г. принимал участие в экспроприации 1 579 638 руб. из Херсонского казначейства, посредством подкопа. Случайно арестован 7 марта 1880 г. в Курской губ. Приговором киевского военно-окруж. суда Ю. был осужден на 20 лет каторги. Прибыв в 1881 г. на Кару, принял участие в известном побеге из Карийской тюрьмы, окончившемся неудачей. Срок каторги был увеличен ему на 10 лет. Его перевезли в Петропавловскую крепость, а затем в августе 1884 г. в Шлиссельбургскую крепость, где он, заболев психически, умер 31 августа 1896 г.

Буцинский Дмитрий Тимофеевич (1852–1892). Студент Харьковского ун-та. В 1877 г. организовал в Харькове революционный кружок молодежи, ставивший своей целью оказание материальной помощи ссыльным. Участвовал в организации убийства кн. Кропоткина. Арестован в 1879 г. в Киеве и по приговору военно-окруж. суда в 1880 г. осужден на 20 лет каторжных работ. Отправлен на Кару, откуда в 1882 г. перевезен в Петропавловскую крепость, а 4 авг. 1884 г. в Шлиссельбургскую крепость, где умер от чахотки.

207

Диковский Моисей Андреевич. Род. в 1857 г. Окончил духовную семинарию и был народным учителем. Арестован в 1879 г. в Киеве. В 1880 г. приговорен военно-окруж. судом к 15 годам каторги. За побег с Кары срок каторги был увеличен на 10 лет. После манифеста 1891 г. выпущен в «вольную команду». В 1899 г. отправился на поселение в Читу.

Ильяшенко (Куценко) Севастьян Ефимович (1849–1890). Служил кочегаром, а затем машинистом. В 1876 г. привлекался к дознанию о перевозке на черноморских пароходах запрещенных изданий из Лондона. Присужден к 1 году тюремного заключения с воспрещением служить на пароходах, плавающих за границу. Вторично арестован на ст. Нежин в 1880 г. Приговором киевского военно-окруж. суда осужден на 15 лет каторжных работ. Прибыл на Кару в февр. 1881 г., в 1887 г. выпущен в вольную команду. В 1889 г. снова заключен в тюрьму. Умер в Карийском тюремном лазарете 18 авг. 1890 г. от чахотки. Перед арестом в 1880 г. жил по подложному паспорту на имя Куценко, вследствие чего власти именовали его двойной фамилией.

209

Левченко Никита Васильевич. Наборщик. Принимал участие в устройстве побега Стефановича, Дейча и Бохановского из киевской тюрьмы, играя роль кучера. Арестован в 1880 г., судился по делу М. Р. Попова и по приговору киевского военно-окруж. суда был присужден к 15-ти годам каторги. По прибытии на Кару в 1881 г., сделал попытку к побегу в 1882 г., за что ему было прибавлено еще 10 лет каторги. В 1890 г. переведен в Акатуевскую тюрьму. В 1895 г. ушел на поселение в Якутскую область. Позднее возвратился в Европ. Россию.

210

Бойченко Филипп Михайлович (нелегальная фамилия, настоящая Филатов). Крестьянин Ярославской губ., слесарь. Род. в 1852 г. Был арестован в 1879 г. в Киеве. Прибыл на Кару в 1881 г., а в 1890 г. выпущен в «вольную команду». В 1891 г. отправлен на поселение в Якутскую область, где занимался слесарным мастерством. Вернувшись в Россию, умер.

211

Хрущов Николай. Рабочий, слесарь. Арестованный в Киеве в 1879 г., был приговорен киевским военно-окруж. судом в 1880 г. к 12 годам каторги и отправлен на Кару. В 1882 г. во время побега с Кары, бежал в первой партии вместе с Мышкиным, с которым затем был арестован и снова водворен. В 1889 г. подал прошение о помиловании и вышел на поселение в Читу.

Шехтер София Наумовна (Доллер). Училась в Одесской Мариинской гимназии, после чего в течение года слушала курс медицины при Мед. — Хир. академии. Была привлечена к дознанию в Киеве и после осуждения прибыла в февр. 1881 г. на Кару. В 1884 г. переведена на поселение в Мечинский улус. В 1896 г. выехала в Иркутскую губ. В 900-х годах вернулась в Европ. Россию.

213

Левенсон Виктория Викторовна, род. в 1854 г. Арестована в 1880 г. В 1881 г. прибыла на Кару, а в 1884 г. ушла на поселение, после чего вернулась в Европ. Россию.

Костецкий Болеслав Иванович, студент Киевского ун-та. Арестован в с. Пирогове близ Киева, куда ездил по поручению Я. Стефановича для доставления скрытых здесь типографских принадлежностей подпольной типографии. Арестован в 1879 г. После отбытия срока работ на Каре в 1883 г. ушел на поселение в Якутскую обл., где пробыл до 1890 г. В мае 1890 г. как иностранный подданный был выслан за границу.

215

Петров Николай Николаевич, род. в 1851 г. Арестован в Харькове в 1880 г. Прибыл на Кару в февр. 1881 г., а в 1884 г. ушел на поселение в Троицкосавск Забайк. обл.

Реферт Фанни Семеновна. Слуш. акушерских курсов в Киеве. После осуждения, находясь в красноярской тюрьме, заболела, вследствие чего каторга была ей заменена поселением в Минусинске, где она и умерла в 80-х годах.

Клименко Михаил Филиппович (1856–1884). Студент Киевского ун-та, откуда был исключен на два года за участие в студенческих волнениях, происходивших в марте 1878 г. Арестованный в 1880 г. как один из главных деятелей киевского революционного кружка, был предан киевскому военно-окруж. суду и приговорен к ссылке на поселение в Сибирь. Поселен в Киренске Иркутск. губ., откуда в мае 1881 г. бежал. Прибыл в Москву, примкнул к «Народной Воле» и принял участие в организации убийства военного прокурора генерала Стрельникова. После принимал участие в динамитной мастерской на квартире Прибылевых. На этой квартире был арестован 5 июня 1882 г. Преданный суду особого присутствия Сената (28 марта — 5 апреля 1883 г.) по процессу 17-ти, был приговорен к смертной казни, которая была заменена бессрочными каторжными работами; будучи заключен в Шлиссельбург, К. повесился.

218

Подревский Николай. Студент Киевского ун-та. Янв. 1879 г. в административном порядке был выслан в Восточную Сибирь. Обвиняемый в принадлежности к киевскому революционному кружку, был возвращен для суда в Киев. По оправдании судом был отправлен на прежнее место ссылки.

Лозянов Павел Тимофеевич (1857–1903). Воспитывался в духовной семинарии, принадлежал к киевскому кружку. Арестованный в Киеве в 1879 г., в 1880 г. был предан киевскому военно-окруж. суду. На суде заявил о своей принадлежности к террористам, добавив, что путь насилия считает единственно возможным в борьбе с правительством. Был приговорен к 10 годам каторги, отправлен на Кару, откуда в 1891 г. вышел на поселение в Якутскую обл., где и умер.

Позен Вениамин Павлович, род. в 1860 г… Учился в Харьковской гимназии. Арестован в 1879 г. В февр. 1881 г. прибыл на Кару. В 1884 г. вернулся в Европ. Россию.

Поликарпов Константин. Студент Киевского ун-та. Покушался в своей квартире убить предателя Л. Забрамского. Рассчитанный неожиданный удар был прегражден кольчугой. Забрамский выскочил из квартиры и стал звать на помощь. П. тогда покончил самоубийством.

Россикова Елена Ивановна (урожд. Виттен), род. в 1849 г. Была членом одесского кружка якобинцев. В квартире ее происходили собрания кружка, здесь же была подпольная типография. В 1878 г. здесь же во время отсутствия Р. произошло вооруженное сопротивление при аресте Ковальского и остальных членов кружка. В 1879 г. принимала участие в похищении денежных сумм из херсонского казначейства. Организованная администрацией погоня вскоре настигла Р. и Як. Погорелова в Чернобаевом поселке близ Херсона и при них были отобраны похищенные деньги, за исключением 16 868 руб. Приговором одесского военно-окруж. суда в 1880 г. Р. была осуждена к бессрочной каторге. Прибыла на Кару 16 окт. 1880 г., а в 1883 г. переведена в иркутскую тюрьму, в 1887 г. обратно на Кару. Долгое пребывание на каторге довело ее до умопомешательства, и в феврале 1893 г. она была переведена в иркутскую больницу, где и скончалась.

223

Савенкова Е. И. Осуждена приговором киевского военно-окруж. суда 6 июля 1879 г. к 12 годам каторжных работ, замененных поселением в Сибирь.

Свириденко Владимир.

225

Комов Алексей Иванович, род. в 1853 г. Писарь шуйской местной команды, затем конторщик на заводе. Впервые арестован в 1874 г., выпущен, снова арестован в 1877 г., судился по процессу 193-х, но был оправдан. Арестован в 1878 г. в Одессе. Одесским военно-окруж. судом 22 июля — 5 авг. 1879 г. по делу 28-ми (Чубарова, Лизогуба и др.) приговорен к 15 годам каторги. Прибыл на Кару в марте 1880 г. В 1886 г. выпущен в «вольную команду», оттуда, в октябре 1889 г., на поселение в Якутскую обл.

Щедрин Николай Павлович, род. в 1854 г. Воспитывался в Омском кадетском корпусе, а затем в Пб. учительской семинарии. Был учителем в Пб. колонии для малолетних преступников. В 1876–1879 гг. член «Земли и Воли». После Воронежского съезда и распадения «Земли и Воли» присоединился к «Черному Переделу», но в 1880 г. вместе с Е. Ковальской, занявшись организацией рабочих на юге России, образовал Южно-русский рабочий союз. 22 окт. 1880 г. вместе с товарищами по организации был арестован и киевским военно-окруж. судом 26–29 мая 1881 г. приговорен к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. По пути на Кару, во время пребывания в иркутской тюрьме за нанесенное оскорбление действием полковнику Соловьеву снова приговорен к смертной казни, замененной опять бессрочной каторгой, и был прикован к тачке на 1 год. В апреле 1882 г. прибыл на Кару. В мае 1882 г. увезен в Пб. и заключен в Петропавловскую крепость, а 20 августа 1884 г. в Шлиссельбургскую крепость, где сошел с ума и 20 августа 1896 г. перевезен в Казанскую психиатрическую больницу для душевнобольных.

227

Ковальская (урожд. Солнцева), Елизавета Николаевна. Родилась между 1849–1852 гг. По окончании гимназии принимала деятельное участие в Харьковском обществе грамотности, а затем организовала два кружка самообразования — мужской и женский. Уехав в Пб., посещала там женские курсы, а также занималась в женском кружке по изучению политической экономии. В числе участников этого кружка были С. Перовская, А. Корнилова и др. Позже жила в Швейцарии, где увлеклась бакунизмом. По возвращении в Пб. получила место учительницы близ Колпина и принялась вести пропаганду среди рабочих Колпинского завода. Предупрежденная о предстоящем аресте, скрылась в Харьков, где организовала два рабочих кружка и один для учащейся молодежи. Осенью 1879 г. вступила в организацию «Черный Передел». После ареста типографии «Черного Передела», разойдясь с новой программой, выработанной Аксельродом, вместе с Н. Щедриным вышла из состава «Черного Передела», они уехали в Киев, где организовали Южно-русский рабочий союз. 22 октября 1880 г. Ковальская вместе с Н. Щедриным была арестована, в мае 1881 г. приговорена к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. По дороге на Кару бежала из Иркутской пересыльной тюрьмы, но была задержана и прибыла на Кару в 1882 г., весной 1884 г. вторично бежала, пробыв на воле 1½ месяца, вновь возвращена на Кару. В 1888 г. переведена в верхнеудинскую тюрьму, а в 1890 г. в Горный Зерентуй. По манифесту срок каторги был определен в 20 лет и окончился в 1898 г. Впоследствии принадлежала к партии с.-р., преимущественно к максималистским ее организациям.

Жарков Александр, мещанин. Попал в среду петербургских чернопередельцев по рекомендации из Саратова. Вскоре сделался предателем и способствовал открытию типографии «Черного Передела». 5 февр. 1880 г. был убит в Пб. по постановлению исполнительного комитета А. Пресняковым.

Мирский Леон Филиппович, род. в 1858 г. Студент Пб. Мед. — Хир. академии. В 1878 г. был арестован и в янв. 1879 г. выпущен на поруки. Вскоре принял на себя задачу произвести покушение на шефа жандармов Дрентельна и 13 марта 1879 г., выехав верхом на скаковой лошади и, нагнав проезжавшую карету Дрентельна, произвел неудачный выстрел. Скрывшись от погони, уехал в Таганрог. Благодаря доносу, был арестован, оказав вооруженное сопротивление. В ноябре 1879 г. был предан Пб. военно-окруж. суду и приговорен к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. Мирский был заключен в Алексеевский равелин Петропавловской крепости. Во время пребывания в Алексеевском равелине Нечаева, Мирский, зная о подготовляемом Нечаевым заговоре среди местных солдат сообщил об этом властям. В 1884 г. прибыл на Кару. В 1895 г. поселился в Забайк. обл. В 1906 г. во время карательной экспедиции ген. Ренненкампфа был приговорен читинским судом к смертной казни за газетную статью в «Верхнеудинском Листке», якобы призывающую к вооруженному восстанию. 14 марта 1906 г. смертная казнь по высоч. повелению была заменена бессрочной каторгой.

Халтурин Степан Николаевич, крестьянин Вятской губ. Учился в Тихвинском техническом училище, которого не кончил. Работая на различных фабриках и заводах, завязывал сношения с рабочими и вел среди них революционную пропаганду. Основал вместе с Обнорским в 1878 г. Северно-русский рабочий союз. Устроился работать в качестве столяра сперва на императорскую яхту, а затем в Зимний дворец, где 5 февр. 1880 г. произвел взрыв. После взрыва скрылся. Когда исполнительный комитет постановил убить в Одессе военного прокурора Стрельникова, Халтурин вместе с Желваковым приняли участие в организации этого дела, после убийства Стрельникова были арестованы; преданные одесскому военному суду, приговорены к смертной казни и 23 марта 1882 г. повешены.

231

Зубковский Афанасий Андреевич, род. в 1855 г. Студент Киевского ун-та. Арестованный в 1879 г. на основании показаний Гольденберга, обвинялся в содействии убийству кн. Кропоткина. Преданный Пб. военно-окруж. суду по процессу 16-ти террористов в 1880 г. был приговорен к 15 годам каторжных работ. Содержался в Петропавловской крепости. Прибыл на Кару в февр. 1882 г. Подал прошение о помиловании в 1883 г., а в 1886 г. уехал на поселение в Тобольск, а оттуда в Европ. Россию.

Самарская Людмила Яковлевна. По показаниям Гольденберга, уроженка Подольской губернии, состояла слушательницей акушерских курсов при Киевск. ун-те. В 1879 г. вместе с Игн. Ивичевичем соорганизовала кружок пропагандистов, от которого впоследствии отделила особо женский кружок саморазвития и самообразования. Была выслана администр. порядком в Повенец Олонецкой губ.

233

Дическуло Леонид Антонович (1847–1889). Привлекался по процессу 193-х, но был оправдан. Желая избежать административной высылки, перешел на нелегальное положение. Находясь большей частью в Киеве, примкнул к киевскому революционному кружку. 11 февр. 1879 г. во время ареста членов кружка, бежал, отстреливаясь от жандармов. Некоторое время он пробыл в Киеве, а затем эмигрировал в Румынию, где и умер.

Волкенштейн Людмила Александровна (урожд. Александрова). Род. в 1857 г. Воспитывалась в Киевской гимназии, которую окончила в 1875 г. Уехала в Пб., где в 1877 г. была слушательницей женских медицинских курсов. Выйдя замуж за врача А. А. Волкенштейна, уехала с ним в Черниговскую губ. Арест ее мужа и судебный процесс в Пб. отразился на ее мировоззрении и она примкнула к революционному движению в 1878 г. По предложению В. Осинского поселилась вместе с Зубковским в качестве хозяйки конспиративной квартиры, в которой происходила подготовка покушения на харьковского губернатора кн. Кропоткина. После разоблачений Гольденберга участников убийства Кропоткина скрылась за границу. В 1883 г., вскоре по возвращении в Россию, была арестована. Судилась по процессу Веры Фигнер и была приговорена к смертной казни, замененной 15-летней каторгой, которую отбывала в Шлиссельбургской крепости. В 1896 г. была выпущена и отправлена на поселение на Сахалин. В 1901 г. поселилась во Владивостоке. Убита 10 янв. 1906 г. во время шествия депутации нижних чинов к коменданту хлопотать за д-ра Ланковского.

Михайлов Александр Дмитриевич (1856–1884). По окончании гимназии поступил в 1875 г. в Пб. технологический институт, был исключен из института за участие в студенческих волнениях, с высылкой на родину. Вернувшись в Пб., М. вошел в революционный кружок народников, получивший впоследствии наименование «Земли и Воли». В 1877 г. уехал в Саратов для организации местных революционных сил. В 1878 г. отправился в Донскую обл. для организации революционного движения среди казаков, но вскоре вернулся в Пб., ввиду арестов членов центральной организации. Принимал деятельное участие в Липецком и Воронежском съездах. Член центрального комитета «Народной Воли». Участвовал в организации взрыва императорского поезда 19 ноября 1879 г. под Москвой. 28 ноября 1880 г. был арестован в Пб. благодаря собственной неосторожности. Судился по процессу 20-ти, был приговорен 16 февр. 1882 г. к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. Умер в Алексеевском равелине Петропавловской крепости.

Колоткевич Николай Николаевич (1850–1882), студент Киевского ун-та. Входил в киевский кружок чайковцев и занимался пропагандой среди рабочих. С 1876 г. привлекался за распространение революционных изданий в Харькове, в 1877 г. по Чигиринскому делу, в 1878 г. за участие в освобождении из харьковской тюрьмы Медведева (Фомина), в 1879 г. по делу о харьковском революционном кружке А. Сыцянко, но всякий раз ему удавалось скрыться. В 1879 г. был приглашен из Киева на Липецкий съезд. После образования «Народной воли» стал членом Исполнительного комитета. Арестован 26 янв. 1881 г. Судился по процессу 20-ти в 1882 г., был приговорен к смертной казни, замененной пожизненным заключением в Петропавловской крепости, где и умер 23 июля.

Рейнштейн Николай Васильевич, был убит 26 февр. 1879 г. в Москве М. Р. Поповым при участии Шмемана и др. Благодаря предательству Р. был арестован в начале 1879 г. Обнорский и др. рабочие, входившие в Северно-русский рабочий союз. В числе обвиняемых в убийстве Рейнштейна был В. Серпинский. Скрывшись за границу, Серпинский жил в Ландау в Баварии, потом переехал в Швейцарию.

Залеский Богдан Иосифович (1802–1880) — польский поэт. Представитель украинской школы польской поэзии. Расцвет литературной деятельности относится ко времени пребывания его в Варшаве в 1820–1831 гг. Природа и быт Украины и прошлое из эпохи до Хмельницкого составляли основу его произведений. В 1831 г. З. эмигрировал за границу.

239

Гощинский Северин (1801–1876) — польский поэт украинской школы. Детство и юность провел на Волыни и Украине. Принимал участие в польском восстании 1830–1831 гг., после чего эмигрировал за границу. Жил сначала в Галиции, в 1838 г. переселился в Страсбург, а затем в Париж.

Подурра Фома (1801–1871). Украинский народный поэт, по происхождению поляк. С 1824 г. начал писать на украинском языке стихотворения лирического и эпического характера. Темой его было изображение жизни казачества.

«Основа, южно-русский литературно-ученый вестник». Журнал, издававшийся на украинском и русском языках в Пб. в 1861–1862 гг. Редактором были В. М. Белозерский, П. А. Кулиш. Главными деятелями были Кулиш, Костомаров и Шевченко.

Кулиш Пантелеймон Александрович (1819–1897). Известен своими стихотворениями, повестями, а также работами по истории украинского народа, его литературы и этнографии. В своих исторических работах К. отрицательно относился не только к гетманщине, но и вообще ко всему казачеству. Автор первого украинского исторического романа «Чорна рада».

243

Костомаров Николай Иванович (1817–1885), известный русский историк. С 1846 г. профессор русской истории Киевского ун-та. Здесь он сблизился с Т. Шевченко и др. Вокруг К. собрался кружок, мечтавший о федеративном устройстве славянских народов. Благодаря доносу о тайном сообществе, К. был арестован и отсидел год в Петропавловской крепости, а затем был сослан в Саратов. В 1857 г. был освобожден из-под надзора, уехал в Пб., а оттуда за границу. С 1859–1862 гг. занимал кафедру русской истории в Пб. ун-те, после чего отдался литературной деятельности. В эти же годы К. принимал деятельное участие в издании украинского журнала «Основа», а также в журнале «Вестник Европы». В 1874 г. принимал участие в III археологическом съезде в Киеве.

Украинофильские органы 60-х годов «Вечерниці» — выходила под ред. Влад. Шушкевича, а «Мета» — Ксенофонта Кшелековича.

245

Сражение при Садовой (Кениггреце) 1866 г. между прусскими и австрийскими войсками, в котором австрийцы были на голову разбиты, после чего пруссаки дошли почти до самой Вены.

246

Съезд славянских литераторов и ученых происходил в мае 1867 г.

247

Монастырская община, игравшая политическую роль в борьбе с поляками.

248

Орган русской партии «Слово» начал выходить с 1861 г. в Галиции. В 1866 г. в журнале «Слово» Б. Дедицкий опубликовал ряд статей в защиту полного единства всех, не исключая и галицийской, ветвей русского народа.

Дедицкий Богдан, галицийский писатель. Представитель старо-русской галицийской партии. Род. в 1827 г. С 1861 г. начинает издавать газету «Слово» и проводит в ней идею независимости украинской народности. В 1866 г. Дедицкий делает поворот и «Слово» начинает издаваться в духе «Московских Ведомостей».

250

Журнал «Правда», умеренно украинофильского направления, основанный во Львове не в 1872 г., а в 1867 г., являлся продолжателем «Меты», основанной Пантелеймоном Кулишем. «Правда» поставила своей задачей склонить русскую партию к союзу с «народовцами» (украинофилы-галичане) для совместного отпора полякам. В 1880 г. это издание прекратилось. Вновь возобновилось в 1887 г. под ред. спервa Конисского, а с осени 1888 г. А. Барвинского, изменив направление. Параллельно с русофобскими тенденциями, «Правда» стояла за прочное соглашение с поляками.

Качала Стефан, галицийский деятель и публицист (1815–1888). Защитник самостоятельности украинского народа. Свои политические взгляды он проводит в многочисленных газетных статьях и брошюрах. Как политический деятель К. стоял за разделение Галиции на польскую и украинскую и за федеративное государственное устройство Австрии.

Крашевский Иосиф Игнатьевич (1812–1887). Польский писатель беллетрист. В 1863 г. во время польского восстания удалился за границу. Известен своими историческими повестями из эпохи XVIII столетия. Отличался громадной плодовитостью, выпустив более 350 литературных произведений.

253

В феврале 1873 г., при ген.-губернаторе кн. А. М. Дондукове-Корсакове.

Чубинский Павел Платонович (1839–1884), этнограф. В 1863 г. был сослан по доносу Ф. Ф. Трепова, своего соседа по имению, в Архангельскую губ. В 70-х годах был командирован Географическим обществом для изучения Юго-Зап. края.

Антонович Владимир Бонифатьевич (1834–1908). Профессор Киевского ун-та. Исследователь истории Украины и казачества.

Юзефович Михаил Владимирович. Председатель киевской археологической комиссии и помощник попечителя киевского учебного округа.

Волков Федор Кондратьевич (Хведір Вовк), украинский этнограф. Начало его научных работ относится к 70 годам. Находясь в Швейцарии, Волков принимал участие вместе с Драгомановым в редакции журнала «Громада».

258

Русов Александр Александрович. Род. в 1847 г. Окончил Киевский ун-т. Земский статистик. Заведывал статистическим бюро полтавского земства. Работал также в области этнографии. Был профессором Киевского коммерческого ин-та.

259

Цветковский Георгий Георгиевич. Преподаватель киевской военной гимназии. Затем был переведен в Пб., где был преподавателем в различных учебных заведениях. Принимал участие в устройстве украинской типографии в Женеве.

Житецкий Павел Игнатьевич. Род. в 1836 г. Известен своими работами в области украинского языка, литературы и этнографии.

Вересай Остап, бандурист, один из последних украинских кобзарей. Сын скрипача крестьянина. Род. в с. Калюжинцах, Прилукского уезда Полтавской губ. В 1850 г. его игра и пение обратили внимание П. А. Кулиша и художника Л. М. Жемчужникова. В 1873 г. Лысенко и Русов по поручению Юго-Зап. отделения Русского географического общества занялись изучением репертуара Вересая. В 1875 г. Вересай был привезен в Пб., где выступал со своими песнями и игрой на бандуре в разных ученых обществах и концертах. Умер в 1890 г.

262

«Киевлянин» — литературно-политическая газета. С июля 1864 г. выходила 3 раза, а с конца 1879 г. ежедневно. Основана В. Я. Шульгиным. С самого начала газета приняла резко консервативный характер, изобличая так наз. «польскую интригу» и украинский «сепаратизм» и т. п. После смерти Шульгина в 1878 г. редактором стал проф. Д. И. Пихно.

Шульгин Виталий Яковлевич (1822–1878), историк, профессор Киевского ун-та.

«Киевский Телеграф», политическая и литературная газета. Издателями были Н. Чернышев, А. А. фон-Юнк, А. Ф. Снежко-Блоцкий (в 1869 г. он стал ответств. ред. и оставался им до конца), Н. фон-Юнк. В 1874 г. с № 123 А. А. Гогоцкая. «Киевский Телеграф» был прекращен по распоряжению властей на № 71 за 1876 г.

265

«С.-Петербургские Ведомости» выходили с 1728 г. С 1863–1875 гг. «С.-Петербургские Ведомости» издавались и редактировались В. Ф. Коршем и были умеренно либерального направления.

266

«Голос» — ежедневная политическая и литературная газета. Издавалась с 1863 по 1883 гг. в Пб. А. А. Краевским. По своему влиянию и распространению «Голос» занимал важное место среди русской политической прессы 60-х и 70-х годов. В первый период своего существования (1863–1870 гг.) «Голос» являлся органом умеренно охранительного направления, но с 1871 г., когда редактором стал историк В. А. Бильбасов, газета приняла либеральное направление и часто подвергалась цензурным гонениям. В 1881 г. «Голос» был запрещен на полгода, а затем после кратковременного появления в 1882 г. был снова приостановлен и в 1883 г. прекратил свое существование.

Лободовский Михаил Федорович. Был народным учителем в Киевской губ., а затем волостным писарем на Волыни. Подвергся преследованию в 1875 г. за распространение среди крестьян на Волыни украинских книг.

268

Записка М. В. Юзефовича помещена в тексте настоящей главы со слов: «В период времени, предшествовавший польскому мятежу 1863 года…» до слов «„Киевский Телеграф“, имевший издательницей г-жу Гогоцкую, имел постоянного сотрудника К. И. Кибальчич…». Текст записки Юзефович напечатан в сборнике «Архівна Справа», кн. 2–3, Харьків 1927, стр. 21–24.

Борщов Илья Григорьевич (1833–1878), профессор ботаники в Киевском ун-те. Известен своими работами по флоре Арало-Каспийского края, а также исследованиями водорослей Юго-Зап. России и Аральского моря.

Драгоманов Михаил Петрович (1841–1895), виднейший украинский публицист. С 1864 г. читал лекции в Киевском ун-те и с 1873 г. принял деятельное участие в работе юго-западного отдела Русского географического общества. В 1875 г. уволен из состава профессоров Киевского ун-та и уехал за границу, где редактировал украинские органы («Громады») и общерусские либеральные («Вольное Слово», издававшееся на самом деле «Священной Дружиной»). Последние годы своей жизни провел в Болгарии, куда был приглашен занять кафедру всеобщей истории в Софийском ун-те. Научные работы Д. за последние годы были посвящены выяснению вопросов развития украинской народности и фольклору.

Гогоцкий Сильвестр Сильвестрович (1813–1889), профессор Киевского ун-та и Киевской дух. академии. Философ-гегельянец.

Зибер Николай Иванович (1844–1888), профессор экономист. Окончил Киевский ун-т и в 1873–1875 гг. был доцентом по полит. экономии. В своих работах популяризировал учение Карла Маркса и Фикардо. Вышел в отставку вследствие увольнения Драгоманова из Киевского ун-та и переселился в Берн.

Клоссовский Александр Викентьевич. Известный метеоролог. род. в 1846 г. С. 1876 г. приват-доцент сперва Киевского, потом Петербургского, и с 1881 г. Одесского ун-тов по физической географии и метеорологии.

Лучицкий Иван Васильевич (1845–1919). Профессор всеобщей истории Киевского ун-та до 1901 г. Выбранный в III Гос. думу, Л. переселился в Пб., где возобновил свою преподавательскую деятельность. Известен своими исследованиями по истории землевладения в эпоху французской революции.

Новицкий Иван Петрович (1844–1890). Украинский историк и этнограф. Помещал свои статьи в «Киевлянине», «Киевском Телеграфе», «Киевской Старине», «Киевских Губернских Ведомостях». Существовал исключительно литературным трудом.

Романович-Славатинский Александр Васильевич. Род. в 1832 г. Профессор Киевского ун-та по кафедре истории русского права. Известен своим трудом по истории дворянства в России.

277

«Киевская Старина» — ежемесячный журнал, посвященный истории и этнографии Украины. Основан в 1882 г. Ф. Г. Лебединцевым, с 1888 г. издание перешло к А. С. Лашкевичу, по смерти которого (1889) журнал редактировался Е. А. Кивлицким до 1892 г., а затем В. П. Науменко.

Лебединцев Феофан Гаврилович. Педагог и журналист. По выходе в отставку, поселился в Киеве и предпринял издание журнала «Киевская Старина», первым редактором которого был в 1882–1887 гг.

279

Лашкевич Александр Степанович (1842–1889). Окончил историко-фил. фак-т Киевского ун-та, был мировым посредником, позже мировым судьей и земским гласным в Черниговской губ. В 1888 г. после смерти Ф. Г. Лебединцева стал редактором журнала «Киевская Старина».

280

Поводом к студенческим волнениям в Киевском университете послужили: введение нового университетского устава 1884 г. (отменившего автономию и студенческие организации), а также увольнение доцента Мищенко, который вел агитацию против нового устава.

281

Голубцов Сергей Платонович. Попечитель Киевского учебного округа в 1884 г.

282

Ренненкампф Николай Карлович. Род. в 1832 г. Профессор Киевского ун-та по кафедре энциклопедии права.

283

Дрентельн Александр Романович, ген.-адъютант, ген. от инфантерии (1820–1888). В 1877 г. начальник военных сообщений действующей армии, затем командующий войсками киевского военного округа. В сент. 1878 г. шеф жандармов и гл. начальник III отд. с.е.в. канцелярии. В 1880 г. член Гос. совета, затем врем. одесский ген.-губернатор и команд. войсками округа. В 1881 г. переведен ген.-губернатором в Киев.

7 сентября. — *Прим. автора.*

285

Победоносцев Константин Петрович (1827–1907). Член Гос. совета, обер-прокурор Синода (1880–1905). С 1860–1865 гг. профессор гражданского права Московского ун-та. Будучи назначен преподавателем наследника, будущего Александра III, приобрел влияние на государственные дела, и после вступления на престол Александра III стал его главным советником и был сторонником крайне реакционного направления.

Сидоренко Григорий Дмитриевич (1832–1899). Профессор полит. экономии и финансового права Киевского ун-та.

Субботин Виктор Андреевич, род. в 1844 г. Профессор по кафедре гигиены в Киевском ун-те.

В докладе министра вн. дел гр. Дм. А. Толстого Александру III приводится, на основании донесения Новицкого, описание столкновения на квартире ректора Ренненкампфа: «Объяснение… кончилось тем, что проф. Субботин, отходя от ген.-губернатора, произнес слово „негодяй“. По удостоверению полковника Новицкого, ген.-адъютант Дрентельн не мог слышать направленного против него оскорбительного слова: находившийся же в зале и слышавший выражение Субботина… полковник Трепов, пришел в такое негодование, что, не стесняясь присутствием в той же комнате хозяйки дома, ударил Субботина по лицу. Субботин немедленно отвечал Трепову двумя ударами, затем оба взялись за стулья, но были удержаны от дальнейших насилий профессорами и другими лицами…». На докладе Д. Толстого, Александр III положил следующую резолюцию: «Ужасное безобразие! Жаль, что Дрентельн поехал к ректору лично. Интересно будет узнать об этом подробности от самого губернатора». (См. А. С. Поляков. Царь Миротворец. — «Голос Минувшего», 1918, I–III, стр. 222–223). Описание инцидента между Субботиным и Треповым нашло свое отражение в ряде воспоминаний, дающих различные версии этого события. С. Ю. Витте пишет: «Когда Дрентельн приехал к Ренненкампфу, ему сказали, что Ренненкампф находится у себя в кабинете. Дрентельн пошел к Ренненкампфу, в кабинет, а его адъютант Трепов остался в соседней комнате. В это время в той же комнате находился профессор Субботин… И вот в то время, когда Дрентельн находился у ректора, этот Субботин как-то резко выразился о Дрентельне, тогда Трепов не нашел ничего более уместного, как подойти к этому Субботину дать ему пощечину». (Воспоминания, т. III, Гиз, 1924, стр. 144–145).

Профессор И. А. Линниченко, будучи в 1884 г. студентом Киевского университета, так описывает столкновение Трепова с Субботиным: «Особенно горячился профессор N., обвинявший во всех беспорядках генерал-губернатора. За своего патрона вступился его адъютант, противники обменялись жестокими словами и пылкий военный нанес профессору оскорбление действием. Профессор ухватился за стул и разбил его на голове противника»… (См. И. А. Линниченко. Прерванный юбилей. — «Голос Минувшего», 1918, I–III, стр. 87).

Эти отношения отразились, кажется, на сыне Дрентельна, поступившем в 1886 году в университет. — *Прим. автора.*

290

1 марта 1887 г. арестовано пять участников готовившегося покушения на Александра III: Осипанов, Генералов, Андреюшкин, Канчер и Волохов. 2 марта арестован А. Ульянов и много других; открыта динамитная мастерская и типография. Участники покушения составляли организацию «террористическая фракция партии „Народной Воли“». Вследствие оплошности одного из членов фракции, полиция была заранее осведомлена о предстоящем покушении.

291

Делянов Иван Давыдович (1818–1897), граф, министр народного просвещения с 1882 г.

Зенгер Григорий Эдуардович (1853–1919), профессор всеобщей истории и римской словесности. В 1903 и 1904 гг. министр народного просвещения. В бытность свою товарищем министра народного просвещения был командирован с 30 янв. по 21 февр. 1902 г. для осмотра высших учебных заведений в Киев, Одессу, Нежин, Харьков и Москву.

293

Фортинский Федор Яковлевич (1846–1902). Профессор всеобщей истории Киевского ун-та.

Д. Заславский в своих воспоминаниях о студенческих волнениях в Киевском ун-те 1900 г. так описывает посещение ун-та ген. Новицким: «События нарастали с чрезвычайной быстротой и в начале декабря завершились большой сходкой, на которой студенты решили не расходиться до тех пор, пока не явится для объяснений ректор проф. Фортинский. Часов до десяти вечера шумели, пели хором, даже концерт устроили импровизированный в темноте, — электричество начальством было выключено. А в десять часов, когда часть уже расположилась спать на лавках и на полу, вспыхнул вдруг свет в лампах и явился долгожданный ректор, а с ним жандармский генерал Новицкий, полицмейстер и отряд городовых и казаков с обнаженными шашками. В коридорах выстроились, топоча ногами и лязгая оружием, солдаты. Студенты было подняли крик, но потом присмирели. Силы были явно неравны, и настроение у властей было решительное.» (Д. Заславский. Предрассветное. — «Русское Прошлое», 1923, сб. IV, стр. 81).

295

Об отношениях между Драгомировым и Новицким можно проследить по целому ряду воспоминаний. Так, ген. Сухомлинов, характеризуя деятельность Новицкого, пишет: «Образчиком… отрицательного назначения был генерал Новицкий, к которому Драгомиров относился совершенно справедливо с презрением. Это был патентованный „жандарм-доносчик“, из любви к искусству собиравший сплетни, которые ему служили материалом для доносов, когда по существу не о чем было доносить… Подобного свойства люди, как Новицкий, составили незавидную репутацию корпусу жандармов… Мне передавали, что на каком-то большом обеде, во время закуски, генерал Новицкий подошел к Драгомирову с рюмкой в руках, чтобы выпить за его здоровье. Михаил Иванович с улыбкой добродушно на это ответил: „Пьете за мое здоровье, а потом донесете кому следует, что командующий войсками пьянствует“, о чем Новицкий в действительности доносил». (Сухомлинов. Воспоминания, Гиз, 1926, стр. 128–129). Узнав о доносах Новицкого, Драгомиров, по воспоминаниям А. Спиридовича, «при первой же после этого встречи с ним, повернулся к Новицкому спиной, низко нагнулся и, раздвинув фалды сюртука, сказал: „Виноват, ваше превосходительство, секите, виноват“». (А. Спиридович. Записки жандарма. Изд. «Пролетарий», Харьков, 1926, стр. 114–115). По словам сторожила В. П. Науменко, «один из доносов Новицкого по поводу либеральничания Драгомирова был переслан последнему. Драгомиров вызвал к себе на прием Новицкого. Вышел к нему в одной рубашке и в туфлях, держа в руках пучок розог. Встав перед Новицким и задрав рубашку, Драгомиров вручил розги жандармскому генералу со словами: „Ну, секи, провинился…“. Новицкий, как бомба выскочил из этого своеобразного генерал-губернаторского приема». («На чужой стороне». Прага, 1924. Сб. VII, стр. 260).

Баранов Иван Михайлович, полковник. Исправлял должность Ковенского губернатора. После 1 марта 1881 г. петербургский градоначальник; в 1885 г. назначен нижегородским губернатором.

297

Валуев Петр Александрович (1814–1890), граф, министр вн. дел в 1861–1868 гг., с 1877 г. председатель Гос. совета, в 1881 г. уволен в отставку.

Желябов Андрей Иванович (1851–1881). Один из вождей партии «Народная Воля». Будучи студентом Новороссийского ун-та, в 1873 г. примкнул к одесскому кружку Волховского и занялся пропагандой среди рабочих. Был арестовываем в 1874 и 1877 гг. Судился по процессу 193-х, но был оправдан. На Липецком съезде Желябов играл большую роль. Участник ряда покушений на жизнь Александра II, один из главных деятелей пропаганды народовольцев среди рабочих. 27 февр. 1881 г. Ж. был арестован в Пб. Преданный суду особого присутствия Сената 26–30 марта 1881 г. Ж. вместе с другими первомартовцами был приговорен к смертной казни и 3 апреля повешен на Семеновском плацу.

299

Тригони Михаил Николаевич (1850–1917). В 1880 г. завязывает тесные сношения с А. Желябовым, с которым был близок еще по гимназии и ун-ту, а также с другими представителями «Народной Воли». 27 февр. 1881 г. Т. был арестован. Судом особого присутствия Сената в февр. 1882 г. по процессу 20-ти народовольцев, был приговорен к 20 годам каторги, с 2 августа 1884 г. содержался в Шлиссельбургской крепости. По окончании срока, 2 февр. 1902 г. был сослан на Сахалин. Амнистирован в октябре 1905 г.

Яхненко-Семиренко Ольга Семеновна.

301

Погром начался 26 апреля и продолжался до 28 апреля. Бедные еврейские кварталы были разорены до основания. По Киеву и уезду пострадало 1700 человек, из них евреев 1524 человека.

Гельфман Геся Мироновна (1854–1882). В Киеве училась на акушерских курсах. В 1874 г. окончила курсы и в 1875 г. начала вести революционную пропаганду, в том же году была арестована. В 1877 г. по «делу 50-ти» была приговорена к 2-м годам заключения. После освобождения из тюрьмы была выслана под надзор полиции в Старую Руссу, откуда в 1879 г. бежала, перейдя на нелегальное положение, поселилась в Пб. и всецело отдалась революционной деятельности. Она была хозяйкой конспиративных квартир, на одной из которых происходили собрания первомартовцев и хранились взрывчатые вещества. 3 марта 1881 г. была арестована, судилась по делу 1 марта и была приговорена к смертной казни. Исполнение смертного приговора было отсрочено вследствие ее беременности (Г. была замужем за Колоткевичем). Перед самыми родами ей объявили о помиловании. Через несколько дней после родов у Г. отняли ребенка, после чего она вскоре умерла.

Гриневицкий Игнат Акимович (1856–1881). Студент Пб. технологического ин-та. После образования партии «Народная Воля», Г. примкнул к ней. С 1880–1881 гг. занимался пропагандой среди рабочих. При покушении 1 марта был вторым метальщиком. Результатом взрыва был смертельно ранен.

Куропаткин Алексей Николаевич, ген.-адъютант, ген. от инфантерии (1848–1925). С 1898–1904 гг. военный министр. Во время русско-японской войны командующий манчжурской армией, а затем главнокомандующий всех сухопутных и морских сил, действовавших против Японии. После мукденского поражения был смещен с должности главнокомандующего. Во время империалистической войны командовал гренадерским корпусом. После Октябрьской революции жил в Псковской губ. в деревне учителем.

305

Сергей Александрович, вел. князь, четвертый сын Александра II (1857–1905). В 1887 г. назначен командиром Преображенского полка, а с 1891 г. по день смерти московский ген.-губернатор и команд. войсками московского военного округа. Убит в Москве 4 марта 1905 г. членом боевой организации партии с.-р. И. Каляевым.

306

Витте Сергей Юльевич, граф (1849–1914). В 1892 г. управляющий министерством путей сообщения, и затем в том же году управляющий министерством финансов. В качестве дипломата выступал как представитель России при заключении мира с Японией в Портсмуте, за что получил графский титул. В октябре 1905 г. был назначен премьер-министром. На этом посту пробыл до 22 апр. 1906 г. Будучи министром финансов, провел ряд крупнейших реформ, как введение золотой валюты, винной монополии и т. д.

307

Трепов Александр Федорович. Впоследствии статс-секретарь, член Гос. совета, сенатор, егермейстер. С ноября 1915 г. по 27 июля 1916 г. министр путей сообщения, а с 10 ноября 1916 г. по 27 декабря 1916 г. председатель совета министров. Скончался в Ницце на вокзале в ноябре 1928 г.

Леонтьева Татьяна. Дочь якутского вице-губернатора. Оказывала содействие боевой организации партии с.-р. сообщением сведений о высокопоставленных лицах. Принимала участие в покушении на Д. Ф. Трепова. В 1905 г. была арестована, но после 17 октября была выпущена на свободу. В 1907 г. Л. решила убить быв. министра вн. дел П. Н. Дурново и в отеле Интерлакена (Швейцария) убила француза Мюллера, приняв его по ошибке за П. Н. Дурново. Швейцарским судом была осуждена в 1907 г. к тюремному заключению на 4 года; но в виду ее душевной болезни, вскоре была переведена в психиатрическую больницу.

309

О безграмотности Ф. Ф. Трепова пишет в своих воспоминаниях и В. К. Дебагорий-Мокриевич: «Трепов, этот безграмотный генерал из кантонистов, ухитрявшийся делать, как рассказывали, четыре ошибки в слове „еще“. Он писал Ьсчо.» (См. Воспоминания. Изд. Глаголева. Спб. 1906., стр. 324–325).

Долгорукова Екатерина Михайловна, кн. (светлейшая кн. Юрьевская) (1847–1922). Морганатическая жена Александра II.

311

Левашов Василий Васильевич (1783–1848), граф, ген.-адъютант, ген. от кавалерии. В 1821 г. председатель суда над солдатами Семеновского полка после их возмущения в 1820 г. Николай I поручил ему допрос декабристов, назначив его членом следственной комиссии. В 1831–1835 гг. киевский, подольский и волынский ген.-губернатор. В 1848 г. председатель Гос. совета и комитета министров.

Подлевский Станислав Александрович (1856–1891). Участвовал в сербско-турецкой войне 1875–1876 гг. Живя за границей, занимался революционной деятельностью. В 1885 г. был выдан России и, как член польской социалистической партии «Пролетариат», посажен в Варшавскую цитадель. Освобожденный из тюрьмы в 1889 г., снова уехал за границу. В 1890 г. в Париже совершил убийство ген. Селиверстова, после чего кончил самоубийством в Америке.

Янковская Мария. Известная деятельница польского социалистического движения.

Мендельсон Станислав. Один из родоначальников польского социалистического движения, редактор первых польских социалистических изданий, член «Пролетариата», один из основателей польской социалистической партии. Впоследствии отошел от социализма.

Стрельников Федор Ефимович, ген.-майор, военный прокурор. Составил карьеру киевскими процессами 1879 и 1880 гг., окончившимися рядом казней, начиная с Осинского и кончая Розовским.

Желваков Николай Алексеевич. Будучи вольнослушателем Пб. ун-та, вступил в тесные сношения с партией «Народная Воля». По поручению исполнительного комитета «Народной Воли» совершил убийство ген. Стрельникова. После убийства, несмотря на оказанное вооруженное сопротивление, был задержан вместе с Халтуриным и одесским военным судом приговорен к смертной казни 22 марта 1882 г. Оба были повешены.

317

Черевин Петр Александрович, ген.-адъютант. Тов. главноуправляющего III отд. с.е.в. канцелярии, затем шеф жандармов, тов. министра вн. дел, начальник дворцовой охраны.

318

Санковский Николай (1855–1890). Был волонтером в Черногории, затем акцизным чиновником. 3 ноября 1881 г. явился на прием к шефу жандармов ген. Черевину и, подавая ему прошение, выстрелил, но дал промах. Преданный 9 янв. 1882 г. Спб. военно-окруж. суду, был приговорен к смертной казни, замененной потом каторжными работами без срока. В 1883 г. прибыл на Кару, а затем в 1890 г. в Акатуй. Здесь у С. произошло столкновение с начальником Акатуевской тюрьмы. Посаженный в карцер. С. в ночь на 17 ноября 1890 г. отравился.

319

Ближайшей причиной к увольнению гр. Н. П. Игнатьева с поста министра вн. дел послужил составленный им проект манифеста о созыве земского собора, предположенный к опубликованию 6 мая 1882 г., но не принятый Александром III.

Дурново Иван Николаевич (1830–1903), министр вн. дел после Д. Толстого в 1889–1895 гг.

321

Горемыкин Иван Логгинович. Род. в 1839 г. Окончил училище правоведения. В 1884 г. обер-прокурор 2 деп. Сената, затем в 1891 г. тов. министра юстиции; в 1884 г. — сенатор; с 1895–1899 гг. министр вн. дел; с 1899 г. член Гос. совета. В 1906 г., после ухода Витте, назначен председателем Совета министров. После роспуска I Гос. думы подал в отставку. С янв. 1914 — янв. 1916 гг. снова был назначен председателем Совета министров.

322

Валь Виктор Вильгельмович, род. в 1840 г. В 1892–1895 гг. Пб. градоначальник, 1901–1902 гг. виленский губернатор, 1902–1904 гг. тов. министра вн. дел, а затем член Гос. совета.

Святополк-Мирский Петр Дмитриевич, князь. В 1900 г. тов. министра вн. дел и команд. отд. корпуса жандармов. С 1902–1904 гг. виленский ген.-губернатор. В августе 1904 г. назначен министром вн. дел, уволен в отставку после январских событий 1905 г.

Меньщиков Леонид Петрович. Род. в 1870 г. Член народовольческого кружка в 1885–1887 гг. Был арестован 5 февр. 1887 г. по доносу С. Зубатова. Во время допроса, дав откровенные показания, был освобожден и поступил на службу в охранное отделение, а затем в особом отделе департамента полиции. Более 20 лет продолжалась его служба в розыскных учреждениях. В 1909 г. он уехал за границу и там сделал ряд разоблачений провокаторов.

325

Вильбушевич Мария Владимировна. Была арестована в 1900 г. за принадлежность к Бунду. В 1901 г. сделалась руководительницей «Еврейской независимой рабочей партии». Находилась под воздействием идей Зубатова. После прекращения деятельности партии в 1903 г. уехала в Америку, где вела борьбу с Бундом, а затем в Палестину, принимая участие в работе сионистов.

Волин (Юделевский) Юрий, один из деятелей «Еврейской независимой рабочей партии».

Шаевич Хуна Шаев. Познакомившись с М. Вильбушевич, по ее поручению взялся вести работу по организации одесских рабочих «независимцев». После нескольких забастовок рабочих в Одессе, был арестован 21 июля 1903 г. и отправлен в Вологду, а затем выслан в Колымский край Якутской области на пять лет. По дороге в ссылку был оставлен до весны в Красноярской тюрьме, где вел среди заключенных монархическую агитацию. По манифесту 11 августа 1904 г. Шаевич был освобожден из ссылки.

Гапон Георгий Аполлонович (1870–1906), священник. Завязав сношения с петербургскими рабочими, Гапон приобрел среди них большое влияние; в то же время завел сношения с С. В. Зубатовым и департаментом полиции. В 1903 г. с разрешения Плеве организовал «общество фабрично-заводских рабочих» и был утвержден его председателем. В январские дни 1905 г. становится во главе революционного движения в Петербурге. 9 января им было организовано массовое шествие рабочих к Зимнему дворцу для подачи петиций, закончившееся, как известно, расстрелом. Гапон скрылся за границу. Осенью 1905 г. вернулся в Петербург и 28 марта был убит в Озерках с.-р. Гутенбергом.

329

Лопухин Алексей Александрович, род. в 1864 г. Директор деп. полиции с 1902–1905 гг. Оказал содействие Вл. Бурцеву в разоблачении Азефа, за что был привлечен к ответственности и приговором особого присутствия Сената присужден к 5 годам каторги, замененной ссылкой в Сибирь. В декабре 1912 г. Лопухин был помилован и восстановлен в правах.

330

Сипягин Дмитрий Сергеевич (1853–1902). В 1899–1902 гг. министр вн. дел. Убит 2 апр. 1902 г. в Мариинском дворце членом боевой организации партии с.-р. С. В. Балмашевым.

331

Мельников Михаил Михайлович. Студент Горного ин-та. Член партии с.-р. Прикосновенен к убийству министра вн. дел Сипягина. Арестован в 1903 г. в Киеве, судился в февр. 1904 г. по делу боевой организации партии с.-р. Был приговорен к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. 20 апр. 1904 г. заключен в Шлиссельбургскую крепость, а 30 янв. 1906 г. отправлен в Акатуй.

Гершуни Григорий Андреевич (1870–1908). Один из главных организаторов партии с.-р. Арестованный в 1903 г. в Киевской губ. на ст. Лебедь, отвезен в Петропавловскую крепость. В февр. 1904 г. был предан военно-окруж. суду. Смертный приговор был заменен пожизненным заключением в Шлиссельбургской крепости, куда был отправлен 31 авг. 1904 г.; 30 янв. 1906 г. переведен в Акатуевскую каторжную тюрьму. Оттуда осенью 1906 г. совершил удачный побег в Америку. Умер за границей в марте 1908 г.

333

Григорьев Евгений Константинович. Род. в 1879 г. Состоял с 1901 г. слушателем Михайловской артил. академии. Распространял среди слушателей академии нелегальную эсеровскую литературу. Арестован в феврале 1904 г. На суде, во время процесса Гершуни, дал откровенные показания. В награду за предательство смертная казнь была ему заменена 4 годами каторжных работ.

Спиридович Александр Иванович. В январе 1900 г. был прикомандирован к московскому охранному отделению, где работал под руководством Зубатова. В 1902 г. был назначен нач. таврического охранного отделения, но вскоре переведен на должность нач. киевского охранного отделения (1903–1905). В мае 1905 г. был тяжело ранен двумя пулями заагентуренным им П. Руденко. С 1906–1916 гг. заведывал дворцовой агентурой при дворцовом коменданте. Осенью 1916 г. был назначен ялтинским градоначальником. В настоящее время находится за границей и выпустил свои воспоминания. (См. «Записки жандарма». Изд. Пролетарий. Харьков, 1926 г.).

Богданович Н. М. уфимский губернатор, убит 6 мая 1903 г. членом боевой организации партии с.-р. Егором Дулебовым, которому удалось скрыться.

336

Волнения на Златоустовском казенном горном заводе вызваны были введением расчетных книжек и закона 11 марта 1902 г. По приказу губернатора Богдановича 13 марта 1903 г. в толпу рабочих, требовавших освобождения двух арестованных товарищей было дано несколько залпов, и в результате — убито много рабочих, женщин и детей.

337

По поводу обвинения Новицким В. К. Плеве в попустительстве к убийству губернатора Богдановича А. И. Спиридович пишет: «Генерал жестоко отомстил Плеве за свой уход в своих записках, изданных эсерами еще при царском режиме… он обвинял Плеве в попустительстве к убийству уфимского губернатора Богдановича из-за соперничества на романтической почве. То была клевета, не имевшая, конечно, никакого основания.» (См. А. Спиридович. Записки жандарма. Цит. изд., стр. 132).

Покотилов Алексей. Студент Киевского ун-та. Член боевой организации партии с.-р. Принимал участие в организации покушения на министра вн. дел В. К. Плеве. В ночь с 31 марта на 1 апр. производил снаряжение бомб у себя в номере Северной гостиницы, причем последовал взрыв — и он был убит.

339

Скандраков Александр Спиридонович (1849–1905). Адъютант киевского жандармского управления. После убийства Судейкина непродолжительное время занимал должность инспектора секретной полиции, затем начальника московского охранного отделения. В 1902 г. назначен чиновником особых поручений при министре вн. дел В. К. Плеве.

Боголепов Николай Павлович (1846–1901), профессор римского права. В 1898–1901 гг. министр нар. просвещения, 14 февр. 1901 г. смертельно ранен Н. Карповичем. По настоянию Боголепова были изданы «временные правила» 29 июля 1899 г. «об отбывании воинской повинности воспитанниками высших учебных заведений удалявшимися из сих заведений за учинение скопом беспорядков», в силу которых много киевских и петербургских студентов были сданы в солдаты.

341

Бобриков Николай Иванович, финляндский ген.-губернатор. Убит в Гельсингфорсе 3 июня 1904 г. Евгением Шауманом.

342

Прокурор Ионсон убит Гогенталем.

343

Караулов Василий Андреевич (1854–1910). Дворянин Саратовской губ. С 1880 г., примкнув к «Народной Воле», работал сначала в «Красном Кресте», а в феврале 1884 г., по возвращении из-за границы, был арестован в Киеве. Судился по процессу 12-ти 1–9 ноября 1884 г. и приговорен к 4 годам каторжных работ, которые отбывал до 1888 г. в Шлиссельбургской крепости. Затем был отправлен в Сибирь на поселение. Впоследствии депутат III Гос. думы и член кадетской партии. Вопреки утверждению Новицкого, Караулов в своих показаниях не называл себя «председателем революционного комитета» и таковым в действительности не был. Роль Караулова в партии была значительно скромнее.

Дегаев Сергей Петрович. Участник студенческой организации, член центрального военного кружка «Народной Воли». В 1882 г. уехал в Одессу для устройства народовольческой типографии и в дек. 1882 г. был арестован. Судейкин склонил Д. перейти к нему на службу, устроив ему фиктивный побег из одесской тюрьмы. Благодаря его предательству, была арестована В. И. Фишер и разгромлена военная организация «Народной Воли». Летом 1883 г. Д. уехал за границу и признался Л. Тихомирову в своем предательстве. Д. дал обещание по возвращении в Россию убить Судейкина. 16 дек. после убийства Судейкина 1883 г. Д. бежал за границу.

Конашевич Василий Петрович. Член партии «Народной Воли». Принял участие в убийстве полк. Судейкина 16 дек. 1883 г. вместе с Н. П. Конашевичем на квартире С. Дегаева. Судился по делу Г. Лопатина, приговорен к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. 23 июня 1887 г. заключен в Шлиссельбургскую крепость, а 2 авг. 1896 г., в виду психического расстройства, был переведен в Казанскую психиатрическую лечебницу.

Стародворский Николай Петрович, род. в 1863 г. Член боевой организации «Народной Воли». 16 дек. участвовал вместе с В. П. Конашевичем в убийстве полк. Судейкина. Судился по процессу Г. Лопатина и др., был приговорен к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. 23 июня 1887 г. заключен в Шлиссельбургскую крепость. Освобожден 1 ноября 1905 г.

347

Крестьянские волнения в Харьковской и Полтавской губ. начались в марте 1902 г. Крестьяне Константиноградского уезда Полтавской губ. выступили против помещиков. Восстание охватило Константиноградский и Полтавский уезды Полтавской губ., а также Волковский и Богодуховский уезды Харьковской губ.

Плеве Николай Вячеславович, впоследствии управляющий делами совета министров, гофмейстер и сенатор.